

ЕЛЕНА БОГАТЫРЕВА

ИСПОВЕДЬ

ЛОВЦЫ ДУШ

Лариса, воспитанница детдома, работающая на скорой, переживает личностный кризис: без объяснений исчезает любимый; ее преследуют непонятные личности, символом которых является летучая мышь; неожиданно объявляется мать, которая вызывает у девушки необъяснимую неприязнь...

Что происходит? Почему вокруг нее сплетается клубок мистических и детективных событий? Чья исповедь поможет раскрыть загадочное прошлое ее родителей, которые в поисках просветления в далекие шестидесятые уехали на Алтай?..

Захватывающая история, в которой сплелись любовь и предательство, убийство и сакральные откровения, самопожертвование — и охота за мистическим символом, дарующим всемогущество...

Назначение человека — есть подвиг.

Краткий вывод из философии Н. К.

Нина Анисимовна возвращалась домой разочарованная. Поездка оказалась на редкость утомительной, встреча со старой приятельницей — бессодержательной, сумбурной и в силу этого совсем неоправданной. Подруга погрязла в мелких бытовых сражениях с детьми и внуками, и жизнь за пределами этого круга утратила для нее всякое значение. Горизонты же интересов Нины Анисимовны простирались гораздо шире. В свои семьдесят она с неподдельным интересом наблюдала, как жизнь, порой вкрадчиво и неторопливо, а иногда молниеносно и беспощадно, меняла общественные устои, взгляды, порядки, идеи. Ее волновали люди, которые будут жить в далеком завтра, куда ей уже не попасть: справятся ли они там без нее, сумеют ли отличить добро от зла?

Нина Анисимовна совершенно не зависела от детей — роскошь, которую не каждая ровесница может себе позволить. Конечно, приходилось работать, роскошь эта отнимала уйму сил, а взамен давала совсем немного: возможность ходить с гордо поднятой головой, не докучать молодежи жалобами на перемены самочувствия, а с гриппом бороться в одиночку с помощью баночки засахаренного варенья, по счастливой случайности завалявшегося на полке. Вспоминая обиженное лицо подруги и все ее сетования, Нина Анисимовна только пожимала плечами. Зачем, спрашивается, докучать детям, вмешиваясь, вопреки их желанию, в их жизнь, когда вокруг столько людей, мечтающих, чтобы именно ты посоветовала, помогла, а то и решила бы их проблемы.

Подруга жила на окраине города. По одну сторону дома слепили городские огни, по другую чернела промзона, носившая до глупости высокопарное название — Парнас. Единственным видом транспорта здесь были юркие микроавтобусы, напичканные неудобными шаткими сиденьями. Очередь на маршрутку показалась Нине Анисимовне бесконечной, но выбирать не приходилось, а потому она, вздохнув, пристроилась в хвост и тут же ступила в глубокую лужу, промочив ноги. Другой счел бы день окончательно испорченным, но Нина Анисимовна, напротив, решила, что теперь-то ей точно терять больше нечего, улыбнулась и расслабилась.

Очередь вела себя шумно и подвижно, потому что состояла в основном из молодых людей, совсем не умеющих ждать. Толпа покачивалась то вправо, то влево и, непонятно за счет чего, медленно продвигалась вперед. Первая маршрутка сократила очередь примерно в половину. Во вторую явно не попасть, а вот в третью Нина Анисимовна рассчитывала сесть одной из первых. Но третья маршрутка пришла вместе со второй, и все, позабыв приличия и помня только о позднем времени, бросились к распахнувшимся дверям.

Не успела Нина Анисимовна опомниться, как ее понесло в живом человеческом потоке и — она вовремя догадалась пригнуть голову — швырнуло на сиденье у окна. Изумившись своему везению, она принялась шарить рукой в сумке, вылавливая кошелек и потихоньку разглядывая своих соседей. И буквально обожглась, встретившись взглядом с молодым белокрысым пареньком, сидящим справа. Неприятный взгляд: с блеском и неуравновешенный. «Вор», — предположила Нина Анисимовна. Вообще-то, она не была

склонна так скоро давать людям характеристики, но в маршрутке хрипел русский шансон, и ассоциация всплыла сама собой. Нина Анисимовна с задорным злорадством перестала прижимать к себе сумочку, коль вор — пусть пошарит: кроме пяти рублей в потайном карманчике, ничего не найдет, а времени потеряет достаточно, чтобы не лезть к остальным. В ее сумке любой бы заблудился...

Но предполагаемый вор не обратил ни малейшего внимания на ее приглашающий жест, а впился немигающим взглядом в затылок женщины, сидящей к ним спиной. «Ага, — Нина Анисимовна заинтересовалась. — Значит, не вор, а влюбленный. У них порой одинаковый блеск в глазах...» Она попыталась разглядеть женщину, наклоняясь на поворотах более чем следовало и вправо, и влево, но рассмотрела только обычную светлую куртку да легкий шарф, выбивающийся из-под воротника.

Когда собственное любопытство уже порядком ей поднадоело, женщина обернулась, попросила водителя притормозить перед перекрестком, и Нина Анисимовна тихо ахнула. Она-то ожидала увидеть смазливую девчонку, а женщине — около пятидесяти. Не успела она опомниться, как машина остановилась и женщина вышла, направившись в сторону плохо освещенного сквера, а вслед за ней, отдавив в спешке Нине Анисимовне ногу, выскочил и молодой человек.

Тревога поднялась в душе Нины Анисимовны ужасная. Во-первых, вспомнились все газетные сообщения о нападениях на одиноких женщин. Во-вторых, эти ужасные истории про наркоманов, которым настолько нужны деньги, что они теряют всякий стыд и человеческий облик. Маршрутка застряла на светофоре, и, вглядываясь в грязное стекло, Нина Анисимовна с возрастающим беспокойством следила, как молодой человек идет вслед за женщиной.

Выбросить из головы такое странное происшествие она не могла. Ей всегда казалось, что она в ответе за этот мир, что без нее все может рухнуть в тартарары. Машина едва набрала скорость, как Нина Анисимовна крикнула шоферу, чтобы выпустил ее за перекрестком. Она быстрым шагом возвращалась назад, переполненная возмущением и праведным гневом, начисто позабыв о собственной безопасности.

Женщина шла достаточно быстро, и Нине Анисимовне пришлось даже пробежаться трусцой, что в ее возрасте было непростительной глупостью. Потому что после бега она начала задыхаться, и о том, чтобы продолжать держать темп, не могло быть и речи. От женщины ее отделяло метров пятнадцать, когда молодой человек, находящийся ровнехонько между ними, шмыгнул вдруг в сторону, в кусты.

Нина Анисимовна крикнула. Это она точно помнила. Но тут же осела на землю, угодив левой ногой в небольшую яму. И вовремя, потому что в тот же самый момент раздался громкий хлопок и у нее над головой что-то неприятно просвистело. На мгновение она оцепенела, а когда пришла в себя, увидела, как молодой негодяй удирает в сторону освещенного шоссе. На обочине его поджидала машина с открытой дверцей; парень прыгнул на переднее сиденье, и она тут же рванула с места. Ее попутчица, лежавшая на дорожке без движения, зашевелилась, поднялась и, отряхивая на ходу куртку, поспешила к ней. Женщина протянула руку и помогла подняться.

— С вами все в порядке?

— Со мной? — удивилась Нина Анисимовна. — Кажется — все. Что это было? Мне показалось или он стрелял из пистолета?

Она ощупала плечи и руки.

— Зачем вам понадобилось так рисковать?

— Кто же мог предположить такое? Думала, тип, что сверлил вас взглядом в маршрутке, хочет вас ограбить. Ну, знаете, как могло бы быть — стукнет по голове, отнимет сумочку. Вот и вышла из солидарности. Если будет свидетель, он не отважится...

Объяснение вышло сумбурным, но женщина, похоже, поняла.

— Спасибо, — сказала она и закусила губу.

Нина Анисимовна вдруг разглядела в тусклом свете фонаря, что рукав светлой куртки у нее на предплечье разорван и потемнел.

— Вы... вы ранены, — сказала она почему-то полусшепотом.

— Я знаю. Где вы живете?

— На Черной речке.

Женщина достала из кармана деньги и протянула Нине Анисимовне:

— Я прошу вас, поезжайте на такси.

— Это ни к чему. Отсюда уже ходит мой трамвай...

— Нельзя. Только на такси. И чтобы к самому подъезду. Иначе — опасно.

— Вы шутите!

— Какие уж тут шутки...

Продолжать спор с человеком, истекающим кровью, показалось Нине Анисимовне безумием, а потому она лишь спросила:

— Вы сможете добраться до больницы?

— Не беспокойтесь обо мне, — через силу улыбнулась ей женщина. — Теперь со мной все будет в порядке.

— Скажите хотя бы, как вас зовут?

Женщина усмехнулась и помолчала, словно решая, стоит ли называть свое имя. А потом едва заметно махнула рукой и ответила:

— Марта.

— Знаете что, я оставлю вам свои координаты, — торопливо заговорила Нина Анисимовна и протянула визитку, которую Марта машинально положила в карман...

* * *

Распрощавшись с удивительной женщиной, Марта направилась в глубь сквера. Голова кружилась, рука горела, а от боли временами темнело в глазах. Она оглянулась на свой дом, где прожила последние пять лет. Сердце сжалось от тоски. Возвращаться туда нельзя...

Рука висела плетью и болела так, что хотелось выть. Дождавшись, пока женщина уедет, Марта заняла ее место у перекрестка.

Она нащупала в сумочке вторую связку ключей, поймала машину и долго торговалась с шофером, внимательно изучая его лицо. Парень попался жадный, но, слава богу, не из тех, с кем она сегодня не хотела бы больше встречаться. Только окончательно придя к такому выводу, Марта села в машину.

Квартира в Карельском переулке выглядела неуютно. Марта скинула куртку на пол. Скрипя зубами, стянула свитер. Изнывая от тошноты, которую у нее всегда вызывал вид крови, осмотрела руку. Заставила себя вспомнить все, что знала об огнестрельных ранениях. Марта смыла кровь, поражаясь, что все еще стоит на ногах, дрожащими руками наложила

повязку. Отыскала в шкафу старую кофту, накинула на плечи, пытаясь унять приступ озноба, и села возле телефона. Нужно было успеть предупредить остальных...

* * *

Серый дом по набережной Смоленки имел дурную репутацию. Несмотря на чопорный дворянский фасад, в чреве своем он содержал скандальные коммуналки, откуда по округе расплозились небритые мужчины и женщины с оплывшими лицами в поисках пустых бутылок. Расселение, бодро начатое два года назад, застопорилось из-за спора между риелторами и последними коммунальщиками, разорвавшими первоначальный договор и отказавшимися ехать в район Комендантского аэропорта дышать свежим воздухом лесов Юнтоловского заповедника, обещанным им агентством недвижимости. Одни ссылались на то, что туда «только самолетом летать», — новую станцию метро так и не построили. Другие, опомнившись после первой эйфории, вызванной тем, что смогут наконец выбраться из девятиметрового клоповника десятикомнатной коммуналки, впали во вторую и шантажировали теперь риелторов требованиями трехкомнатных квартир в историческом центре. Но, несмотря на то что оставшиеся строптивные коммунальщики были поголовно расчетливыми трезвенниками, репутация дома не стала лучше.

Ходили слухи, что в одной из пустующих квартир там нынче устроено веселое заведение. Женщины из соседнего дома нервничали по этому поводу больше обычного и каждый вечер группками бегали встречать законно подвыпивших после работы мужей к автобусной остановке. Старухи, страдающие бессонницей, проводили ночи напролет у мутных окон, надеясь увидеть хотя бы одну особу легкого поведения, чтобы дать выход накопившемуся за годы несчастливой жизни праведному гневу, а может быть даже, швырнуть в потаскушку заготовленным рваным ботинком.

Но бдения их не приносили результата, тротуар оставался безлюдным, только подержанные иномарки шныряли по дороге. Девушек же выпускали через черный ход, сажали в рафик с тонированными стеклами и рекламой кока-колы по бокам и развозили после работы по домам. Мария Андреевна — хозяйка заведения — с самого начала держалась этого правила, и Кари всегда следовала ему беспрекословно.

Вот уже два года Кари возглавляла нелегальный салон на набережной, а все еще не стерлись в памяти ни побои родителей, ни холод и скука вещевого рынка, где она торговала индийскими пряностями и благовониями. Свое нынешнее прозвище — Кари — она принесла с рынка. Волосы девушки полыхали желто-оранжевым пламенем, напоминающим цвет приправы. Ее жизнь резко переменилась, когда, переминаясь с ноги на ногу на морозе у своего лотка, она разговорилась с приятной пожилой женщиной. Мария Андреевна пригласила Кари к себе, пообещала работу в салоне красоты. Конечно, навестив «добрую старушку», девушка быстро догадалась, что, по сути, ей предлагают заниматься не только и не столько массажем, сколько оказанием иных услуг... Но Мария Андреевна так просто и интеллигентно говорила о предстоящей работе, к тому же обещала сытую жизнь и защиту... Из затрапезной пенсионерки, коих на рынке тьма, в respectableм офисе она превратилась в холеную даму, а девушки, присутствующие при их беседе, смотрели на нее с обожанием.

Отработав полгода, Кари поняла, в чем отличие заведения Марии Андреевны от других

подобных. Мария Андреевна строго отбирала контингент клиентов. Никаких бандитов, никаких психопатов, никаких наркотиков — три непреложных правила. В числе их клиентов были ветреные молодые люди, которым еще рано задумываться о женитьбе, их Кари помечала в журнале буквой «З», что означало — «зеленые». Категорию «Б» составляли бизнесмены, которым просто не хватало времени, чтобы поухаживать за женщиной, перед тем как уложить ее в постель. Жесткое расписание встреч и поездок заставляло пользоваться услугами тех, кого не нужно уговаривать. Конечно, под их началом находилось немало сотрудниц, готовых оказать те же услуги, но, как правило, это обходилось дороже и было чревато неприятными последствиями. Под буквой «П» были собраны робкие, закомплексованные типы. Еще «П» означало — перспективные. «Пэшники» быстро привязывались к первой же приглашенной девушке, и уже через два-три месяца девушка исчезала из списков Кари и появлялась в списках загса. Так что Мария Андреевна по праву считала себя еще и свахой.

К Кари Мария Андреевна прониклась особой симпатией, и благодаря этому девушка довольно быстро оказалась на «административной» работе, изредка только, да лишь по собственному желанию, надевая кружевное белье для клиента, к которому была равнодушна... В последнее время Мария Андреевна поговаривала, что собирается отойти от дел, и, судя по всему, готовила Кари на свое место. Девушка вела бухгалтерию и ездила отчитываться в налоговую по тем салонам красоты, где и вправду только стригли и делали маникюр.

Хозяйка уже полчаса сидела за столом, изучая отчеты, а Кари с трепетом следила за выражением ее лица.

— Да не трусь ты, — оторвалась от бумаг Мария Андреевна, — все в порядке.

Кари вздохнула и улыбнулась. В сумочке хозяйки зазвенел мобильный телефон.

— Слушаю, — не отрываясь от бумаг, ровным тоном произнесла Мария Андреевна.

Но, едва узнав звонившую, резко встала и сняла очки:

— Марта?

— Да, Маша. Это началось.

Мария Андреевна медленно опустилась в кресло и прикрыла глаза.

— Когда?

— Час назад. Помнишь, что нужно делать?

— Конечно, — неохотно ответила Мария Андреевна. — Господи, столько лет прошло!

Неужели снова?!..

— Уезжай.

— Сегодня же.

Мария Андреевна замолчала и махнула рукой Кари, чтобы та вышла. Девушка закрыла за собой дверь, но любопытство оказалось сильнее, и она прижалась к ней всем телом, пытаясь расслышать каждое слово...

— Ведь это — изгнание! Я никогда не смогу вернуться!

— Лучше изгнание, чем пуля...

— В тебя стреляли? Ты цела?

— Да. На всякий случай — прощай, Маша.

— Подожди! — крикнула Мария Андреевна в трубку срывающимся голосом. — Обещай мне... Знаю, что не могу просить тебя, но не просить тоже не могу. Помоги Полине!

— Я буду помогать всем им.

— Но ведь Поля самая слабенькая! Она ни на что не годится!

— Это не так, — смягчилась Марта. — Но я пригляжу за ней.

И повесила трубку.

Мария Андреевна поднялась и накинула плащ.

— Кари, — позвала она. — Я уезжаю, Кари.

Их прервал вошедший охранник:

— Мария Андреевна, у вашей машины упорно трутся два типа. Притащить?

— Нет, — покачала головой Мария Андреевна, — не нужно.

— Думаете, менты?

— Нет. Я выйду черным ходом. Ты, Саша, отвезешь меня в аэропорт на своей машине. К моей не прикасайтесь. Даже если я не вернусь никогда.

— Так сгниет ведь! — с горечью воскликнул Саша, глядя в окно на новенький «мерседес», который сам выбрал для хозяйки только на прошлой неделе.

— Лучше пусть он, чем ты, — ответила Мария Андреевна. — Едем! — Она шагнула к двери.

— Мария Андреевна, — бросилась за ней Кари, — а как же...

— Все дела на тебе. Доверенности и печати в сейфе, где ключ — знаешь.

— Но как с вами связаться?

— Я буду постоянно на связи. Электронная почта, квип. И еще, — Мария Андреевна спохватилась. — Саша, спускайся к машине, я догоню.

Когда охранник вышел, она сказала:

— Кари, если к тебе обратится за помощью женщина — ее зовут Марта, — сделай все, что она попросит. Даже если просьба покажется тебе... странной.

— Я все сделаю, — горячо пообещала Кари.

Голос ее дрогнул.

— Прощай. — Мария Андреевна порывисто обняла девушку и вышла из комнаты.

«Колыванова Мария Андреевна. Год рождения: 1945. В 1967 году окончила философский факультет Ленинградского государственного университета. В 1967–1968 годах училась в аспирантуре, числилась младшим научным сотрудником, вела семинары по научному атеизму.

В 1970 году осуждена за тунеядство и соучастие в убийстве на пятнадцать лет. Отбывала наказание в колонии строгого режима.

В 1985 году вернулась в Ленинград, работала в разных организациях гардеробщицей, вахтером, табельщицей.

В 1990 году подала в суд на начальника колонии, в которой отбывала срок. Заявление к рассмотрению принято не было, в судебном разбирательстве истице отказано.

В 1991 году зарегистрировала кооператив „Красавица" по оказанию парикмахерских услуг населению».

Марта набрала следующий номер телефона.

— Кого позвать? Гаврилову? — ответили ей сквозь шипение и треск. — Да где ж я вам

ее искать стану? Откуда вы? Говорите громче! Тут такой гвалт! Из нотариальной конторы? Наследство?! Ну, тогда подождите, не вешайте трубку...

В чреве ресторана дым стоял столбом. Официантки кричали на поваров, те на помощников, а последние, плотая ругательства, резали себе пальцы, обжигались кипящим бульоном и проклинали нечаянных гостей, свалившихся сегодня на их бедную голову.

Мойщица посуды, снявшая трубку, не сразу заметила Галю, дравшую плотку у большого чана с карасями.

— А я говорю, — орала она повару Степану, — они сказали в сметане, а не уху.

— Дык сами ж сперва уху требуют, а потом...

— Выпили потом и передумали!

— А я ж чем виноват? Я ж их уже варю! — Лицо Степана налилось багровой краской.

— Да плюнь ты. Вылови и на сковороду засандаль! Сметаной потом зальешь, будет как надо!

— А может, еще выпьют, снова ухи захотят?

— Так не сливай навар-то. Требухи бросишь, и уха будет. Они ж такие деньжищи отвалили!

— Так и валили бы с деньжищами в «Асторию». Там бы и выкобенивались! А чего в захудалом кабаке деликатесов требовать?!

— Хозяина спроси!

— Да уж, не зря говорят: неожиданный гость хуже татарина.

Тут Галина заметила, что кто-то тянет ее за рукав.

— К телефону тебя, — проорала ей в ухо посудомойка.

— Да пошли ты их! Не видишь — кручусь.

— Говорят — важное, — округлила глаза старая приятельница. — Поди, послушай...

Галина неохотно протиснулась мимо горячих кастрюль и сковородок к телефону. Зажала рукой одно ухо, проорала:

— Слушаю!

— Это Марта! — донеслось до нее гулко. — Уезжай. Поняла?

— Поняла! — сказала она упавшим голосом и в ответ услышала гудки.

Мойщица, внимательно наблюдавшая за Галиной, схватилась за сердце:

— Чё, много деньжищ перепало?

— Каких деньжищ? — Галина смотрела сквозь нее.

— Ну, там сказали — вроде наследство. Вон ты как сразу вспотела. Небось не мало пообещали! Бутылку хоть поставишь нам, бедным?

— Открывай. — Галина смотрела прямо перед собой, не замечая, как подружка суетится, разливая по стаканам водку.

В свои пятьдесят она выглядела дородной матроной без единой морщинки на полном, чистом, словно у ребенка, лице. Немного помогала в зале официанткам, когда те зашивались, а в основном играла роль приветливой мамки-няньки для братков-малолеток, которые ее просто обожали. После хозяина в заведении была главной. Славилась еще и тем, что в покер и преферанс могла надуть любого. Равных ей не было. В своем маленьком мирке Галина была личностью знаменитой, да и деньги перепали подчас хорошие. Хозяин ей нарадоваться не мог. Впечатление производила солидное, к каждому посетителю свой ключик имела. Сколько раз заставлял у нее на груди успокоенного сопливого мальчишку с отобранным кастетом, льющего слезы о своей продажной марухе. А кому бы могло взбрести

в голову, что чинная матушка в карты мухлюет? Да на ее простодушную рожу посмотришь — никогда не поверишь, что такой под силу в сложной карточной игре разобраться. А тем более «кидать» опытных игроков...

Сегодня Галина собиралась сорвать хороший куш. Ресторан откупила на весь вечер компания богатых мужичков из архангельских лесов. Деньги у них в спортивной сумке — пачками, а говор совсем не столичный. В центральных кабаках хозяйничать неловко. Вот и рассудили, что лучше в забегаловке побыть барами, чем на Невском косые взгляды иностранцев ловить.

Гости уже и выпили, и закусили. И прониклись к Галюне душевной симпатией. Вот-вот должны были сесть в карты. Жаль упускать такой случай. Но и страшно. Марта нарочно пугать не станет. Пять лет с ней не виделись, а помнит она их разговор слово в слово... «Он не оставит нас в покое. Меняешь место — звони. Что случится — звони. Готовь пути к бегству, может быть неожиданному...» Пока говорили с Мартой, мороз по коже бежал. А как расстались, жизнь свое взяла.

Галина жила беспечно, денег не скопила. А обстановку в квартире разве вынесешь? И вот теперь — бежать. Но далеко ли убежишь без наличных? И где она еще столько заработает?

Галина решила так: играть сегодня все-таки нужно. Вряд ли ее найдут так скоро. Вот денег выиграт, а там и посмотрит...

— Галюня, — звал из зала хозяин, — куда ж вы подевались? Вас тут все заждались!

— Иду!

Галина выпила водки, приосанилась и пошла бомбить карточных профанов.

Они сыграли три партии, и возле нее уже лежала приличная пачка тысячерублевок. Мужики архангельские в раж вошли, стали зелень американскую на стол кидать, требовать еще партию. Галина сидела спиной к стеклянной витрине и тасовала колоду, когда молодой мужчина приставил к стеклу пистолет и выстрелил ей в затылок... Гости архангельские полегли на пол, официантки с визгом заметались по залу, но Галина уже ничего этого не видела и не слышала...

«Гаврилова Галина Ивановна. Год рождения: 1947. В 1964-м окончила училище и с 1965 года работала на кондитерской фабрике.

В 1970 году осуждена за тунеядство и соучастие в убийстве на двенадцать лет. Отбывала наказание в колонии.

В 1980 году досрочно освободилась. Жила в Пскове, Новгороде, Перми, Москве. Проходила свидетельницей по двум уголовным делам. Картежница-аферистка.

С 1988 года живет в Ленинграде, работает официанткой в кафе „Русские напевы"».

Рука болела нестерпимо. Марта порылась в аптечке и выпила две таблетки анальгина: с просроченным сроком действия, но выбирать не приходилось. Наверно, нужно было позвонить Ангелине. Вряд ли, правда, ей что-то угрожает, но все-таки...

В доме престарелых, где жила Ангелина, ее попросили представиться и через несколько минут с удовольствием сообщили, что Туманова говорить с ней не желает.

Как обычно. Марта так и не смогла переубедить ее...

Вспомнилась последняя их встреча.

— Я не стану участвовать в твоей затее! — Ангелина мелко трясла головой.

— Ты встанешь на его сторону?

— Нет! Я вас обоих не переношу! Я вас никогда не переносила! Когда вы уезжали, я радовалась как ребенок, что больше не услышу ваших бредовых разговоров, не увижу ваших горящих глаз и всех этих ваших дурацких ритуалов, в которые вы превратили каждый свой шаг! Пятнадцать лет я прожила словно у Христа за пазухой: никого не спрашивая, ни на кого не оглядываясь, а потом появилась ты и подсунула мне девчонку! Но теперь — все! Лариса взрослая. Не знаю, кто из вас и во что хочет ее впутать. Не знаю и не хочу знать! Я уезжаю. Делайте что хотите!

— Но ведь она тебе не чужая...

— Это ты мне говоришь?! — Ангелина зло усмехнулась. — И это говорит мне она!..

Лариса стояла в курилке, вжавшись в угол. В руке дымилась зажженная сигарета. Курить, правда, так и не научилась, но только здесь, на сквозняке у окна, она могла укрыться от колючих взглядов коллег, с тех пор как вернулась. За окном ветер гонял осенние листья и обрывки газет. По небу метались клочья грязно-серых облаков. Возвращаться в кабинет не хотелось.

Мужской половине их некогда дружного коллектива было не важно, где она пропадала три месяца и почему вернулась безжизненной и погасшей. Работа сумасшедшая, времени приглядываться к тому, кто рядом, — в обрез. Заглянуть в глаза друг другу и что-то друг про друга понять удавалось только в редкие праздники, но Лариса больше не принимала в них участия.

Но от женской наблюдательности скрыться не так-то просто. И хотя коллеги тоже ничего не спрашивали, но, похоже, сами составили картину происшествия и теперь поглядывали в ее сторону с нездоровым любопытством, перешептывались за спиной, понимающе улыбаясь друг другу.

Впрочем, со стороны ее отъезд и возвращение выглядели банальной глупостью. Роман с женатым человеком, неудачная попытка начать совместную жизнь в другом городе... Лариса могла бы безошибочно угадать, о чем говорят за ее спиной.

«Что это у нас с Беловой? Ходит как пыльным мешком ушибленная».

«Да мужик бросил...»

«Всего-то? Не ее первую...»

И — возмущение. У женщин возмущение вместо сочувствия — дело обычное, особенно если кто-то переживает то, что они уже оплакали. Ларисе не раз приходилось возить рожениц. В больнице, если женщина не ограничивалась легкими стонами, тут же получала выговор: «Чего орешь?»

«Так больно ведь...»

«Все рожали, и никто не умер...»

Лариса закрывала глаза и представляла родильный зал, где стоит гробовая тишина.

Вот и теперь ей в спину летели взгляды, в которых читалось: всех бросали, и никто не умер, не одна ты такая!

Но Ларисе казалось, что она одна такая несчастная. Были бы у нее родители, возможно, все сложилось бы по-другому. Наверняка — по-другому. Но выросла она в детском доме, и теперь присматривать за ней было некому. Даже родная тетка от нее сбежала. Нет, что-то с ней не так!

Детский дом стал для нее семьей. Но однажды случилось несчастье, и она всех потеряла. Хорошо еще, что именно тогда ее нашла тетя. Иначе даже представить трудно, как бы она выкарабкивалась... Лариса окончила медицинское училище, стала фельдшером, попала по распределению на скорую помощь. С головой ушла в работу. На каждый вызов мчалась впереди всех. Казалось, исправляет ошибку той, другой скорой, которая не успела приехать вовремя и спасти ее близких...

Три года пролетели незаметно. Никакой личной жизни, в друзьях — только коллеги, вся жизнь — на работе: и будни, и праздники. Старая боль отпустила. И тут появился Саша...

Он был старше: Ларисе — двадцать пять, ему — под сорок. Она приехала по вызову к

его дочери-студентке. Температура зашкаливала, навскидку похоже на воспаление легких. Мать плакала, беспомощно суежилась, собирая дочь в больницу. Саша примчался домой, когда они уже спускались по лестнице, попытался сунуть Ларисе деньги, чтобы дочери обеспечили отдельную палату и специальный уход.

Лариса нахмурилась, но подняла на него глаза, и раздражение улетучилось. Деньги — это мелочь. Такой ради дочери жизни не пожалеет.

— Я только отвезу ее. Остальное решается в больнице, — сказала она как можно мягче. — Если хотите, можете поехать с нами...

Он посмотрел на нее с благодарностью. Потом, через несколько месяцев, когда они стали встречаться, Саша рассказывал, что именно в тот момент, когда она подняла на него глаза и сменила неожиданно гнев на милость, он и понял впервые в жизни, что такое любовь.

— Кипятком окатило, и в горле комок — не вдохнуть, не выдохнуть... Решил даже поначалу, что у меня инфаркт...

Разыскал он ее потом чудом. Случайно попал на диспетчера, работавшего в ту смену, случайно на врача, который знал Ларису. Узнал, когда у нее заканчивается смена, ждал на морозе полтора часа. Потом еще шел незаметно следом, пока она не распрощалась с коллегами и не осталась одна.

— Можно мне проводить вас?

А губы у него были синие от холода...

Позже она оценила этот поступок по-настоящему. Мог бы приехать на машине, поджидать в теплом салоне. Но как чувствовал: Лариса ни за что не села бы в его роскошный «BMW». Поблагодарила бы за предложение подвезти и нырнула в метро.

Он не принес цветов в первый раз, не набивался в гости. Просто проводил до парадной, открыл дверь, посмотрел, как она поднимается по ступенькам, и ушел.

Дома Лариса не гадала, что бы это значило. Сердце сжалось. Но она прекрасно помнила его богатый дом, красивую жену в пушистом белом халате, взрослую дочь. В его жизни нет места для Ларисы. Зачем же тогда он приходил?

На следующий день все повторилось. Но теперь она ждала его. Ждала и постаралась выйти раньше всех. И он не обманул ее ожиданий. Они снова шли рядом к метро. Но теперь Лариса шла медленней...

* * *

Сигарета обожгла пальцы, Лариса постояла еще немного в курилке и медленно поплелась в кабинет, надеясь, что вторую бригаду вызвали и там теперь никого. Но не тут-то было: Галя, Наташа и Тамара Петровна, едва она переступила порог, дружно обернулись. Похоже, настроены они сегодня решительно: сейчас начнут расспрашивать, утешать, давать советы... Старшая медсестра появилась как спасение:

— Срочный вызов, — она внимательно обвела всех взглядом, — на свадьбу. Белова, одна справишься? Твоего врача я только что отправила.

— Конечно.

Лариса подхватила сумку и вышла.

Скорая остановилась у входа в Александро-Невскую лавру. За воротами Лариса

смешалась с толпой гостей, которые не то пили шампанское, не то, устав пить, поливали им друг друга. Пожилая женщина, у которой с плеча свисала шкурка неопознаваемого животного, протиснулась к ней сквозь толпу и, борясь с икотой, объяснила, что жених только что венчался, но до дворца бракосочетаний не дотянул, пав по дороге. Толстым пальцем женщина ткнула в сторону некрополя.

Невесту Лариса увидела издали: среди разноцветья опавших листьев девушка выглядела белым пятном. Она сидела на надгробии Ланской, расправив складки воздушного подвенечного платья, и время от времени лениво подносила к губам короткую дамскую сигару в позолоченном мундштуке.

— Кому плохо? — спросила Лариса.

Невеста внимательно оглядела ее с ног до головы, выпустила дым и спрыгнула на землю.

— Мне нужно, — сказала она твердо, — чтобы он дотянул до Дворца бракосочетания. Понимаешь? Любой ценой!

— Кто — он?

— Да вот, — кивнула девушка на охапку осенних листьев, и только тогда Лариса заметила, что поверх кучи лежит маленький лысый толстячок в черном смокинге.

Лариса пощупала пульс, легко перевернула бедолагу на спину и отпрянула:

— Да он, похоже, просто-напросто мертвецки пьян!

— А то я сама не знаю, — поежилась невеста.

— Так чего вы хотите от меня?

— Я хочу, чтобы он встал, пусть хоть на четвереньки, уж как получится, и оставался бы в частичном хотя бы сознании до того момента, пока нам в паспортах не поставят печати о регистрации брака, — отчеканила невеста. — Триста долларов вас устроит?

— При чем здесь скорая помощь? Выведением из запоев занимаются совсем другие службы. Вы ведь сказали по телефону, что у него сердечный приступ, так?

— А если приступ, — поджала губы невеста, — вы поставите его на ноги?

— Если приступ, мы положим его на носилки.

— Нет.

Девушка глубоко затянулась сигарой, выпустила целый фонтан дыма и сменила тон:

— Слушай, подруга, погибаю. Мне эта регистрация — во как нужна, — она полоснула кроваво-красным ногтем по горлу. — Я актриса. Ставка у меня в театре — копеечная. А у этого типа — своя строительная компания...

— Хоть две.

— Ну, ты что, не можешь его чем-нибудь кольнуть, чтоб поднялся? Ты пойми, я от Бога актриса. Я работу свою люблю и подрабатывать уборщицей в казино больше не хочу. Мне в кои-то веки попался богатый мужик. Квартиру купил из пятнадцати комнат.

Лариса смотрела на девушку безучастно.

— Да не смотри ты на меня так. Мне все эти тряпки и побрякушки — даром не нужны. У меня призвание, понимаешь... — По щекам девушки покатались слезы. — Я хочу играть в своем маленьком театрике. Дочка у меня... Три годика...

— Ладно, записывай телефон, — не выдержала Лариса.

Из складок платья невеста ловко извлекла сотовый и тут же набрала номер, продиктованный Ларисой. Поговорив, она удовлетворенно вздохнула:

— Обещал быть через десять минут. Не обманет?

— Нет.

— Приходилось пользоваться такими услугами? — с участием поинтересовалась невеста.

— Это мой знакомый. Звал как-то работать, — бросила Лариса и, уходя, с отвращением взглянула на жениха. — Что же вы так все-таки... ради денег...

— Так ты на него внимательно посмотри, — предложила невеста, — в нем что, кроме денег что-то есть?

— Но в первый раз и так...

— Почему в первый? Это мой третий брак, — искренне удивилась невеста.

Лариса быстрым шагом возвращалась к машине, пытаясь ответить себе на два вопроса. Действительно ли девушка расчувствовалась, разговаривая с ней, или она лишь талантливая актриса; и почему, черт побери, Наталья Гончарова похоронена как Ланская и нигде даже в скобочках самыми маленькими буквами не значится, что была она некогда любимой женой великого русского поэта. Это ведь так важно! Ведь если люди умеют притворяться, как эта девушка, значит, и Саша тоже мог... А если женщины забывают, что некогда их любили необыкновенные мужчины, то, значит, и она забудет...

Перед Невским машина попала в огромную пробку, и на Ларису снова нахлынули воспоминания. На этот раз самые жаркие — их первые поцелуи, первые объятия... Она передернула плечами, потому что даже теперь, через год, от этих воспоминаний мурашки бежали по телу. Вот ведь как бывает на свете. Один человек уходит, а другой застревает в прошлом, прокручивая и прокручивая в памяти каждый час минувшей любви...

* * *

Три месяца они ходили вокруг да около. Каждый боролся с собой. Правда, теперь он уже подъезжал к больнице на машине, вез ее в какое-нибудь маленькое кафе поужинать и послушать музыку. Но в конце концов неизменно раскланивался возле парадной и растворялся в темноте. От этих невинных хождений желание, с которым оба так мужественно боролись, только росло, и однажды они все-таки не смогли с ним больше бороться. Страсть захватила их на несколько месяцев — оглушила и ослепила. Они забыли, что у их любви нет будущего. Но ведь рано или поздно это открытие должно было их отрезвить...

Последние месяцы весны оказались самыми мучительными. Саша делал выбор, а она — ждала. Нет ничего тяжелее такого ожидания.

— Понимаешь, — говорил он, — с женой мы давно стали чужими людьми. Но Ирочка... Она же ни в чем не виновата...

Лариса навещала пару раз девушку еще тогда, когда та лежала в больнице. Слышала, как отзывались о ней медсестры. Они звали ее «сучкой избалованной», говорили, что родителей таких девочек отстреливать нужно, пока еще кого-нибудь не родили и не воспитали «людям на радость».

Но Саша любил дочку слепо.

— Ирочка очень чувствительная девочка, ты ее просто не знаешь, — говорил он. — Она без меня пропадет. Мать ее совсем не понимает...

А Лариса, оставаясь одна вечерами, терзаемая муками ревности, ехала к его дому и

кружила неподалеку, поглядывая на освещенные окна. Сколько раз ей приходилось видеть Ирочку выходящей из подъезда под руку с мамой, щебечущую, кладущую голову той на плечо, кривящую губы вслед прохожим...

В глубине души копилась обида. Порой Лариса говорила себе, что она тоже ранимая и тоже ни в чем не виновата, порой убеждала себя, что родители на то и родители, чтобы любить своих детей, какими бы те ни были. Да и ситуация любовного треугольника всегда патовая: невозможно угодить всем.

Но Саша сделал свой нелегкий выбор. В конце весны, когда для Ларисы весь мир сделался серым, а под глазами от бессонных ночей залегли черные тени, он пришел к ней с легкой спортивной сумкой.

— Все. Больше я никуда не уйду.

Она была слишком потрясена, чтобы интересоваться подробностями. Только на следующий день, когда изъявления обоюдной любви оставляли время и мыслям, она вдруг осознала, что он не торопится на работу.

— У тебя выходной?

— Я все оставил жене. Фирму, машину, квартиру.

Лариса закусила губу. Ей ли не знать, чего ему стоил успех.

— Не горюй, — успокоил он. — Получилось один раз, получится и во второй. Только давай уедем! Так нам будет спокойнее.

— Куда?

— У меня родители в Карелии. Начнем все заново...

Они начали все заново, и в июне Лариса почти поверила, что нет женщины счастливее нее. В июле трижды ему звонила дочь. После этих звонков он часами молча курил на кухне, а Лариса тихо сходила с ума в пустой спальне. Казалось невероятным, что их совместное счастье оказалось таким коротким...

В августе Саша съездил в Санкт-Петербург. А вернувшись, вдруг сделался необычайно к ней нежным. Она отвечала на его поцелуи, глотая слезы. Она принимала их за прощание и со дня на день ожидала, что он скажет ей: «Прости, я ошибся...» Август тянулся медленно, как перегруженная повозка с трудом тянется за старой клячей, а Саша не торопился с объяснениями...

Самое смешное, что их вообще не последовало. Ни тебе «так получилось, Лариса», ни тебе «прощай». Просто ушел однажды утром и не вернулся.

Неделю она ждала и плакала от обиды и от злости на себя, что с обидой своей не может справиться. В понедельник вечером она почти ненавидела Сашу, упрекая во всех смертных грехах, во вторник днем трясущимися руками крутила диск телефона, обзванивая на всякий случай морги и больницы. В среду ей приснилось, что он умер. И она снова весь день плакала сначала от нестерпимой боли, что его нет на свете, потом — от обиды на собственную глупость — чего только не придумает брошенная баба.

В четверг каждый час ей в голову приходили новые мысли: что его похитили и требуют выкуп с жены, что он потерял память и заперт где-нибудь в психиатрической больнице, что отправился в лес и заблудился...

В пятницу, перешагнув через чувство собственного достоинства, она позвонила ему домой. Ранимая девочка Ирочка рывкнула, что такой здесь больше не живет, и швырнула трубку. В субботу, превозмогая стыд, Лариса навестила его родителей и обрисовала им ситуацию. Старики пожали плечами и посмотрели на нее с отстраненным сожалением. Они

не одобряли разводов.

В воскресенье, выплавав все слезы, Лариса собрала вещи и вернулась в Петербург.

Ее с радостью взяли на прежнее место. Работы как всегда было больше, чем людей. В глубине души она продолжала ждать, но Саша как в воду канул...

* * *

Возвращаясь в машине на станцию, Лариса прикрыла глаза и провалилась в сон.

Ей снова было семнадцать. Она стояла у реки, теребя кончик косы. Она знала, что река эта соединяется с озером Бурным, а неподалеку от их детского дома есть местечко, которое называется Заветное. Еще дальше — Приозерск.

Она смотрела в воду, пытаясь унять бурю, разразившуюся в ее душе после разговора с Мартой. Лариса несколько раз глубоко вздохнула, задержала дыхание, шумно выдохнула, но сердце продолжало колотиться, а скулы сводило от напряжения. Ей хотелось плакать, но она чувствовала, что слезы выйдут злыми и облегчения не принесут.

Мысли будоражили, заставляли суетливо складывать кусочки мозаики собственной жизни, но толку от этого было мало. Сама для себя она была задачей с множеством неизвестных. Как она попала в детский дом? Кто ее родители?

Эти и еще с десятков других вопросов она и задала сегодня Марте, но ни на один из них не получила ответа. Почему же от нее скрывают правду? И какое, интересно, Марта имеет право скрывать?.. Лариса задыхнулась от возмущения. Любому нормальному человеку хочется знать, кто он и кому обязан жизнью!

Лариса смотрела в воду и, сама того не замечая, постепенно успокаивалась. На исходе жаркого лета зеленая река медленно двигалась на восток, как упитанная змея, неторопливо прокладывая себе путь сквозь заросли кустарника. Плакучая ива склонилась к самой воде и пыталась ухватить зеленую непослушную тварь ветками. У самого берега бились потемневшие к осени блюдца кувшинок, казавшиеся без желтых цветов старыми девами — поблекшими и никому не интересными. А плеск воды у мостков звучал бесконечными сплетнями, в которых они находят утешение.

Пора было возвращаться.

Как только из-за деревьев показался дом, ее охватило щемящее чувство скорой разлуки. Она и радовалась тому, что ждет ее в будущем, и чувствовала себя предательницей, бросающей на произвол судьбы родное гнездо. Когда их здесь не будет, дом наверняка обветшает, в нем поселятся полевые мыши, вороны станут хозяйничать на крыше, ухоженные розы вырождаются в дикий кустарник с мелкими невзрачными цветами. Это непременно случится в конце июня, когда они разъедутся и детский дом опустеет...

Лариса делила комнату с Полиной. Она не помнила, что было в ее жизни до тех моментов, которые память порой выхватывала из молочного тумана раннего детства. Этакое застывшие картинки. На всех картинках — обязательно Марта. Сначала — Марта. Она была с ними всегда, с самого начала. Слово «детский дом» они узнали от деревенских ребят. Марта никогда не упоминала этого слова. Она говорила — наша семья. Поэтому Полину Лариса всегда звала сестрой.

Они делили комнату и проводили все время вместе. Полина пропала бы без Ларисы. Когда что-нибудь случалось, Полина непременно оказывалась в эпицентре события. Если

разбивалась ваза с цветами, Полина тут же ранила руку осколком; если шел дождь, можно было поспорить, что она промочит ноги и заработает простуду; если заливали каток зимой, то падала на идеально гладкой его поверхности одна только Полина. У нее была странная способность попадать во все неприятности с катастрофической фатальностью. Но Лариса часто успевала подхватить ее под локоть, когда подруга едва не ступала в огромную лужу; напомнить о том, что не мешало бы надеть шарф, когда они шли на прогулку зимой, или отвлечь разговором, пока кто-то другой выметал осколки разбившегося стакана.

Несмотря на то что часы пробили десять, Полина не спала, умирая от любопытства.

— Что она тебе сказала?

— Ты не поверишь...

Лариса и сама бы не поверила в то, что узнала, скажи ей об этом не Марта, а кто-нибудь другой.

— У меня есть родственница.

Полина замахала руками:

— Где?! — В глазах у нее стоял неподдельный испуг.

— В Ленинграде.

Полина смотрела на Ларису не мигая.

— И она берет меня к себе.

— Невероятно! — выдохнула подруга. — А кем она тебе приходится? Как нашла тебя?

Сколько ей лет?

В детском доме слово «родственник» сродни магическому заклинанию. Если у тебя есть родственники, это все равно как если бы были корни. Ты уже не листочек, гонимый ветром, ты часть семейного древа — могучего и крепкого. А значит — не такой, как остальные...

Лариса смотрела на Полину с нежностью. Разумеется, она ее не бросит. Как только обживется у тети — заберет к себе. Они обсудили детали. Лариса собиралась поступать в Ленинградский университет на исторический, Полина кусала ногти, не решаясь сделать окончательный выбор. Вдруг Полине показалось, что пахнет дымом. Она подскочила на кровати. Лариса рассмеялась. Действительно, тянуло слегка дымком, но ведь ясно, что у тетушки Ольги снова что-то не ладилось с печью. Старушка упорно отказывалась купить электрическую плитку или связываться с газовым баллоном и готовила по старинке. Но Полина не успокоилась, а побежала к двери. Она толкала ее изо всех сил, но дверь не поддавалась. Это было невероятно, потому что замков у них не ставили, и никто никогда не запирался.

Лариса подскочила к Полине и принялась колотить в дверь.

— Откройте! — кричала она. — Что там случилось? У нас дверь заклинило, слышите?

Дымовая завеса становилась плотнее. Полина закашлялась, Лариса оттащила ее в комнату, и только тогда они услышали, что в соседних комнатах тоже стучат.

Данила что-то кричал им, и они никак в панике не могли разобрать. Он кричал, чтобы вышибали окно, и еще, что, как только выберется, поможет. Комната девушек находилась на втором этаже, но если бы им удалось открыть окно, они смогли бы легко спрыгнуть на землю — не так уж и высоко. Но окно, словно заколдованное, не поддавалось. Сверху доносился вой и тяжелый топот ног Леша. На третьем этаже только одна комната. «Ему не выбраться», — пронеслось в голове у Ларисы, прежде чем все поплыло у нее перед глазами.

Она схватила табурет и швырнула в окно. С улицы доносился далекий звук сирены. «Лешу спасут», — успела подумать Лариса.

— Полина, слышишь...

Но Полина ничего не слышала. Она лежала на полу, в дыму, без сознания. Лариса помнила, как шла к ней... Дым ел глаза и раздирал горло. Она поминутно кашляла. За дверью в коридоре трещало пламя...

— Марта, Марта! — крикнула Лариса, закашлялась и потеряла сознание.

* * *

Лариса очнулась от того, что их водитель Семен осторожно тряс ее за плечо.

— Все, родимая, приехали. Ты б валерьяночки, что ли, выпила...

— Зачем?

— Пока спала, вон, все вздрагивала, да маму звала.

— Маму? — не поняла Лариса и, припоминая обрывки сна, поправила: — Марту, наверно.

Семен был прирожденным спорщиком и хотел было возразить, что не глухой еще, хоть и на пенсии, но вовремя вспомнил, что Лариса у них детдомовская, и осекся.

— Ну как скажешь...

Глава 2

Всю ночь Марта не могла сомкнуть глаз. Рука ныла не переставая. Но как только боль притуплялась, ее охватывала паника. В ее возрасте любая рана — беда, заживает долго. Силы уже не те. Едва Марта приподнималась на кушетке, чтобы встать и выпить очередную порцию лекарства, голова кружилась, а ноги становились ватными и не слушались.

Неожиданность происшествия парализовала ее чуть ли не больше самого ранения. Она ждала угроз, даже, возможно, нападения, но у нее и в мыслях не было, что убрать ее могут без всяких предупреждений, одним выстрелом. Ей стало страшно. Она просчиталась. По какой-то наивной женской глупости, которую так и не сумела до конца вытравить из души, Марта полагала, что если он и не любит ее до сих пор, то... Она ошиблась. Он не станет ни с кем церемониться. Его методы изменились, а стало быть, изменился и он сам. Разлюбил эффекты, идет к цели кратчайшим путем. Она думала, он ее не тронет! Памятуя о старой любви. А он вспомнил о ней первой. Памятуя старое предательство...

Силы таяли... Наваливалось тупое безразличие. Она старая женщина. Кого она может спасти? Кому помочь? Волнами накатывало забытье... Марта приходила в себя от собственных стонов. Лампочка под потолком слепила глаза так, что они слезились. Или это она плакала? Уже не разобрать. Все вокруг заволочло липким густым туманом, похожим на смерть...

* * *

Она попала в эпицентр дурных видений.

Они снова были вместе. И Маша — маленькая, хрупкая, с умными живыми глазами, и Женя — самая старшая, всегда отстраненная, ироничная, ведущая свою игру, и сумасшедший ее муженек Сенечка, взхлеб рассказывающий о Рерихах, о преобразении пространства с помощью направленной мысли, о Шамбале, о Беловодье... Сколько ночей они провели без сна, упиваясь поисками смысла жизни? Сколько месяцев вынашивали свои планы?

Остальные оказались с ними в одной компании случайно. Галя — русская красавица с косой до пояса, потому что не ладилось в семье, готова была бежать от родителей хоть на край света. Лешка — потому что любил Женю. Дмитрий — потому что хотел быть рядом с Галиной. И Андрей тоже был жертвой обстоятельств. Его увлекла Марта своими горячими проповедями. Он не хотел ехать. Категорически. И много лет потом ее мучил вопрос: если бы и Андрей не поехал и не отпустил ее, возможно, у них была бы другая судьба и они до сих пор жили бы вместе. Но она его уговорила...

И Марте было не жаль.

Она не хотела бы повернуть время вспять и переиграть все заново. Потому что тогда, пусть не познав самого большого на свете горя, она не познала бы и самой большой радости. Радости любви. И даже теперь, когда силы ее таяли, только сила любви осталась в ней.

* * *

Марта лежала в испарине, вода мутным взглядом по потолку, снова и снова теряя сознание от боли...

Впервые она жалела о том, что не решилась никому открыться до конца... Неужели теперь все это она унесет с собой? Невозможно! Она тяжело поднялась с кровати и села. В висках гулко стучало. Боль накатывала душными волнами вместе с тошнотой и страхом. Ей нужно было кому-то все рассказать. Иначе вся ее жизнь теряла смысл. Только вот — кому? Перед глазами возникло лицо женщины в темном парке. Она ведь, кажется, оставила ей свой телефон. Медленно, цепляясь за стену, Марта добралась до прихожей, сунула руку в карман куртки.

Бумажка, которую она в темноте приняла за визитку, оказалась рекламным листком с тремя телефонами. Немецкие вина? Вряд ли это могло относиться... Карбюраторы. Какие еще карбюраторы? Ах, вот! Уроки немецкого. Наверняка она. Теперь — к телефону.

Каждый шаг казался Марте непреодолимым препятствием. Но затеплившаяся надежда придавала сил. После нескольких длинных гудков ей ответили:

— Я вас слушаю, — сказала женщина, и Марта слабо улыбнулась: голос она запомнила прекрасно.

Заплетающимся языком она сообщила, кто она. Объяснять остальное оказалось излишним.

— Где вы находитесь? Я сейчас приеду, — с готовностью предложила Нина Анисимовна.

Марта назвала адрес и выронила телефонную трубку из рук. Путь назад, до кровати, представлялся ей теперь невыносимым. Тем более что нужно будет снова вставать, чтобы открыть дверь. Она решила устроиться в коридоре. Огляделась. Вытащила из шкафа старую кроличью шубу, бросила на пол и повалилась на нее, укрывшись курткой. Сознание оставалось ясным, но Марта закрыла глаза и решила немного подремать.

Нужно беречь силы.

* * *

Нина Анисимовна звонила в дверь уже в пятый раз. От того, что ей никто не отвечал, она волновалась все больше и ругала себя за то, что бросила вчера раненую женщину на произвол судьбы. Похоже, теперь состояние ее осложнилось...

Наконец Марта услышала звонки, выплыв из забытья, и, с трудом поднявшись, открыла. Нине Анисимовне пришлось подхватить ее и помочь добраться до кровати.

— Вам срочно нужен врач! — воскликнула Нина Анисимовна. — Вы горите!

— Нет, только не врач. Мне нужно, чтобы вы меня выслушали...

* * *

Для Нины Анисимовны это был самый фантастический день в ее жизни. А прожила она длинную жизнь, и фантастики в ней хватало. Она была слушательницей особенной. Проникая в ткань повествования собеседника, Нина Анисимовна, как зачарованная, уплывала в видениях, навеянных рассказом, и воспринимала все так, словно сама являлась

непосредственной участницей событий.

Марта говорила невнятно, отрывочно. Порой ее слов совсем нельзя было разобрать, и тогда Нина Анисимовна вставала, приносила из кухни стакан воды и протягивала Марте приготовленные лекарства. Перед ее мысленным взором вставал Алтай, где она не была ни разу. Как Марта сказала? Там ты словно у Него на ладони...

Нина Анисимовна видела себя на этой ладони, и сердце ее замирало от удивительного ощущения соприкосновения с вечностью...

Она видела их всех — тех, о ком рассказывала Марта. Высокую, сухопарую Евгению. Красивую и недобрую. Ее мужа — Сеню, сентиментального философа, который витает в облаках и ничего не видит даже у себя под носом. Не замечает, что его постоянный слушатель — Алексей — давно спит с его женой. Так давно, что эта связь успела сделаться для Евгении привычной, если не наскучить.

Евгения скучает. Это случается с женщинами страстной натуры, которым некуда себя деть. Нина Анисимовна сама знала массу примеров тому... Таким нужен *мужчина*. Сеня был тонким, понимающим, терпеливым. А таким нужен совсем другой — обыкновенный, и — лучше всего — с плеткой. Тогда они входят в разум. А если такого мужчины рядом не оказывается, что ж... Ей скучно, ей нравится играть с людьми, творить их судьбы по собственным лекалам. Она притягивает их легко, словно достает из аквариума сачком рыбок.

Так к ним в дом попадает молоденькая соседка Марта, совсем недавно вышедшая замуж. Марта, широко раскрыв глаза, слушает рассказы Сени. О Рерихах. Нет, не то, что написано о них в книгах по истории. Марта учится на историческом и книг прочла много. Она слушает то, что невозможно нигде прочитать. Об агни-йоге. О волшебном камне. О письмах Рериха Сениному деду. На столе, под светом лампы разливается Беловодье — чудесный город, жители которого все поголовно счастливы, потому что познали главную тайну бытия. Марта молода, она страстно желает счастья и мудрости.

Она слушает, и Васильевский остров кажется ей заколдованным местом, отделенным от города высокой социалистической культуры Ленинграда не только Невой и заливом, но и таинством науки и магии, поселившимся здесь. Смоленское кладбище, где они всей компанией часто прогуливаются, дымится призраками. Позади Смоленки, на Голодае встают туманные лики пятерых не похороненных декабристов. А вдоль по Малому проспекту медленно движутся тени Рерихов, оставляя за собой светящийся след.

Страна, раскинувшаяся через весь континент, кажется тесной, потому что не включает Тибет — хранителя тайн вселенной и человечества. Замалчивание преподавателями интереснейших моментов истории кажется умышленным, а запрещенная вера — не важно в какого Бога — единственно возможным выходом.

Пока Марта ошеломленно слушает Сеню, Евгения приглядывается к ее мужу.

— Сколько же ему лет? Ах, вот как... Совсем мальчик.

А у самой подрагивают тонкие пальцы, ломается сигарета. Ее всегда влекло к тем, кто моложе. И больше всего — к тем, кто счастлив уже без нее.

Но молодой муж Марты — материалист. Он смеется над рассказами жены и отказывается от приглашений к соседям. Книги о Рерихах, которые она подсовывает ему иногда, вызывают у него раздражение.

— Все это какой-то бред, — говорит он жене. — Одурманивают они тебя своими сказками.

Он не приходит к соседям снова и снова. Евгения от досады кусает тонкие губы, и настроение ее меняется каждую минуту без всякой причины. Но Марта не замечает. Для Марты открывается другая жизнь, иные возможности. Ей хочется иного и для себя, и для ребенка, которого она носит под сердцем. Если мысль уподобляется волнам, таким же как электрические или магнитные, то преобразование мира представляется ей настолько возможным, что хочется начать сегодня, сейчас же!.. Они с Сеней проводят долгие вечера, экспериментируя с передачей мыслей. Но Ленинград — совсем не то место, где это может получиться легко и естественно...

Через год в доме Евгении появляется Галина. Заплаканную соседку Женя притащила с лестничной площадки и долго пыталась на кухне о причине ее слез. Оказалось все просто: отчим лапает при каждом удобном случае. Сегодня — ударил. Галина заливается слезами. Евгения утешает. Чувствует себя спасительницей. Она поможет беспомощной девушке. Ей ведь скоро тридцать, и она знает, что в жизни почем.

Галина приходит каждый вечер и сидит допоздна. Ей малопонятны споры Сени и Марты, она просто ждет, пока мать вернется домой. Отчим пробовал увести ее от соседей, но открыла Евгения, посмотрела так, что сомнений не осталось — она все знает. Ушел, выругался грязно, но только после того, как закрыл за собой плотно дверь. При Евгении — не посмел. А тут и защитник у Галины нашелся. У спелых и симпатичных быстро находятся покровители. Коллега Сени, забежавший как-то за бумагами, — Дмитрий. Вот, кажется, и вся компания в сборе.

Ах, нет. Еще Маша. Она — младший научный сотрудник и пишет диссертацию под руководством Сени. Маша в доме — частый гость. Серьезная, деловитая. Но слишком миленькая, чтобы мужчины относились к ней всерьез. Она поправляет Сеню, краснея, время от времени. Слишком уж его заносит с рассказами: пугает даты, последовательность событий меняет местами. Но зато — размах какой. Воображение, которое дорисовывает мелкие детали. У Маши нет воображения. Ей трудно дается наука. Больше того, что написано в книгах, она не видит. Она тайно учится у Сени, перенимает манеру повествования. Дома делает заметки на полях своих лекций: «в этом месте голосом выделить следующую фразу». И фраза отчеркнута красным карандашом. Или: «слово произнести громко, выдержать паузу и посмотреть на студентов». Есть у нее и другой интерес к Сене. Она тщательно скрывает этот свой интерес, но все давно догадываются...

Когда и кто называет их вечерние посиделки общиной — вспомнить почти невозможно. Но название все принимают. А Сеня — сан учителя. Андрей криво усмехается, когда Марта сообщает ему о таких переменах. «Вы все, — говорит он, — сошли с ума. И „учитель" ваш — в первую голову». Он даже увлекся психиатрией, читает научные книжки и выписывает журнал. Хотя он вовсе не психиатр, а врач-анестезиолог...

— Это все, что вам нужно знать, — едва шевеля пересохшими губами, говорит Марта. — Остальное — вот.

Нина Анисимовна, с трудом вырвавшись из пригрезившейся ей просторной ленинградской квартиры, где, склонив головы над картой, молодые люди с восторгом строят планы на будущее, возвращается в реальность. Марта пытается сказать еще что-то, но уже не может. Здоровой рукой она все тянет и тянет цепочку с шеи. Нина Анисимовна помогает ей и, к своему великому изумлению, на конце цепочки видит не крестик, а маленький ключ.

Ненадолго Марта теряет сознание.

Нина Анисимовна сидит над ней, осторожно двумя пальцами удерживая ключ и не зная,

что теперь делать. Постепенно сознание ее проясняется окончательно, и чувство ответственности терзает сердце, подталкивая не сидеть сложа руки, дожидаясь, пока Марта тихо отправится на тот свет, а сделать хоть что-нибудь.

Положение кажется ей абсурдным. Марта хотела что-то сказать, но не успела сказать ничего особенного. Показала ключ, но не сказала, что с ним делать. Ей непонятно, почему Марта не хочет в больницу, но она смутно догадывается, памятуя выстрел на улице, что для этого есть какие-то, возможно весьма веские, основания. Но — что за основания могут быть для того, чтобы так неразумно умереть?

* * *

Нина Анисимовна встала и принялась мерить комнату широкими шагами, заложив руки за спину. В голове стоял туман, наполовину состоящий из рассказанного Мартой, наполовину — из воспоминаний собственной юности. У них тоже была компания. И возможно, в последний свой час ей тоже захочется вспомнить именно о ней. Все имена запечатлены в сердце и не подвержены склерозу. Забвение, съевшее почти треть жизни, стершее подробности и мелкие факты, не прикасается к именам друзей. Нина Анисимовна стала перебирать их как драгоценные камни и неожиданно застыла на месте. Коля! Он ведь был врачом. И все считали, что у него золотые руки и бесценный дар!

Она бросилась в прихожую и запустила обе руки в сумочку, выуживая записную книжку. Там все ее знакомые: старые, новые, бывшие, настоящие. Ей казалось кощунством вычеркнуть с пожелтевших страниц хотя бы одно имя. Пусть уже полвека не звонила кому-то, не заезжала и даже перестала видеть во сне, но вычеркнуть имя было для нее равносильно убийству. Или самоубийству — все-таки все эти люди — ее прошлое.

Вот он, Коля. Ох-хо-хо-хо-хо! Автово. Не ближний свет. Особенно в ночное время и при пенсии, позволяющей ездить только на велосипеде, потому что задаром. «Но что-нибудь придумается, — решила она, — главное — действовать».

Воровски оглянувшись на Марту, Нина Анисимовна сняла трубку...

Глава 3

В кабинете Лариса сидела неподвижно, глядя в дальний угол. Чувствовала себя полностью опустошенной. Единственное, чего ей хотелось теперь, так это сидеть вот так, ни о чем не думать и ничего не чувствовать. Но не тут-то было. В коридоре послышались шаги. Первая бригада вернулась с вызова.

Как только женщины вошли в комнату, Лариса полезла в сумочку за сигаретами. Вытащила пачку, отыскала зажигалку и пошла к выходу.

— Не много ли куришь? — спросила Галя.

А Тамара Петровна закрыла перед ней дверь:

— И не думай больше! Хватит бегать. Вон твоё кресло любимое в углу. Или не заметила, что его никто не занимает?

Сзади подошла Наташа, самая молоденькая, обняла за плечи:

— Мы тебя все любим, — протянула она тихо. — Чего ты все одна да одна?

Лариса обернулась к ней и совершенно неожиданно для себя заплакала. Наташа заревела вслед за ней. Их обеих обняла Галя, шмыгающая носом.

Через минуту Тамара Петровна, с трудом сдерживаясь, чтобы не присоединиться к ним, оттащила Галю и Наташу и усадила Ларису в кресло. Лариса попыталась что-нибудь сказать, но только расплакалась еще сильнее.

— Поплачь, поплачь, — сказала Тамара Петровна, — сама ведь знаешь, слезы — лучшее лекарство. Одна сегодня кататься больше не будешь! Дома одна сидишь в четырех стенах, на работе — одна. Так и свихнуться недолго! Ездить будешь с нами, из машины выйдешь, только когда нарвешься вволю. Как врач говорю — выплакать все нужно. И не вздумай спорить!

— Белова, — ворвалась в кабинет старшая медсестра, но, быстро уловив контекст происходящего, осеклась.

— Я за нее, — откликнулась Наташа. — Я тоже фельдшер.

— Тогда быстро дуй с Семеном на Садовую вот по этому адресу.

Наташа вышла, а Тамара Петровна повернулась к старшей:

— Белова сегодня ездит со мной! Так себе и запиши!

* * *

— Тамара Петровна, — семенила за врачом старшая медсестра, — что там с Ларисой-то? Рассказала?

— Нужны мне ее рассказы. И так все ясно, — огрызнулась та.

— Все-таки бросил он ее, да? Ах, какой негодяй! Я так и знала! Лариска теперь всю жизнь по нему сохнуть будет. Натура у нее такая!

— Чушь! Клин клином вышибает. Появится другой: надежный и неженатый.

— Ага, — усмехнулась старшая медсестра, — и с серьезными намерениями. Таких всех еще в прошлом веке разобрали! Они...

Ее оборвал телефонный звонок.

— Скорая! — крикнула она в трубку.

Вернувшись, Тамара Петровна застала женщин заплаканных, но просветленных. Лариса немного оттаяла.

— Галя, — рывкнула Тамара Петровна, — марш умываться. И кремом своим тональным намажься погуще. Сегодня разрешаю. А то у тебя лицо цветом вареного рака напоминает.

Галя подскочила к зеркалу, охнула и помчалась к умывальнику.

— Поедешь с нами, — сказала Тамара Петровна Ларисе. — Посидишь с водителем.

Лариса замотала головой.

— Ну конечно, если что-то серьезное, позовем и тебя. Не волнуйся. Ты же меня знаешь — всех запрягу.

Лариса слабо улыбнулась. И снова расплакалась, на этот раз уже от того, что ее любят и понимают.

В машине Тамара Петровна села рядом с Ларисой, обняла за плечи, прижала к себе и тихо бормотала всю дорогу:

— Поплачь, поплачь. Хотя ты теперь не плакать — радоваться должна. Все несчастья с тобой уже случились. А значит, впереди тебя ждет — что? Правильно, самая большая радость. Иначе и быть не может. Самый темный час ночи — перед рассветом. И уж поверь мне, что Бог не делает — все к лучшему.

Машина затормозила у подъезда, и Тамара Петровна, быстро поцеловав Ларису в щеку, вышла.

Прожив на свете сорок девять лет, Тамара Петровна так и не смогла понять, почему женщины выбирают порой столь неподходящих для счастья мужчин. Она выросла в большой и дружной семье, вышла замуж и вот уже без малого двадцать пять лет обзаводилась собственной большой семьей. Два года назад оба сына наградили ее обворожительными внучками. На праздники одного большого стола не хватало, ставили два. Выслушивая горестные любовные истории подруг и знакомых, она никак не могла взять в толк: как же так можно было ошибиться в человеке? Ей одного беглого взгляда хватало, чтобы понять: станет этот мужчина приличным мужем и отцом или нет.

Тамара Петровна вышла из лифта и нажала кнопку звонка. Ей открыл высокий молодой человек, несколько взъерошенный, с тревожным взглядом.

— Санников Николай Савельевич, — отчеканила Тамара Петровна.

— Да-да, — посторонился молодой человек. — Проходите.

Она посмотрела на него удивленно. Век живи, век учишь: от молодого человека, показавшегося ей в первую минуту весьма славным, несло перегаром. «Ну что ж, — сказала она себе, — не считай, что знаешь все на свете. Жизнь всегда полна сюрпризов...»

Квартира оказалась чистенькой и уютной, а Николай Савельевич — солидным пожилым мужчиной весьма интеллигентного вида. Тамара Петровна покосилась на молодого человека: вид у него был смущенный, глаза — умные и грустные. Она быстро измерила давление старику, нахмурилась, набрала в шприц лекарство, засыпала вопросами:

— Часто это у вас?

— Впервые.

— Повышенные физические нагрузки? Вчера? Сегодня утром?

— У отца ноги парализованы, — осторожно вставил молодой человек.

Тамара Петровна сделала укол. Госпитализировать деда нужно было срочно.

— Значит, так, — деловито начала она, — я сейчас схожу за носилками. А вы, — кивнула она молодому человеку, — нам поможете спустить...

— Не надо носилок, — спокойно прервал ее Николай Савельевич. — Я никуда не поеду.

Сказал так, что Тамара Петровна сразу поняла: спорить бесполезно. На таких стариков она в своей практике насмотрелась. В принципе, она свое дело сделала, нужно подписывать бумаги об отказе и уезжать.

— Жена его дома? — спросила она резко.

— Мама умерла, — ответил молодой человек.

Сердце у Тамары Петровны на мгновение сжалось.

Но паузы в такой момент особенно недопустимы, а потому она потребовала казенным тоном:

— Вы... Как вас зовут?

— Костя.

— Костя, нужно подписать бумаги, что ваш отец отказывается ехать в больницу.

Пойдемте на кухню.

Санников-младший послушно написал все, что продиктовала ему Тамара Петровна.

— Теперь пусть отец подпишет и вы тоже, — сказала она.

Константин встал было, но тут Тамара Петровна дернула его за руку с такой силой, что он опустился на стул.

— Что вы себе думаете? — прошипела она, — Ваш отец в крайне тяжелом состоянии, понимаете? За ним нужно наблюдать: день или неделю — сколько потребуется. Нужно мерить давление через каждые полчаса, если будут показания — делать инъекции. Без этого он погибнет! Хотя случай совсем не смертельный. Он не должен погибнуть из-за своего упрямства и вашего равнодушного соучастия. Вы ведь уже потеряли мать...

Она осеклась. Молодой человек был бледен и держался, похоже, из последних сил.

Длинные черные ресницы вздрагивали, губы были плотно сжаты. Тамара Петровна потрепала его по руке.

— Уговори его, слышишь? Пойди, попробуй.

— Это бесполезно, — коротко бросил Костя. — Он и скорую-то не разрешал... Он не поедет. И я, — он замолчал на мгновение, стараясь справиться с собой, — я ничего не могу сделать.

Последние слова он произнес обреченно, словно подписывая самому себе смертный приговор. Людям не всегда можно помочь — это Тамара Петровна усвоила давно. И уж точно нельзя помочь, когда они сами этого не хотят. Молодые бывают глупы или упрямы, но на уговоры поддаются, а вот старики...

— Вы женаты? — спросила Тамара Петровна.

— Нет.

— Ухаживаете за отцом сами?

— Конечно. Да он и не подпустил бы никого другого.

— Намучились?

— Что? — не понял Костя.

— Давно это с ним? — сменила тему Тамара Петровна.

— Как мама умерла — уже два года.

— А лечить пытались?

— Вы же видите, — развел руками Костя.

— Хорошо! — радостно резюмировала Тамара Петровна.

— Что ж хорошего-то?

— Повезло вам сегодня, Константин! У меня фельдшер в машине без дела. Оставлю его вам. Пусть понаблюдает... Вот вам мой телефон. Вечером позвоните, расскажете, что и как.

Костя ничего не ответил, но посмотрел так, что самые горячие слова благодарности ничего не добавили бы этому взгляду... Тамара Петровна не стала вызывать лифт — медленно спустилась по лестнице. Ее терзала мысль, что она вмешивается в чужую жизнь, что все это глупо...

— Лариса! — Вид у Тамары Петровны был крайне озабоченным. — Тут такая неприятная история... Хорошо, что ты поехала с нами...

* * *

Костя едва сдержался, чтобы не расцеловать женщину, когда услышал про фельдшера. Господи, есть же на свете добрые люди! Ей ведь ничего не стоило подписать бумаги об отказе и уехать. И что тогда? Тогда он должен был бы сидеть и смотреть, как умирает его отец. Это было бы равносильно самоубийству.

Два года назад погибла мама. Когда-то она была инспектором по делам несовершеннолетних, и они с отцом волновались каждый раз, если она задерживалась на работе. Это, конечно, не оперативная работа, но все-таки... А в последние три года перед пенсией ее перевели в управление. И они успокоились окончательно. Считали, что теперь ей ничего не грозит. А оказалось...

Автомобильная катастрофа, в которой ее крошечную «Оку» смял грузовик, произошла по ее вине. Водитель грузовика — молоденький мальчик — был в таком шоке, что долго не мог говорить членораздельно. По его словам, мать ехала по дороге так, словно выбирала, в кого лучше врезаться.

Она действительно выбирала. Перекресток, скорость и отказавшие тормоза. Даже в такой ситуации она думала прежде всего не о себе, а о людях. Крутанув в сторону от автобуса и миновав встречную машину, врезалась в бок мощного грузовика.

Когда отцу сообщили, он упал — нырнул за матерью в небытие. Обморок длился всего несколько секунд, небытие отвергло его, вытолкнув обратно, но безумный его порыв — в ту же минуту последовать за любимой — позволил ему там за что-то крепко уцепиться и выволочь на свет божий несколько маленьких смертей.

Первая касалась его тела. Отказали ноги. Он проклинал свое здоровое, никакими болезнями не подточенное тело, которое в такой ужасный момент, когда ее сердце остановилось навсегда, даже протестовать толком не сумело: умерло лишь наполовину. Тело предало его, стало обузой.

Доктора говорили «нехарактерно», «стационарное обследование», «неврологическая природа». Но слова докторов, посещавших отца в эти самые тяжелые первые дни,

проплывали мимо и разбивались о мамин портрет на стене. Она смотрела оттуда на докторов, лукаво улыбаясь. А на отца — не смотрела... То ли фотограф попался неопытный, то ли что-то отвлекло ее в тот самый момент, когда полыхнула вспышка, но, с какой стороны теперь ни смотри на портрет, взгляд всегда был — мимо: убегающий, неуловимый. Тайная символика фотографии привлекала внимание отца куда больше советов докторов. В глубине души он надеялся на скорую встречу.

Вторая смерть касалась его души. Умерли все его желания. Целый месяц он даже с сыном не разговаривал. Лежал и смотрел в потолок, не понимая, какой смысл жить дальше...

Третья смерть... Если для отца гибель матери означала полную потерю смысла жизни, то для сына — ведь сыновья всегда переживают своих матерей, так заведено — это было только потрясением. В его жизни тогда уже был свой смысл — Марина. И заявление вот уже неделю лежало в загсе, и путевки на Кипр, куда собирались сразу же после отпечатывания события в паспортах, — куплены.

Они с Мариной так и не поженились. Костя сидел у постели отца, который целую неделю ничего не ел, молчал и смотрел в потолок. О дате регистрации брака он даже не вспомнил. До того ли ему было?

Разделить свое горе с Мариной он не мог. Они даже неприятностями не делились, а уж горем... Он не сумел сказать ей ничего вразумительного, она не сумела ни о чем спросить. Пожала руку, поникла, ушла. В комнате, где лежал отец, Марина была неуместна.

Когда горе, наконец, притупилось, Костя задумался о будущем. Первое, что следовало сделать, — уйти из университета и плюнуть на докторскую. В двух кварталах от дома он видел вывеску «Психологическая консультация». Дай бог, чтобы у них оказалась вакансия. Работать он сможет лишь по несколько часов в день. Отца нельзя оставлять одного надолго. Дальше нужно было купить гору крайне необходимых теперь вещей. Для начала хотя бы — кулинарную книгу. В первые же дни у плиты ему открылась истина, что для приготовления еды одних магических заклинаний недостаточно. Среди хлопот он успевал лишь изредка позвонить Марине. Пару раз они выпили кофе у него на кухне. И — все.

Через год, в первую годовщину смерти матери, Костя купил бутылку водки. Они выпили с отцом по стопке, посидели молча. А когда отец уснул, Костя ушел на кухню. Он впервые попытался реально оценить свое положение. Он не может жениться. Он не может привести Марину сюда, к больному отцу. Не может обречь ее на роль его сменной сиделки. Он не может объяснить ей, почему нельзя нанять медсестру, чтобы присматривала за отцом, а самим жить у нее, отдельно. Будущего у него нет, надежды его умерли, и он ничего не может с этим поделать. Костя достал стакан и к рассвету выпил почти всю бутылку. Утром болела голова, но боль эта не шла ни в какое сравнение с другой болью...

Он не знал, как сказать Марине... Впрочем, она ни о чем не спрашивала. Она отдалялась постепенно, словно боясь причинить ему лишнее беспокойство. «Сейчас она могла бы быть моей женой, — думал он, глядя ей вслед после коротенькой и пустой встречи. — Как бы это было?» Но тот другой мир, который недавно ждал его, распахнув свои объятия, теперь отвернулся, захлопнулся, не желая выдавать тайну своего счастливого бытия, оставляя его бедное разбитое сердце в полном неведении.

Вчера со дня смерти матери исполнилось два года. Он снова купил водки и снова допивал бутылку на кухне. Только на этот раз не терзался сомнениями. Теперь в жизни была полная определенность и никаких надежд. Да, он не позвал Марину, когда у него случилось

горе. Но ведь и сама она не пришла. К чему лукавить? Кто бы ее выгнал, если бы захотела? А значит... Он пил тупо, быстро вливая в себя за стаканом стакан, вылил остатки в раковину и лег спать. И надо же такому случиться, чтобы на следующий день отцу стало плохо! Костя чувствовал себя омерзительно...

* * *

После ухода врача Костя занервничал. Фельдшер — это, конечно, прекрасно. Но ведь отец ни за что не подпустит его к себе.

В дверь позвонили. Вот олух, выругал фельдшера Костя. Дверь открыта, а он названивает! И резко распахнул дверь...

На пороге, опустив голову, стояла девушка в зеленом халате и накинутом на плечи плаще.

— Здравствуйте, — сказала она, проходя мимо изумленного Кости, которому совсем не пришло в голову, что если слово фельдшер — мужского рода, то это вовсе не означает, что он непременно мужчина. — Где можно помыть руки?

И не успел Костя ответить, как она сама нашла ванную и скрылась за дверью.

— Костя, кто там? — недовольно крикнул отец. — Опять врачи?

— Нет, папа, это ко мне! — ответил Костя из коридора и юркнул за девушкой в ванную, надеясь договориться о дальнейших совместных действиях.

Два метра ванной не оставляли места для маневров. А потому девушка, обернувшись, ткнула Константину в грудь, отступила на полшага — дальше было некуда, и вскинула голову.

Лицо ее было мокрым, вероятно, только что умылась, и слегка покрасневшим — очень похоже, что от слез. Костя как-то вдруг позабыл, что ему нужно. Стоял и молчал.

Пауза затягивалась, и Лариса насторожилась:

— В чем дело?

Костя приложил палец к губам и потянул ее за руку на кухню.

— Папе нельзя говорить, что вы врач. Иначе он вас не пустит.

Он приготовился к возражениям, но Лариса кивнула:

— Я в курсе. Тамара Петровна вкратце обрисовала ситуацию. Но, может быть, я попробую сначала убедить его?

— Это бесполезно. Но, кажется, я придумал... Если позволите, конечно. Я бы сказал ему, — Костя невольно улыбнулся, но тут из комнаты раздался голос отца, — я на минутку, стойте здесь и не двигайтесь.

— Послушай, — возмутился отец, — оставь эту самодеятельность! Никаких врачей. Я же ясно выразил...

Но, присмотревшись к сыну, он вдруг усмехнулся:

— Что это с тобой такое? — и уже удивленно спросил: — Кто там?

— Девушка...

— Что за девушка? — Отец проявил несвойственное ему в последнее время любопытство.

— Моя девушка.

— Марина?

— Тсс, — Костя многозначительно поднял вверх палец. — Не совсем.

Отец хмыкнул.

— Интересно, как это? Наполовину Марина, наполовину нет, что ли?

Костя молчал, опустив глаза, и лихорадочно соображал, что и как отцу преподнести.

— Папа, — сказал он наконец. — Я не собирался говорить тебе этого сегодня, когда ты себя так плохо чувствуешь...

— Мне уже лучше, — быстро вставил отец. — Так что соберись.

— Ну, у меня появилась девушка. Ты ее не знаешь. Вот я и подумал, что неплохо бы тебе с ней познакомиться. Хотели сегодня... Вот она и пришла...

— Погоди, погоди. С каких это пор ты стал знакомить меня со своими девушками? — спросил отец и осекся. — У тебя... э... намерения, что ли, какие?

Костя не очень уверенно кивнул. Отец задумался.

— Раз так, надо бы познакомиться, — сказал он. — Хотя вряд ли она придет в восторг от лицезрения моей персоны.

— Только маленькая загвоздка, — предупредил Костя. — Она работает на скорой помощи.

Взгляд отца стал подозрительным.

— Это ловушка?

— Пап, я же сказал: мы с ней договорились давно. У нее выходные редко. Кто знал, что именно сегодня так все сложится? Просто — совпадение!

— Ладно, — протянул отец, — меня не проведешь, сам разберусь. И давно ты с ней встречаешься?

— С месяц.

— Хм... А зовут ее как?

— Сейчас приведу, сама скажет, — Костя поспешил к двери, ругая себя за то, что не успел узнать имени девушки.

— Погоди, ты там хотя бы чайку организуй...

Костя вышел, прикрыв за собой дверь. На кухне он тяжело вздохнул:

— Вы уж извините, я вас представил своей невестой.

— Умнее ничего придумать не смогли? — раздраженно спросила Лариса.

— Времени не было. Зато теперь он сам хочет с вами познакомиться, и можно будет наблюдать за ним. Кто знает, может даже, позволит давление измерить, если вы ему понравитесь...

— Ладно, пошли уж.

— Погодите. Нам бы хоть познакомиться сначала, чтобы не проколоться. Я даже не знаю, как вас зовут.

— Лариса. И еще, наверно, нужно перейти на «ты», раз уж так вышло.

— Правильно, — оценил Санников. — Мы познакомились месяц назад... Только вот где?

— А кем вы... ты работаешь?

— В психологической консультации.

— Вот там и познакомились, чтобы не мудрить.

— Значит, я после консультации пригласил тебя выпить чашечку кофе.

— Нас что, станут расспрашивать о том, как мы провели день знакомства? По минутам?

— Кто его знает! — улыбнулся Костя. — Что еще я обязан о тебе знать? О! Наверно, я

уже знаком с твоими родителями?

— Нет, — отрезала Лариса.

— Почему?

— У меня нет родителей. Я выросла в детском доме.

Костя растерялся.

— Извини...

— Вопрос закрыт, идем.

Лариса пошла вперед, но перед дверью в комнату отца остановилась. Ей очень не хотелось лгать пожилому больному человеку, и единственным оправданием она считала то, что эта ложь во благо, на пользу его здоровью. Но что бы она ни думала, ей было не по себе. Лариса обернулась к Косте. Он улыбался. Почему-то эта улыбка ее очень смутила, и она немного растерялась. Тамара Петровна говорила — у него мать умерла, а теперь вот отец в тяжелом состоянии. А он улыбается! Чему? «Тебе», — подсказал внутренний голос. И Лариса ухватила за ручку двери как за спасательный круг...

— Ну, здравствуйте, — Николай Савельевич попытался сесть в постели.

— Нет-нет, — тут же подбежала к нему Лариса. — Вам ни в коем случае нельзя подниматься. Костя рассказал мне, — добавила она извиняющимся тоном.

И совсем уже смущенно пробормотала:

— Извините, что я вмешиваюсь. Только — не надо, ладно?

Константин внимательно наблюдал за отцом. Еще мгновение — и он выгонит девчонку так же, как выгнал последнего доктора, того самого, который советовал ему лечь в больницу на обследование. Похоже, они проиграли с первой же минуты... Что ж, признаться, он и не ожидал ничего другого.

Но, к его великому удивлению, отец послушно лег и подмигнул Ларисе.

— А вы хороший врач?

— Пока никто не жаловался, — сказала она, поправляя его одеяло. — Очень приятно с вами познакомиться. Меня зовут Лариса.

— А меня — Николай Савельевич. Может, чайку сообразим, а, сын?

— Вам нельзя, — тут же встала Лариса.

У Кости сердце снова замерло: сейчас уж точно выгонит. Но отец и здесь уступил:

— Себе чаю сделайте, а мне дайте то, что можно.

— А я вам сейчас скажу что можно, — не растерялась Лариса. — Дайте мне только руку.

— Гадать собираешься?

— Гадать. По пульсу, — не растерялась Лариса.

Лариса считала пульс и дважды сбивалась. В конце концов, она с задачей справилась, но результат ее расстроил. Несмотря на укол, сделанный Тамарой Петровной, состояние Николая Савельевича почти не изменилось. А значит, в скором времени нужна будет еще одна инъекция. Интересно, как объяснить ему, откуда у Ларисы с собой необходимое лекарство, шприц и прочие доспехи медицинского работника?

— Вам уже лучше, — соврала она. — Но чаем все-таки злоупотреблять не следует. Сейчас что-нибудь придумаем.

Они с Костей отправились на кухню. Он поставил чайник, а Лариса перебирала содержимое своего саквояжа. Можно попробовать развести таблетку в сладкой воде, чтобы он не догадался. Можно еще что-нибудь придумать. Но почему-то она была уверена в том,

что, если скажет старику правду, он не выгонит ее и спокойно позволит сделать все необходимое: и давление измерить, и меры принять.

— Слушай, — обратилась она к Косте, — может, скажем ему правду? Он такой милый, и послушный вроде. Не хочется его обманывать.

— Ни в коем случае! — отрезал Костя. — Все его милости — к будущей невестке, а не к постороннему врачу со скорой.

— Врач со скорой не может быть посторонним, — поправила Лариса. — А вдруг понадобится инъекция? Что тогда?

— Тогда и придумаем что-нибудь, — вздохнул Костя.

Он пристроил у кровати отца раскладной столик, и Лариса помогла накрыть его к чаю. Николай Савельевич грыз сухарь и поглядывал на Ларису.

— Ну как, — спросил он, — не смущает вас жених с таким приданым, как я?

— А что такое? — встрепелась Лариса. — Разве вы плохой отец? Костя рассказывал, что вы замечательный. Или это не правда?

— Гм, находчивая... А то, что я как дитё малое? Обуза ведь...

— Да разве дети бывают обузой?

— Жить со мной станете или сдадите меня куда?

Лариса внутренне замерла. Она прекрасно понимала, что старик проверяет ее «на вшивость». Но одно дело — излагать свою точку зрения на вещи, и совсем другое — давать конкретные обещания, которых выполнить не сможешь. Но деваться было некуда.

— С вами. — Она произнесла эти слова спокойно и уверенно.

Николай Савельевич улыбнулся и вздохнул.

— Если честно, — сказал он, — собственная судьба меня не очень-то и волнует. В конце концов, дом престарелых не самое худшее место в мире.

Костя попытался возразить, но отец лишь отмахнулся.

— И еще хочу сказать: я очень рад, что не помер сегодня. Потому что теперь мне охота дожить до вашей свадьбы и увидеть наконец своего сына счастливым.

Лариса закусил губу, чтобы сдержать непрошеные слезы. Николай Савельевич говорил с таким чувством, что сказать ему теперь правду не представлялось возможным. То есть сказать правду означало бы то же самое, что объявить больному человеку: «Извините, мол, нет у вас той цели впереди, ради которой вы жить вознамерились, так что...» Она поднесла к губам чашку и отхлебнула большой глоток, позабыв о том, что чай очень горячий. Горло обожгло, но слезы, выступившие на глазах, теперь вроде бы были оправданны.

— Лариса, — снова обратился к ней Николай Савельевич, — расскажите о себе. Костю не допросишься, я знаю. А старческое любопытство — вещь назойливая...

— Во-первых, вы никакой не старик, — ответила Лариса. — А во-вторых, рассказывать-то особенно нечего. Я выросла в детском доме, потом окончила медицинское училище и вот работаю на скорой. Это все.

— Наверно, тяжело пришлось в детстве? — с пониманием спросил Николай Савельевич. — Обижали, да и голодно...

— Что вы, у нас были самые замечательные учителя. А директор нам всем была как мать родная.

— Надо же, — удивился Николай Савельевич, — а как телевизор посмотришь, кажется, что детские дома...

— Нет, — отрезала Лариса. — Мы жили как семья. И я всех их до сих пор очень люблю.

— Значит, у вас совсем никого из родных нет?

— У меня есть тетя, — ответила Лариса неохотно.

— Не понимаю. Почему же вы тогда росли в детском доме?

Лариса нахмурилась.

— Она не знала, что я в детском доме. Но она меня искала...

— Значит, вы живете с тетей?

— Тетя живет в доме престарелых. — Лариса опустила глаза.

Николай Савельевич и Костя переглянулись, но никто не решился задать вопрос, вертевшийся на языке. Лариса почувствовала возникшее напряжение и грустно усмехнулась.

— Я не могу вам этого объяснить, — сказала она, — потому что сама не понимаю. Жили с ней хорошо, ни разу не поссорились. А год назад она вдруг объявила, что переезжает.

— Но ведь она как-то объяснила это? — спросил Николай Савельевич.

— Нет. Я решила, что из-за меня. Обещала уехать, снять комнату. Но она все твердила, что я тут ни при чем. Что, даже если я уеду, она в этой квартире не останется.

— Но вы ведь навещаете ее?

— Нет. Она запретила. Я звоню туда, посылаю передачи.

Тут наконец подал голос Костя. Пока отец допрашивал Ларису, он сидел в прострации, переводя взгляд с одного на другого. Девушка с первого взгляда произвела на него сильное впечатление, но он до сих пор не мог понять чем, как и почему. Красавицей она не была, на вопросы отвечала просто, вела себя сдержанно, но что-то в ней было такое милое и детское, такое знакомое и родное. Присматриваясь к гостье, Костя давно заметил, что лицо у нее заплаканное, и теперь ломал голову над причиной ее слез. Но тут Лариса попала в затруднительное положение, и он решительно заступился за нее:

— Как психолог могу сказать: пожилые люди нередко страдают старческими деменциями. Их причуды — только начало заболевания.

— Надеюсь, ты не меня имеешь в виду, — мрачно заметил отец.

— Конечно не вас, — тут же подхватила Лариса. — Хотя, согласитесь, у вас тоже есть причуды...

— Это он вам сказал?! — Николай Савельевич вонзил палец в сына.

— Сама вижу. Как это можно махнуть на себя рукой и отказаться от всякого лечения?

— Почему же от всякого? — хитро прищурился Николай Савельевич. — Если бы все врачи были такими, как вы...

— Тогда вы позволили бы? — осторожно спросила Лариса.

— Позволил — что?

— Ну хоть давление померить...

— Да ради бога! — развел руками Николай Савельевич.

— Я сейчас! — Лариса нырнула за дверь.

Оставшись наедине с сыном, Николай Савельевич тихо сказал:

— Ну, что молчишь, бестолочь? Скажи мне, что она носит с собой все медицинское снаряжение, даже когда идет в гости.

— Папа... — Костя не знал что ответить.

— Какая девушка! — с чувством протянул отец, показывая глазами на дверь. — Неужели не твоя?

— Пап, ты прости...

— Ничего не знаю, ни о чем не догадался, и ты мне ничего не говорил. Понятно? Никого, кроме нее, возле себя видеть не желаю. Уйдет — помру.

— Ты серьезно? — Костя уже не понимал, шутит отец или нет.

— Серьезно! Я не вынесу, глядя, как ты упускаешь свое счастье.

— Да кто тебе сказал...

— Дурень...

Вернулась Лариса. Она сияла как школьница. Николай Савельевич притворно вздохнул и, закатав рукав рубахи, протянул ей руку.

Лариса измерила давление, шевельнула губами, что-то подсчитывая, и с легкой тревогой сказала:

— Таблеточку бы надо...

— Да у нас дома отродясь лекарств не водилось, кроме аспирина.

— У меня есть. — Ложь давалась ей с трудом, и она покраснела. — Ношу в сумочке на всякий случай.

— Тогда — давай, выпью. Что-то я и вправду чувствую себя нелучшим образом. Может быть, засну после таблетки, а вы пока ужин приготовите. Есть-то мне можно?

* * *

Отец и вправду вскоре уснул. Лариса с Костей ушли на кухню.

— Там портрет на стене, — спросила она, глядя, как Константин ловко управляет у плиты. — Это твоя мама?

— Да. Она погибла в автомобильной катастрофе. Знаешь, после маминой смерти ты, пожалуй, первый человек, с которым отец разговаривает...

— Костя, — сказала Лариса, — ты же понимаешь, у меня работа... Сегодня меня отпустили... по личным обстоятельствам. Завтра у меня свободный день, я могу посидеть у вас. Но потом...

Не оборачиваясь и орудуя большим ножом для резки мяса, Костя ответил:

— Ты не волнуйся. Во-первых, я ведь сказал ему, что ты работаешь. Он поймет. А во-вторых, он не захочет, чтобы ты стала его нянькой или сиделкой.

— Даже если я твоя невеста?

— Тем более не захочет, — улыбнулся Костя, обернувшись, и тут же сморщился от боли, рассадив себе руку.

Рана-то была пустяковая — срезал только кожу с пальца, но кровищи... Лариса деловито достала перекись и пластырь, взяла его за руку... Он уставился на ее руки, ласково касающиеся его пальцев, как дурак. Интересно, если он ее сейчас поцелует, она сбежит? Конечно, сбежит! А может — нет?

— Ты лучше отвернись, — неправильно расценив его бледность, посоветовала Лариса. — Это может показаться смешным, но от вида крови чаще падают в обморок именно высокие и сильные мужчины.

Он отвернулся. Но каждое прикосновение ее пальцев вызывало разряд электричества, проносившийся по телу.

Пока готовилось мясо, Костя пригласил Ларису в свою комнату.

— Вон то кресло — особенное. Лучше нигде не отдохнешь. Занимай его, а я — сейчас.

Лариса удобно устроилась в кресле. Кресло оказалось мягким как пластилин и повторило изгибы ее тела. Ничего лучшего ей сейчас и предложить не могли. Разве что парочку бутербродов — с раннего утра во рту не было маковой росинки.

Она осмотрелась. Справа от нее стоял небольшой столик с самыми разными предметами. Коробочка с двумя большими шарами из нефрита, флейта, три колокольчика и...

Вам случалось когда-нибудь наткнуться на вещь, знакомую по детским воспоминаниям? Это удивительно, как все внутри переворачивает. Помнится, одна знакомая застыла в Третьяковке перед картиной Топильского «Княжна Тараканова». Все вокруг вздыхают: вот она — сила искусства. А дело в том, что девушка детство провела у бабушки. Дети народ любопытный, им впечатлений сколько бы ни было, а — мало, вот они и фантазируют про вещи, которые их окружают, и каждая вещь поэтому в память врезается намертво. У бабушки в комнате стоял дубовый сундук, оклеенный изнутри репродукциями и картинками из журналов. И в самом центре — она — красивая женщина, в глазах — ужас, а у ног вода и мышки. Девушка выросла и не знала, что это знаменитая картина. А в музее застыла. «Княжна Тараканова». Девушка на нее лишь взглянула, сразу же почувствовала запах нафталина и все свое детство вспомнила...

Вот и Лариса. На столике она вдруг наткнулась на вещь, которую знала с детства. Она понятия не имела, как эта вещь называется, потому что звала ее в детстве «кружилка». Потом, став взрослой, она больше нигде и никогда не встречала такой игрушки, а потому решила, что игрушку смастерил кто-то из учителей.

Но теперь перед ней стояла точно такая же тарелочка с черной закрученной спиралью. Лариса прекрасно знала, что, если тронуть ее, она начнет медленно вращаться. В детстве, когда Марта показывала ей, как тарелочка кружится, Лариса приходила в восторг. Дотянувшись до стола, она тихонько коснулась диска пальцем. Диск поплыл, спираль, извиваясь, заманивала ее внутрь воронки. В голове как-то разом прояснилось, на душе стало светлее, а губы расплывались в улыбке. Лариса прикрыла от удовольствия глаза, а когда снова открыла их, Санников стоял на пороге с бутербродами.

— Это твоя игрушка? — спросила Лариса.

— А почему игрушка?

— У меня была в детстве точно такая же.

Санников удивленно поднял брови:

— Интересно, кто тебе ее подарил?

— Мне ее не дарили. Но я помню, как Марта часто звала меня поиграть с ней. А почему ты на меня так смотришь?

— Потому что эта штукавина помогает погружать человека в гипнотическое состояние. Тебя в детстве подвергали гипнозу?

— Слова-то какие! — проворчала Лариса недовольно. — Подвергали! Да играли мы с ней просто.

— Как?

— Она рассказывала мне сказки, а я смотрела на «кружилку», — быстро ответила Лариса. — И знаешь, я ведь об этом раньше никогда не вспоминала...

— А вспомнила только сейчас, посмотрев, как крутится диск, — добавил Санников.

— Да.

— А какие сказки тебе рассказывали?

Лариса задумалась.

— Ну, про Красную Шапочку, про Серого Волка, про Бабу-ягу?

— Нет, — покачала она головой. — Совсем не то. Что-то жуткое и волшебное. А сути я не помню.

— Очень интересно, а как...

— Почему ты меня спрашиваешь? Я же не на приеме у психолога!

— Тебе не кажется странным, — вкрадчиво начал Константин, но Лариса не дала ему договорить:

— Я не собираюсь обсуждать с тобой свое детство. Психологию нам в училище преподавали. Я со своими проблемами сама справлюсь.

— Ты уверена?

— Абсолютно!

После ужина Лариса снова измерила Николаю Савельевичу давление и дала таблетку. Она наотрез отказалась остаться ночевать у них в свободной комнате, но обещала непременно появиться завтра с утра.

— Лариса, вы бы дали мне адресок своей тетушки. Может быть, я попробую с ней поговорить, — попросил Николай Савельевич на прощание.

Лариса, как утопающая, посмотрела на Костю, но все-таки продиктовала адрес. Отец настоял, чтобы Константин проводил девушку домой, потому что на улице было совсем темно, и еще потому, что так было принято в годы его молодости. Отказаться Лариса не посмела. На сердце было радостно от того, что именно ей удалось заставить этого милого чудака пожить подольше.

Она записала для Кости свой телефон.

— Если тебе только покажется, что ему стало хуже, — звони в любой момент. Не прощу себе, если что-нибудь случится...

— А как у него с перспективами?

— Очень неплохо. Еще денек понаблюдать — и достаточно.

Они медленно брели по улице. До дома Ларисы ходил трамвай — две остановки. Но ждать его можно было до второго пришествия, и она предложила идти пешком.

— Знаешь, о чем я подумала? Твой отец собирается поговорить с моей тетей.

— Ну и что?

— О чем?

— Кто его знает, — рассеянно сказал Константин, и Лариса удивленно посмотрела на него снизу вверх.

— Но он может представиться отцом моего жениха, — подсказала она.

— А что в этом плохого?

Лариса хотела возмутиться, да почему-то не вышло.

— Ты не собираешься на мне жениться, — напомнила она Косте.

— Не уверен, — ответил он, и оба, немного напряженно, рассмеялись.

— Кстати, мы пришли. Здесь я живу.

— Спасибо за все, — сказал Санников.

— Пока. — Лариса вошла в парадную прежде, чем он успел придумать разумный предлог, чтобы удержать ее хотя бы ненадолго.

Каждая ступенька давалась ей с большим трудом. Она могла бы поспорить, что Костя смотрит ей вслед. Кажется, с ней уже такое случалось...

— Коля, — кричала Нина Анисимовна в шипящую трубку, — это я, Нина. Слышишь? А я тебя почти нет. Ну тогда говорить буду я, хорошо? Что? А который час?

«Батюшки!» — пробормотала она себе под нос, бросив взгляд на часы: половина двенадцатого.

— Коля! Речь идет о жизни и смерти, слышишь? Нет-нет. Да послушай ты меня: на самом деле! Разумеется, мне больше обратиться не к кому, коли я звоню тебе ночью.

На его реплику она изобразила зеркалу, висевшему напротив, последнюю степень горестного раскаяния и сказала в трубку:

— Конечно, ты мне нужен как врач. А как ты догадался?

Снова — зеркалу — гримаса умирающего от стыда, и — снова в трубку:

— Коля, не до шуток! Нет, подробно не могу. Конечно, возьми инструменты. Какие? — Нина Анисимовна обернулась на Марту. — Вези все, что найдешь. Очень тяжелый.

Она прокричала в трубку адрес и, осторожно положив ее на рычаг, на цыпочках пошла обратно в комнату, словно это могло компенсировать шум, который она только что произвела. Марта зашевелилась и открыла глаза.

— Мне показалось, — пролепетала она, — вы с кем-то разговаривали.

— С зеркалом, — махнула в сторону прихожей Нина Анисимовна. — Как вы?

— Воды, — попросила Марта. — И... вы взяли ключ?

— Нет, он у вас на цепочке.

— Заберите его. Там на антресолях...

Она не договорила, уронила голову и закрыла глаза. Нина Анисимовна склонилась над ней и перестала дышать, чтобы понять, дышит ли она. Ей до одури хотелось, чтобы Марта дождалась Николая, чтобы он пришел не напрасно и весь этот ужас кончился разом от одной какой-нибудь волшебной инъекции. Марта дышала часто, как рыба, выброшенная на песок. У Нины Анисимовны разрывалось сердце. Она села к ней поближе, взяла за руку. В таких случаях, кажется, нужно разговаривать с человеком. Тогда он заслушается и не сможет покинуть этот мир. Эту версию она придумала сама, несколько лет назад, посмотрев какой-то фильм, но верила в нее гораздо больше, чем в Евангелие. Говорить незнакомому человеку, мол, не уходи, не покидай меня, было глупо. С какой стати ему тогда оставаться? Но что-то же должно его заставить...

Нужно было только найти тему, слова отыщутся сами. Нина Анисимовна подумала о лете, о том, что оно только что кончилось, и о том, как было бы славно для всех дождаться его снова. Лето она проводила в большом старом доме, вокруг которого пели под ветром высокие сосны и понуро бродили непомерно раздавленные в боках коты. Собак районных знала всех до одной, впрочем, так же как и они ее. Каждой давала имя, и они как-то сразу откликались на Шариков и Полканов, словно так их и звали от рождения.

Она заговорила вслух, описывая Марте в мельчайших деталях картину летних прелестей, рожденную ее воображением. Она говорила то быстро, то надолго погружаясь в задумчивость, будто припоминая некое ощущение или образ. Пересказ видения лишил ее чувства реальности, время растворилось в сизом летнем утреннем тумане, а потому, когда в дверь позвонили, сердце ухнуло аж куда-то вниз живота, забилось тревожно, и ей не сразу удалось справиться с дверной цепочкой трясущимися руками.

— Никогда не спрашиваешь — кто! А вдруг грабители? — напустился на нее маленький старичок, ставя саквояж на табуретку и снимая ленинскую кепку, — Что стряслось?

— Там, в комнате, посмотри сам, — виновато пригласила Нина Анисимовна.

Николай Иванович не вошел в комнату, лишь посмотрел с порога на Марту и отправился в ванную.

— Какая температура? — деловито осведомился он, моя руки.

— Не знаю.

Николай Иванович бросил на нее неодобрительный взгляд.

— Диагноз известен?

— Пулевое ранение.

Николай Иванович закрыл кран и некоторое время стоял, неподвижно глядя перед собой.

— Неосторожное обращение с незарегистрированным оружием? — с надеждой в голосе спросил он.

— Нападение.

— А в больницу?

— Нельзя.

Николай Иванович закрыл глаза и покачал головой:

— Нина, что ты со мной делаешь! Я старый человек, у меня у самого тридцать три болезни... Она что, мать бритоголового авторитета?

Нина Анисимовна пожала плечами.

Николай Иванович осмотрел руку Марты, измерил ей температуру, взял кровь и тут же произвел с ней какие-то магические действия, переливая из пробирки в пробирку, разбавляя и снова переливая.

— А если она умрет? — спросил он после этих процедур и, не получив ответа, вернулся к Марте. — Ты бы вышла, не люблю, когда кто-то под рукой, ты ведь знаешь.

— Хорошо, хорошо. — Нина Анисимовна торопливо прошла к двери и задержалась на пороге: — Есть надежда?

— Надежда есть.

Она плотно закрыла за собой дверь и только теперь заметила, что в руках все еще держит цепочку с ключиком, снятую с Марты.

Антресоли.

Нина Анисимовна внимательно обследовала стены. Нет тут никаких антресолей...

Николай Иванович через некоторое время тоже вышел из комнаты и прикрыл за собой дверь. На лбу его блестели капельки пота.

— Я сделал что мог. Теперь все зависит от нее, — сказал он.

— А что может она?

— Она может выжить, — раздраженно пояснил Николай Иванович, — Или нет. И тогда...

— Я все возьму на себя. Я скажу, что застала ее...

— Нина! Мне уже столько лет, что я ничего не боюсь, — отмахнулся он. — И потом, какое имеет значение, что будет, если...

Он посмотрел на Нину Анисимовну и, смягчившись, потрепал ее по руке.

— Когда речь идет о жизни человека, такие мелочи, как объяснения с органами правопорядка и правосудия, не имеют значения, так ведь?

— Да. — Она вздохнула.

— А теперь расскажи мне, как ты в это впут... ну, словом, как ты сюда попала?

Нина Анисимовна вкратце поведала Николаю Ивановичу о событиях вчерашнего вечера.

— Почему же она не вызвала скорую?

— Мне показалось, что она скорее умрет, чем туда обратится.

— Почему?

— Не знаю. Но могла бы узнать, возможно, если бы ты подсказал мне, где в этом доме антресоли.

Они вместе обследовали квартиру.

— Ничего нет. А с чего ты взяла, что они здесь должны быть?

— Марта сказала.

— Ага, значит, она была в сознании?

— Да.

— Хорошо. — Он что-то прикинул и вдруг потянул Нину Анисимовну к себе. — Смотри, — сказал он, указывая куда-то на потолок. — Видишь?

— Стена.

— Обои!

— Что обои?

Николай Иванович снял очки и протянул Нине Анисимовне.

— Кажется, раньше тебе мои подходили.

Нина Анисимовна надела очки и снова посмотрела под потолок. Теперь ей показалось, что обои наверху чуть-чуть отстают. Она влезла на стул, всмотрелась внимательней и, протянув руку, неожиданно легко подняла кусок обоев, прикрепленный к антресолям наподобие занавески. Пошарив на открывшейся ее взгляду полке, она вытащила три толстые тетради и, отдуваясь радостно, спустилась на пол.

— Возможно, теперь мы узнаем ответ, — сказала она, возвращая очки.

— Ты узнаешь ответ, — поправил Николай Иванович. — Мне чужих тайн даром не надо.

— Но ведь...

— Нина, ты здесь уже давно, и толку от тебя сейчас — никакого. Сделаем так: ты ведь живешь совсем рядом? Иди домой, полистай это, — он ткнул в тетрадки. — А я останусь дежурить. Возвращайся около девяти утра, примешь вахту. Думаю, к тому времени что-нибудь да прояснится.

Лариса вошла в квартиру и осторожно подкралась к окну. Ей хотелось, чтобы Костя ушел не сразу, чтобы постоял немного под ее окнами. Глупо, конечно, но все равно хотелось. У парадной она никого не увидела и отошла от окна разочарованная. Но в ту же минуту раздался звонок в дверь.

Лариса затаила дыхание. Неужели он поднялся вслед за ней? И что теперь делать? Сердце забилося до неприличия быстро. Она даже рассердилась на себя: точно девочка. И на него заодно: что за глупости?! Пока открывала дверь, заметила, что руки совсем ледяные, а щеки горят — и окончательно растерялась: как же себя вести?

Но на пороге стоял совсем не Санников, а незнакомый мужчина лет сорока в потертой кожаной куртке.

— Белова Лариса Даниловна? — спросил он. — Попов Александр Дмитриевич, — развернул он перед ее носом удостоверение. — Следователь прокуратуры. Войти пригласите?

Лариса не то что ответить — пошевелиться не могла. Ее как молнией поразила догадка: следователь пришел по поводу Саши. Значит, с ним что-то случилось...

Следователь же тем временем, не дождавшись приглашения, протиснулся мимо Ларисы в квартиру и сказал:

— У вас есть причины для волнения по поводу моего визита?

Лариса не могла выдать из себя ни слова, а только смотрела на следователя так, словно он вот-вот убьет ее. Убьет дурным известием.

— Александр Александрович Малахов, шестьдесят первого года рождения, вам знаком?

Лариса молча кивнула.

— В каких отношениях вы с ним состояли?

— Он... — Голос Ларисы сорвался. — С ним что-то случилось? — спросила она. — Он умер?

— Умер? — удивился следователь. — Почему вы так решили?

— Потому что он пропал. Ни слова не сказал — ушел и не вернулся.

— Давайте по порядку. Малахов выехал с вами в Архангельск в июне. Чем он там занимался?

— Открыл предприятие. Что-то связанное с деревообрабатывающей промышленностью. Где он?

— В «Крестах».

Она обомлела.

— За что?!

— Давайте я буду задавать вопросы. Так какого числа он, как вы это называете, пропал?

— Девятнадцатого августа.

Следователь сделал пометку в блокноте.

— Кто-нибудь приходил к вам домой? Звонил?

— Нет. Хотя... Не знаю, имеет ли это отношение к делу... В общем — дочка звонила.

— И как он реагировал на ее звонки? Нервничал? Переживал?

— Похоже, да.

— А девятнадцатого августа, перед тем как пропал, он находился во взвинченном

состоянии?

— Да нет. Скорее он был грустным.

— Он рассказывал вам о своих планах? — Следователь впился взглядом в Ларисино лицо.

— По поводу работы? — неуверенно спросила Лариса.

— По поводу того, что собирается сделать.

— А что он сделал?

— Хорошо. — Попов открыл блокнот и прочитал: — В восемнадцать часов пятнадцать минут двадцать первого августа Малахов ворвался в офис одного высокопоставленного чиновника, чье имя я назвать вам не могу, и пытался убить его из охотничьего ружья.

— Нет, — покачала головой Лариса. — Этого не может быть. Это не он! Зачем Саша убивать чиновника?

— Допустим, тот имел отношение к лесной промышленности и чем-то Малахову мешал.

— Саша не стал бы из-за этого в него стрелять, — уверенно сказала Лариса.

Ей все больше не нравился этот человек с его глупыми обвинениями. Лариса теперь стояла скрестив руки на груди, словно приготовившись к бою.

— Хорошо. А из-за чего бы он стал стрелять?

— Не могу себе представить... Этого просто не может быть.

Следователь посмотрел на Ларису с сожалением.

— Чиновник, в которого он стрелял, был любовником его жены. Как вы считаете, из ревности к оставленной, но все еще законной и — как бы вам этого не хотелось, возможно, даже любимой — супруге, Малахов мог бы выстрелить?

Лариса смешалась.

— Разве у нее был любовник? — невпопад спросила она.

— Они познакомились летом. Между ними возник бурный роман. И дочка, похоже, поставила об этом в известность отца. А он приехал в Петербург и выстрелил в того из ружья. Ну так как? Мог бы он стрелять из-за жены?

Ларису лихорадило. То, что сообщил следователь, не укладывалось в голове. С одной стороны — все казалось невероятным, с другой — вполне могло оказаться правдой. Горькой правдой...

— Лариса Даниловна, мне достаточно знать, насколько серьезны были ваши отношения, чтобы сделать вывод самому. Говорят, вы были любовницей Малахова? Не станете этого отрицать?

Она была его возлюбленной. Так, по крайней мере, она считала. Но, выражаясь в соответствии с буквой закона, наверно....

— Да, — ответила Лариса тихо.

— Собирался ли Малахов на вас жениться?

— Не знаю. Мы не обсуждали это.

— То есть — он не торопился оформить с вами отношения, — подвел итог следователь.

Лариса промолчала.

— Стало быть, можно предположить, что Малахов не жег за собой мостов, то есть не исключал возможности возвращения к семье. Так?

Лариса смотрела в пол и не находилась с ответом. Попов поднялся и закрыл блокнот.

— Спасибо за помощь. И извините за поздний визит.

Следователь направился к двери.

— Он говорил, что они с женой чужие люди, — тихо сказала Лариса ему вслед.

Попов повернулся к ней и улыбнулся — с сожалением:

— А что еще может сказать женатый мужчина женщине, от которой хочет добиться взаимности? Извините еще раз за вторжение.

Дверь за следователем захлопнулась, а Лариса так и осталась стоять посреди комнаты. День выдался сумасшедший. Все, с нее довольно.

Уже опустив голову на подушку, она подумала, что нужно бы разыскать Сашу. Представила, как будет ходить по инстанциям, добиваться свидания... И что? Встанет перед ним немым укором? Если он действительно так любил жену, что, узнав о любовнике, схватился за ружье, значит, она его совсем не знала... Значит, просто ослепла от любви и потеряла разум. Иначе этого не объяснишь.

С этими мыслями она и уснула. Сон был тяжелый словно в яму провалилась — глубокую и черную...

* * *

Как только Костя переступил порог, зазвонил телефон.

— Санников? — послышался резкий женский голос. — Синицына, из скорой. Лариса еще у вас?

— Я только что проводил ее домой.

— Как дела?

— Получше.

— Говорить можете?

Костя покосился на отца:

— Не совсем.

— Тогда отвечайте «да» или «нет».

И она засыпала его вопросами, на которые Косте большей частью приходилось отвечать «не знаю».

— На завтра с Ларисой договорились?

— Да. Только вот как же послезавтра?..

Тамара Петровна замялась:

— Мне нужно сначала поговорить с Ларисой. А что, — спросила она вкрадчиво, — против нее у отца возражений не было?

— Абсолютно никаких! — горячо воскликнул Костя.

— Но ведь она такой же врач, как и все.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Костя покосился на дверь в комнату отца и понизил голос:

— Я сказал, что она моя невеста.

— И Лариса согласилась на эту роль?

— Да.

— Хм... неожиданный поворот. Ладно, попытаюсь вам помочь, раз так.

«Как так?» — хотел спросить Костя, но Тамара Петровна уже положила трубку.

— Константин, — позвал отец, — иди ко мне. Разговор есть.

Несмотря на то что шел первый час ночи, Костя застал отца бодрым и в приподнятом

настроении.

— Вот я все думаю о ее тете, — начал он. — Что она за человек? Действительно ли сама ушла от Ларисы или все-таки что-то здесь не так?

— Папа, ну не все ли равно?

— Нет. Не все равно. Я хоть и не психолог, но прожил долгую жизнь и знаю, что люди порой только кажутся ангелами, а на самом деле...

— Послушай, доверься в данном вопросе мне, как специалисту. Лариса милая девушка, она не могла сделать ничего дурного.

— Ты, сын, может, и хороший специалист, но к Ларисе это отношения не имеет.

— Почему?

— Да потому что ты влюблен, дорогой. А значит — слеп. Господи, ну почему я не могу ходить? Это бы так пригодилось теперь...

— В каком смысле?

— Необходимо с ней встретиться!

— С кем?

— С ее тетей. Вот: Ангелина Павловна Туманова — и адрес.

— Папа!

— Я прошу тебя — поезжай, поговори с ней. Для меня это очень важно.

* * *

Костя проворочался без сна полночи. Сегодняшний день выбил его из привычной колеи и, похоже, не только его. Он давно позабыл, что его отец может быть улыбчивым и разговорчивым, а главное, не предполагал, что его теперь хоть что-то может так живо заинтересовать в жизни. Отец словно проснулся от сна, длившегося два года. Может быть, Ларисе удастся уговорить его лечь на обследование? Может быть, врачи поставят его на ноги? Костя готов был сделать все, что он попросит, лишь бы интерес отца к жизни опять не угас.

Это была правда, но не вся правда. Для него в жизни тоже забрезжил огонек надежды. Правда, очень слабый, но если заслонить его от перекрестных ветров случайностей, то, может быть, он разгорится ярче... Он не был готов назвать свои чувства к Ларисе каким-либо определенным словом. Единственное, что он знал наверняка, так это что хочет увидеть ее снова... И — поскорее бы наступило завтра.

Он заснул только под утро. И она сразу же оказалась тут как тут...

* * *

Лариса позвонила около восьми утра, как и обещала. Костя бодрым голосом отрапортовал, что ночь прошла нормально, и не преминул напомнить, что отец ждет ее. Но Лариса, похоже, его энтузиазма не разделяла. То ли плохо выспалась, то ли что-то ее беспокоило, только голос у нее был грустный, совсем не такой, как вчера. Она спросила, не нужно ли Косте на работу, и, узнав, что он сегодня совершенно свободен, сказала, что приедет позже, около двенадцати, если, конечно, он не возражает.

Повесив трубку, Санников приуныл. Он как-то упустил из виду, что у Ларисы есть личная жизнь и, возможно, какие-то неприятности. Неспроста же у нее вчера были заплаканные глаза.

— Папа, — ворвался Константин к отцу, — я готов ехать.

— А как же Лариса?

— Она звонила, придет к двенадцати. За это время я успею съездить к ее тетке.

* * *

Ангелина Павловна Туманова слыла в доме престарелых чудачкой. Об этом Санников догадался, пока разговаривал с людьми, разыскивая ее комнату. Там Ангелины Павловны не оказалось, и ему посоветовали поискать Туманову в парке. Пожилой мужчина, читавший на скамейке газету, указал в сторону небольшого пруда, где на берегу неподвижно стояла одинокая фигурка. Издали Туманова походила на титулованную особу. Особенное впечатление произвели на Константина пенсне Ангелины Павловны и маленькая книжка в сафьяновом переплете, явно старинная, висевшая у пояса на цепочке.

Однако после первых же произнесенных ею фраз флер таинственности и высокородности исчез. Взгляд у женщины был слишком горячий и нервный, с искрой легкого безумия. На Костю она смотрела недружелюбно.

Но странное впечатление, которое производила женщина, нисколько не обескуражило его, а, напротив, даже успокоило. Если тетя слегка с приветом, то нечего винить бедную девочку за то, что она не могла с ней ужиться. Санников, ничуть не тушуясь, представился Тумановой и сразу же перешел к делу. Он не нашел ничего лучшего, как сообщить женщине, что он близкий друг Ларисы.

— Так это ради тебя она сорвалась в Архангельск? — спросила Туманова, внимательно разглядывая Костю. — Машину твою видела и тебя — вскользь. Правда, было темновато, да и с четвертого этажа... Но ты мне показался тогда солиднее.

Костя изо всех сил пытался скрыть свое потрясение. Почему-то ему ни разу не пришла в голову простая мысль: у Ларисы есть близкий друг! Прав отец — он ослеп. Но развернуться теперь и уйти было бы странно, а потому Костя машинально произнес заранее подготовленную фразу:

— Возможно, мы скоро поженимся...

— Лариса мне ничего не говорила.

— Ну, это не странно. Вы ведь живете порознь.

Туманова молчала в ожидании продолжения и не сводила с собеседника тяжелого взгляда.

— Хотите прописаться на моей площади?

— Я, собственно, совсем не за этим... — растерялся от такого поворота Санников.

— Возражать не стану, прописывайтесь, — неожиданно прервала его Туманова и, не оглядываясь, пошла в сторону дома.

Костя пожал плечами и поспешил вслед за ней.

— Я живу с отцом в большой квартире, и мы не покушаемся на вашу жилплощадь, — сказал он ей в спину.

— Тогда что вам нужно? — резко обернулась Ангелина Павловна.

— Почему вы ушли из дома?

— Это не ваше дело, — отрезала Туманова.

— Лариса считает себя виноватой, и я...

— Ее вины здесь нет, — перебила его Ангелина Павловна. — Дети за своих родителей не в ответе, — прибавила она с раздражением.

— Но ведь у Ларисы нет родителей.

— Вы так считаете? — злое улыбку на лице женщины.

— А разве....

Но Туманова уже снова уходила от него. Неприятная манера разговаривать была у этой женщины. То перебивает на полуслове, то, не договорив, разворачивается и уходит. Пока он стоял, размышляя, последовать за ней или считать беседу оконченной, Туманова вернулась и, приблизившись к нему почти вплотную, выдохнула ему в лицо:

— Бегите от нее, пока не поздно.

— Вы хотите меня испугать? — удивился Костя.

— У девочки плохие гены, — произнесла Туманова вкрадчиво после многозначительной паузы. — Что вы будете делать с этим?

— Ее родители пили? Болели чем-нибудь? Или у них просто был дурной характер?

— Не пили. Не болели. Но было бы гораздо лучше, если бы они и пили, и болели... — снова неприятно улыбнулась Туманова.

— Что же с ними было не так? — безнадежно спросил Костя.

— Если не побережете, скоро узнаете.

Туманова круто повернулась на каблуках и вошла в холл. В душе Санникова боролись два чувства: догнать ее или больше не слушать и постараться поскорее забыть все, что она наговорила. Теперь все происходящее казалось ему дурным сном. И этот сон необходимо было развеять. Константин побежал вслед за Тумановой. Либо она скажет что-то более определенное, либо даст больше оснований считать её умалишенной.

Туманову он нагнал у лестницы.

— Подождите. — В голосе предательски проскочили просительные нотки.

Туманова обернулась и смотрела удивленно, словно сказала уже все и не понимала, чего от нее еще хотят.

— Неужели вы не можете сказать ничего более определенного?

— Вы сами не понимаете, о чем просите. — Туманова перегнулась к нему через перила, — Менее будете знать, крепче станете спать.

— Не тревожьтесь о моем сне, — усмехнулся Костя. — Лучше ответьте на вопрос.

— Ее родители были страшными людьми, — Ангелина Павловна перешла на быстрый шепот. — А если взять вкуче всех ее родственников, исключая разве что меня, — очень страшными. Если бы мой сын полюбил такую девушку, я бы костями легла, но сделала все, что в моих силах, чтобы спасти его...

— Они что, плохо кончили?

От слов собеседницы на Санникова повеяло казематным холодом. Очевидно, родители бедной девочки умерли в тюрьме. Ведь именно там находят пристанище страшные люди.

— Кончили? — Туманова нервно засмеялась и закашлялась.

— Я... хотел спросить, как они умерли?

Взгляд у Тумановой снова стал жестким. Она смотрела на Костю с презрительным сожалением.

— Умерли, — повторила она, кривя губы. — Как бы не так!

Ангелина Павловна развернулась и исчезла за поворотом лестницы. Желания снова догонять ее у Санникова не возникло.

Возвращаясь через парк, Санников смотрел строго под ноги, словно боясь оступиться. Со вчерашнего дня мир стал похож на беспокойную белку, мечущуюся с ветки на ветку. Вчера эта белка сделала прыжок в сторону радости, а сегодня прыгнула куда-то совсем в другом направлении. На душе было неуютно, в сердце — полная безнадега, а мысли о Ларисе приобрели зловещий оттенок. Да, похоже, у Ларисы есть кто-то. Ведь кто-то старательно портит ей настроение и доводит до слез. Что ж — не судьба. Но вот что делать с отцом? Ведь пока, кроме Ларисы, никому не удавалось заставить его так много говорить, улыбаться и с тайным удовольствием глотать лекарства...

Дома Нина Анисимовна укуталась в плед и устроилась на диване, крепко прижимая к груди тетрадки. Это были дневники. Скорее всего, судя по пожелтевшим страничкам и состоянию коленкорового переплета, Марта вела их давно. Много лет назад. Сейчас и тетрадок-то таких не выпускают.

Нина Анисимовна была большой поклонницей чтения. Даже, пожалуй, не поклонницей, а фанаткой. В молодости она полноценно удовлетворяла эту свою страсть чтением классических книг, наполненных высокой мудростью и написанных великолепным слогом. Годам к сорока, перечитав практически все, что выходило в советской тогда еще стране, за исключением, может быть, только «Малой земли» Леонида Ильича Брежнева, романов о сталеварах и освоении целинных земель, она принялась перечитывать лучшие образцы прозы по второму разу. К сорока пяти (а этот возраст пришелся у нее на семьдесят шестой год) она, испытывая сильнейшие ломки в отсутствие новых книг, перешла на книги, написанные на немецком, которые ей время от времени подбрасывали знакомые. В начале восьмидесятых она стала плохо спать, потому что тумбочка, на которой обычно лежала «книжка на ночь», оставалась пуста.

Перестройка принесла ей громадное облегчение. Она подписалась на все литературные журналы, которые печатали теперь все ранее запрещенное: Набокова, Платонова, Солженицына. Еще год она глотала горькие пилюли перестроечной литературы, пока окончательно не потеряла аппетит и сон: всюду ей мерещились концлагеря и КГБ. Но вскоре пришло облегчение. Тематика книг расширялась, больше стали писать о любви, меньше пугать тоталитаризмом, бандитами и сексуальным раскрепощением. Книги приблизились к обыденной жизни настолько, что стали похожи на что-то среднее между сводкой новостей и сплетнями. Редко попадались хорошие. Но Нина Анисимовна по привычке ложилась вечером в постель и раскрывала очередную книжонку в мягкой обложке. Книга — хорошая ли, плохая ли — затягивала ее в повествование, и через несколько минут она чувствовала себя молоденькой блондинкой с пистолетом, гонящейся за преступником по московской канализационной сети или еще кем. Это было не самое приятное чтение, но что поделаешь, если Булгакова она знала наизусть.

Но теперь она глубоко вздохнула, пускаясь в плавание по чужой жизни. Записи Марты перемежались конспектами из Рериха, которые Нина Анисимовна безболезненно пропускала. О Рерихах она знала достаточно. И сама прошла когда-то через увлечение их идеями: отстаивала километровые очереди на выставки. И дети в свое время переболели — правда, в легкой форме, не слишком вникая. Но в памяти остались только яркие полотна горных пейзажей, фотография пожилого человека в белой шапочке да притча, неизвестно каким образом сохранившаяся в памяти по сей день.

«Один медведь случайно оставил свою добычу на пороге голодающего, но не перестал быть зверем. Пчела случайно прорвала нарыв больного, но не заработала себе блаженства. Даже змея однажды своим ядом спасла жизнь. Только сознательность и непреложность дают последствия. Улыбка подвига легка, считайте».

Однако притча не принесла долгожданной мудрости. Сколько раз Нине Анисимовне казалось, что этот медведь все-таки наделен разумом и доброй волей, сколько раз она благодарила эту пчелу за помощь, а эту змею принимала в своем доме как спасительницу...

(дата)

«А когда перешли Эдигол, расстилалась перед нами ширь Алтая. Зацвела всеми красками зеленых и синих переливов. Забелела дальними снегами. Стояла трава и цветы в рост всадника.

И даже коней здесь не найдешь. Такого травного убора нигде не видали...»

Н. Р., 1926 год

Мы едем. Сердце мое молчит, уставшее от борьбы последних дней. Оно затаилось, замерло. Прислушиваюсь к себе, в надежде уловить предчувствия. Но — ничего. Андрей деловито ходит за чаем к проводнику, читает газеты, купленные на станции. В общем, ведет себя так, словно собрался в служебную командировку.

Мне немного жутко от того, что жизнь моя круто меняется, и меняется, быть может, необратимо, представляя нашу алтайскую эпопею под сиреневым абажуром в квартире Сени, мы совсем не говорили о дороге, как будто собирались перенестись туда одной только силой своих фантазий. А дорога оказалась реальной: в вагоне день и ночь пахнет табаком, остановки на полустанках затягиваются на целую вечность, да и маленький Вадька доставляет мне массу хлопот, которые некому со мной разделить.

Стоя сутки назад на вокзале у своих тяжелых чемоданов с Вадей на руках, я понимала, что теряю мужа, и, вместо радостного предвкушения поездки, о которой столько мечтала, едва не плакала. Но в самый последний момент случилось нечто такое, что мне до сих пор трудно себе объяснить. Но — по порядку.

С самого начала Андрей полностью отвергал наши планы. Я разрывалась между друзьями, трехлетним сыном и мужем, который ничего не хотел слышать о поездке на Алтай, пусть даже кратковременной — пробной.

Он решительно отказывался слушать меня, едва я пыталась объяснить ему одну из наших теорий об агни-йоге и преобразовании мира. Он кричал мне, что мы слишком неосторожны, что наивны, что все окажемся за решеткой. Он смеялся, когда я говорила, что сталинские времена миновали навсегда, что теперь все по-другому. Он тыкал пальцем в учебник психиатрии и говорил, что мы все — психи и нас надо лечить, потому что псих — это человек, который не может адаптироваться в обществе. «Ты хоть понимаешь, что ваш Сенечка человек слабый и оторванный от жизни? Он завезет вас туда и бросит, когда кончится его отпуск, он преспокойненько вернется назад. А ты, ты уходишь с работы, теряешь непрерывный стаж. Ради чего? Ты даже мужа готова бросить! Смотри, наплачешься...»

Когда я занималась сборами, он уходил из дома. Что же его убедило?

Помню, за день до отъезда Женя, которая также, как и я, до последнего верила, что Андрей все-таки передумает, ухитрилась затащить его к себе. Еще тогда была Маша (с записной книжечкой в кармане она, как всегда, внимательно заглядывала Сене в рот, словно она доктор, а у него — ангина). Я делала вид, что не существую в этой комнате, сидела, затаив дыхание, в дальнем углу комнаты. Женя усадила Андрея у журнального столика, спиной ко мне, и что-то бормотала, ей-богу, как ведьма, колдующая над зельем. Ее пышные волосы вздрагивали временами, очки поблескивали. Она казалась мне облаком, окутавшим Андрея со всех сторон.

Он отвечал ей что-то вроде, что мы сошли с ума (я мысленно хохотала и злилась одновременно), что коммунистическая идеология несовместима с верой, пусть даже не в Иисуса, а в какую-то агни-йогу. А Сеня заметил ему, что политики — те же боги.

— Не помню где точно, где-то в азиатской части России, Рерих умилился, увидев в доме, где остановился, удивительный алтарь. Маленький мальчик вырезал из газет фотографии Ильича и наклеил их в виде нимба над изголовьем своей кровати.

— Какая чушь!

— Не чушь. Люди по-прежнему верят в мессию. Ленин совершил грандиозный переворот в стране, а стало быть, обладал сверхъестественной энергетикой, простые люди это чувствуют подсознательно и не зная, как такого человека назвать, относят к категории богов. И это, по сути, не так уж и глупо.

Андрей тогда поднялся и ушел, хотя мне показалось, что сказанное заинтересовало его. Он мог бы поспорить, мог бы... Но он боялся собственной тени. До сих пор боялся. Дело в том, что, когда он был студентом медицинского института, незадолго до смерти Иос. Ст., разразилось дело о врачах-отравителях. Обстановка в медицинском институте накалилась донельзя, студенты таскали в деканат доносы друг на друга и на преподавателей. Завтрашнего дня не было ни для кого. Тем более что Андрей собирался стать анестезиологом.

Заперев дверь и в последний раз бросив взгляд на свой дом, я передвигалась до остановки автобуса, где меня ждали остальные, перебежками. Сначала — один чемодан, потом к нему — Вадька и второй чемодан. А сама посматривала по сторонам, в полной уверенности, что Андрей сейчас наблюдает за мной из-за угла. Но...

И вот он сидит вместе со мной в вагоне, попивает чай и как ни в чем не бывало спрашивает, как я себя чувствую, на перрон он прибежал взъерошенный и странный: галстук съехал набок, в глазах — лихорадочный блеск.

— Что-то случилось? — испугалась я.

И знаете, что он мне ответил?

— Разве я мог оставить свою женушку одну?!

В руках у него был лишь портфель, с которым он отправился утром на работу, стало быть, решение он принял в последний момент и, скорее всего, внезапно, можно было бы, конечно, приписать его поступок силе любви ко мне и Вадьке, но у меня не получилось, «что-то случилось», — сказала я самой себе.

(дата)

«За Ялуем начались алтайские айлы. Темнеют конические юрты, крытые корой лиственницы, видно место камланий. Здесь не говорят „шаман" — но „кам". К Аную и к Улале есть еще камы, „заклинатели снега и змей". Но к югу шаманизм заменился учением про Белого Бурхана и его друга Ойрота. Жертвоприношения отменены и заменились сожжением душистого вереска и стройными напевами. Ждут скорое наступление новой эры...»

Н. Р.

Писать в поезде оказалось невозможно, качает ужасно, буквы выходят такими, что

самой не разобрать. А в долгие остановки, чем дальше, тем больше тянуло покинуть душный вагон, размяться, походить по земле.

Алтай оказался совсем не таким, каким я представляла его по рисункам Рериха, по снимкам из энциклопедии. Едва выехали из города, воздух стал сладким от цветения мятных трав, и мне уже ничуть не было страшно за наше будущее.

В совхозе, который мы наметили еще в Ленинграде и с директором которого списались, нас встретили без особенного гостеприимства. Немолодая женщина в платочке, сидевшая за конторкой, объявила, что председатель отсутствует, и только после долгих уговоров и изучения бумаг с печатями (Сеня обзавелся ими на кафедре) выделила нам скудный инвентарь — несколько лопат, ведер и прочих необходимых вещей, без которых мы просто не смогли бы разбить лагерь.

Работа отняла много сил. Сеня оказался совершенно не приспособленным к физическому труду, и ставить палатки пришлось Андрею с Лешей, Женя помогала им как умела, Галя, Машиа и Дмитрий отправились изучать окрестности.

Вечером, когда мы сидели у костра, несмотря на усталость, лица у всех были просветленными и торжественными. Мы хором повторили за Сеней молитву, сплошь состоящую из завораживающих звуков, очарованные тем, как эхо вторит нашим голосам. Краем глаза я видела, что и Андрей повторяет за нами, но на губах его при этом играла кривая усмешка.

(дата)

Поговорим с добротой и научно.

Не для меня, но для вас говорю о доверии.

Посылки разбиваются о закрытое сердце.

Когда ненужное говорится, провода мешаются.

Эманации раздражения не только отбрасывают посланные мысли, но даже действие не может к ежу прикоснуться.

В том разница оперения от игл ежа.

Стрелы, оперяя, очертят круг спасения, но если иглы сомнения не допускают телеграмму до приемника, то особая трудность возникает.

Высшие посылают нам Благо.

Мы передаем его вам, но если Мы и вы отринем посылаемое создание, то нас затопит волна зла.

«Зов», 1922 г.

Месяц пролетел незаметно. Нам трудно, но мы преодолеваем трудности, и от этого гордость за свой маленький лагерь только возрастает, наши вечерние медитации и эксперименты с передачей мыслей затягиваются теперь далеко за полночь и наполняют каждого чистотой и светом, которых мы никогда не знали раньше.

Я, Я, Я читаю ваши мысли каждый день.

Учитель проверяет творчество любимых учеников.

И когда усталость не смыкает рта, речь льется как ручей Гималаев.

(Эти строки из Н. Р. Сеня часто использует вместо молитвы.)

Над нами словно полог теперь висит, укрывая от всех нечистот этого мира. Преображение началось. Я ощущаю это почти физически, и от этого чувства душа моя радостно парит над землей, все меняются. Галочка теперь зачарованно сидит вечерами у огня и впадает в экстаз, раскачиваясь из стороны в сторону, едва Сеня начнет нараспев произносить слова молитвы. Андрей говорит, что она — сомнамбула. И это связано с определенными свойствами ее нервной системы. Как всегда — материалист, не хочет признать, что преобразование коснулось и его. Однажды, открыв глаза во время молитвы (мне почудилось, что в палатке заплакал во сне Вадя), я заметила, как горят его глаза! В них была такая страсть и такая сила, которых я даже не предполагала за ним никогда.

Голос у Андрея сильный, и порой он даже заглушает Сенин, так что создается впечатление, что мы повторяем за ним, а не за нашим Учителем. Андрей все чаще заговаривает о том, чтобы легализоваться. Срок командировки, которую выхлопотал Сеня на кафедре, истекает, а стало быть, мы не можем здесь оставаться просто так. Оказалось, что Андрей предусмотрительно уволился из своей больницы перед отъездом. Ему не терпелось до осени подыскать работу в одном из совхозов.

Сеня, похоже, опьянен происходящим и совершенно оторван от реальности. Он практикует многочасовые медитации, а в свободное время рассказывает о своих впечатлениях Маше, которая по сей день его самый благодарный слушатель. Но по большому счету, он наш лидер, и ему не пристало копаться с нами в земле или заниматься рыбной ловлей, к которой пристрастился Леша.

— Он непрактичен, — говорит мне Женя. — Как птичка божия... Он не думает о том, что придет зима...

Действительно, наши палатки вряд ли спасут нас в холода. Меня это волнует, может быть, больше других из-за Вади. Если мы собираемся остаться здесь, как и планировали, кроме огорода, где мы копаемся каждый день, нужен, конечно, дом. И еще хорошо бы настоящую русскую баньку. Зимой не помоешься, окатив себя ведром воды за кустом...

(дата)

У нас много перемен, во-первых, мы переехали. Теперь у нас свой дом — его предоставили Андрею, который все-таки устроился на работу. На него там молятся, во всей округе он единственный квалифицированный доктор с институтским дипломом. Да еще — ленинградским! Ему дали лошадь, чтобы сподручнее было объезжать несколько хозяйств. Предлагали хороший дом в самом центре поселка, но он отказался, выбрав другой — на отшибе, у утеса.

У нас одна большая комната. Все довольны, кроме Сени. Во всем, что касается бытовых вопросов, он в последнее время стал крайне привередлив. Когда за столом он кривится при виде пшенной каши — обычной нашей еды, трудно поверить, что именно этот человек — наш духовный лидер...

Как-то неловко было сразу писать об этом, но все мы дали обет целомудрия и с самого начала нашего здесь пребывания обходимся без... В общем, нам ничто не мешает жить в одной комнате, прерывание супружеских отношений с Андреем (а я считаю, что такие отношения именно прерваны, но никак не прекращены навсегда и не вычеркнуты) меня совершенно не тяготит. Скорее даже наоборот... ни Сеня, ни Евгения, похоже, тоже не тяготятся этим табу. Хотя порой мне кажется, что Женя продолжает с нежностью

относиться к Алексею. Порой я замечаю, что она исчезает куда-то на некоторое время, и мне думается... когда-нибудь я, наверно, посмеюсь над моими подозрениями. Пройдет год или два — мы начнем действовать: будем нести наше учение людям. Но пока мы еще не готовы...

«Скажите новым: надо осознать ответственность за мысли» — это ведь к нам обращено. Также как и: «Когда Прошу: помогите строить Мою Страну, не к скелетам обращаюсь, но к живым творческим духам, каждому назначается своя жертва...»

Только при чем здесь жертва, не совсем понимаю. Может быть, жертва — это покинутый Ленинград, обыденная жизнь, скучная работа. Да вряд ли... «Мы должны стремиться к совершенству, — говорит Сеня, — и мы будем двигаться в этом направлении шаг за шагом, день за днем». И я согласна с ним, потому что: «Огонь опалает несовершенные мысли. Главное — уничтожить бактерии низких мыслей, которые заразнее всех болезней...»

(дата)

«Пусть новые страны также уразумеют мощь обращения чистого сердца. Пусть поймут — лживость мыслей является препятствием к достижению обращения духа».

Вот те на. Женя тоже захотела работать. Она устроилась в школу и теперь каждый день ни свет ни заря уезжает с Андреем на лошади в поселок. Я машу им вслед рукой, возвращаюсь домой, чтобы поспать еще часик до того, как проснутся все. Сеня с энтузиазмом отнесся к Жениной работе. Он говорит, что именно учитель — та фигура, которая способна нести свет. Говорит, что мы заняли еще одну ключевую позицию в деле распространения учения об агни-йоге...

Единственный, кто меня огорчает, — Лешка. Он вот уже несколько дней бросает на меня странные взгляды, но все это время я делала вид, что ничего не замечаю. А вчера, проходя мимо меня, нагнулся ко мне и шепнул: «У меня такое чувство, что ты прикидываешься слепой из последних сил...» Было неприятно. Не ожидала от него ничего подобного. Мне казалось, все глупости мы оставили далеко за пределами этой священной страны, что ревность и зависть давно покинули нас. А вот — нет. Трудно изжить низкие мысли.

Вечером я рассказала об этом Жене. Она уставилась на меня так, словно я с луны свалилась. Разглядывала долго и улыбалась с жалостью. А потом сказала: «Просто я больше не сплю с ним». Фраза разорвалась между нами, оставив воронку. Мне было не по себе, так, словно Женя только что призналась в обратном, мы никогда не были с ней особенно близки, а потому такая откровенность меня шокировала. Но с другой стороны, это ведь говорит о том, что и Женя изменилась. Она перестала лгать. Хотя этот разговор меня не только не успокоил, но и поселил в душе неприятное чувство чего-то обыкновенного, чего-то такого, в чем мы варились в прошлой жизни и от чего, казалось, избавились здесь...

(дата)

Андрей в последнее время стал раздражительным и каким-то нервным. Вздрагивает от каждого шороха, пугается собственной тени. А на все вопросы отвечает только одно: у

него очень напряженная работа. Сеня ходит в прострации. С последней почтой ему пришло несколько писем, все, касающиеся работы, которая именно сейчас требует его немедленного возвращения. Все мы в некотором замешательстве, потому что не знаем, что же в конце концов он решит, неужели это конец? Коротенькое лето надежд, маленькая игра без продолжения?

Сеня собирает чемоданы. Он объявил нам твердо, что едет только затем, чтобы уволиться с работы и вернуться. Мы не должны волноваться. Не должны менять заведенного порядка. «В конце концов, некоторая самостоятельность вам не помешает», — улыбается он. Андрей резко отворачивается, чтобы никто не видел гнева в его глазах, но так получается, что отворачивается он в мою сторону. И я вижу. И даже понимаю его.

Собственно, своим пребыванием здесь мы в первую очередь обязаны Андрею. Он кормит нас, привозит продукты, рубит дрова, заканчивает строить баню вместе с Дмитрием. Но с другой стороны — мы ведь ехали сюда за призраком Рериха, рассыпающим искры надежд, мы мечтали о духовном возрождении, а не о том, чтобы выращивать картошку или рубить дрова. Для этого удовольствия стоило только завести дачный участок... Андрей приносит нам пищу, чтобы поддержать наше тело, а Сеня дает пищу уму, сердцу, душе. Вот о какой самостоятельности он говорит!

(дата)

Боже, какими тяжелыми стали ночи! То ли убаюкивающее стрекотание цикад поутихло, то ли чаще тревожно шумят деревья от ветра, но без Сени мы совсем обленились и спим до полудня, как кролики. Правда, Андрей с Женей не могут позволить себе такой роскоши. В семь они выезжают на работу. И я, к стыду своему, больше не встаю проводить мужа. Но, кажется, он не в обиде. И даже сам предложил мне не вставать, ссылаясь на то, что прерывистый сон вреден с медицинской точки зрения. Вечно он со своей медициной!

* * *

Нина Анисимовна не заметила, как задремала. В последнее время проводить бессонные, к тому же чрезвычайно напряженные ночи было для нее — в редкость, не то что раньше...

Ей снился Алтай — цветущий поздним летом. Разноцветье трав в человеческий рост. И восемь молодых людей, опьяненных чужой идеей до самозабвения.

Они вряд ли догадывались о простой истине, что последователи любой идеи всегда заходят в тупик или еще куда похуже. Родитель идеи трижды перевернется в гробу, глядя, как его горячие последователи перевирают его постулаты и очертя голову рвутся совсем к иной цели, чем ему виделась...

Нет, они не были безумцами. Они были наивными романтиками и ничего не имели против коммунизма, а только пытались декорировать его идеей веры не в Бога даже, а в силу мысли, способной творить добро.

Низкие облака клубились над отрогами гор. Холмы, поросшие лесом, соседствовали с долинами рек и стальной гладью озер. Нина Анисимовна даже во сне готова была поспорить, что маленький лагерь вряд ли переживет здесь зиму, когда вершушки гор

покроются снегом и солнце, помноженное отражением в ледниках, перестанет быть снисходительным к ним...

Звонку будильника Нина Анисимовна удивилась, как выпавшему летом снегу. Она смотрела на него рассеянно, пытаясь припомнить, куда же ей так рано понадобилось... Потом ахнула, вскочила, приготовила несколько бутербродов для Николая и, прихватив с собой тетради, отправилась принимать вахту.

Ларису разбудил первый трамвай под окном. Она подскочила на кровати и села. Мысли заметались: то ли ей приснился кошмар, то ли приключился на самом деле. Вспомнила все, и тут же придавило тяжестью — Саша. Детским капризом показались вчерашние страдания. Вчера еще оставалось место сомнениям, предположениям и надеждам. Сегодня не осталось ничего, кроме сухой определенности, выведенной в милицейском протоколе: стрелял из ревности...

Здравый смысл подсказывал ей, что делать ничего не нужно. Что в ее положении любой поступок окажется глупостью и только усугубит ситуацию. Что в голове у нее нет сейчас ни одной здоровой мысли, а только отчаяние. Но с другой стороны, именно это отчаяние было настолько полным и настолько непереносимым, что требовало немедленного выхода в любых, пусть самых бессмысленных поступках, о которых она, возможно, скоро пожалеет.

Ей хотелось тут же бросить все дела и бежать искать Сашу. Пусть это будет глупостью, пусть она вскоре пожалеет об этом, но ей нужен был ответ! Хотя какой может быть ответ, когда речь идет о любви? Здесь на все «почему?» — одно «потому». Почему любят дурных и злых, вместо того чтобы любить хороших и добрых? Почему любят убогих и низких, вместо того чтобы расточать жар своей души на достойных? Бессмысленные вопросы.

Лариса позвонила Косте. В его голосе звучали нотки неподдельного счастья. Еще бы: отец был на волосок от смерти, а сегодня ему гораздо лучше. Нужно попробовать уговорить Николая Савельевича лечь в больницу на обследование. Вдруг удастся?

Но если она явится к ним сейчас, в таком подавленном настроении, как бы все не испортить. Мрачный доктор — хуже палача, так говорил их старый преподаватель в училище. Так что сейчас она в хорошие врачи не годится. Придется подождать...

* * *

Костя вернулся домой и не спеша прошел к отцу. По дороге он так и не придумал, что сказать ему.

— Пап, она действительно не совсем нормальная, — сказал он с порога.

— Ты уверен? — Отец заглянул ему в глаза. — Если так, то почему ты такой потерянный?

Костя поморщился.

— Сумасшедшие, как правило, всегда производят на людей удручающее впечатление. Честно говоря, мне немного не по себе после встречи с нею. Наговорила кучу глупостей. Даже, насколько я понял — а понять таких людей совершенно невозможно! — намекнула на то, что родители Ларисы живы. Но в голове у нее такая каша, что я не знаю теперь, чему верить, а чему — нет.

Николай Савельевич не успел ответить: раздался звонок.

Костя шел открывать и пытался представить Ларису. Ее улыбку, походку, манеру говорить. Нет, ничего странного, а тем более — страшного в девушке не было. А что касается родителей, их, как известно, не выбирают.

Улыбаясь, он открыл дверь. Лариса выглядела бледнее, чем вчера, лицо предательски

хранило следы слез.

— Здравствуй, — сказала она тихо, — как отец?

— На вид — ничего. Но мне кажется — еще слабоват.

Пока Лариса раздевалась и мыла руки, Костя терзался вопросом о том, что за чудище живет у нее дома? Вчера она ни разу не позвонила домой, чтобы предупредить, что задерживается. Стало быть — звонить было некому. По крайней мере он так себе это объяснил. У подъезда она достала ключ, что тоже было хорошим знаком. И, в конце концов, она ведь сама сказала вчера отцу, что раньше жила с тетей, а теперь — одна! Ах да, спохватился Костя. Не могла же она сказать будущему свекру, что имеет бойфренда!

Лариса заставила себя встряхнуться и вошла к Николаю Савельевичу. Взглянув на нее, старик отправил Костю варить кофе.

— Спина гудит, голова трещит, — пожаловался он. — Может, давление измеришь?

Лариса невольно улыбнулась: похоже, уговаривать пациента больше не придется. Пока она мерила давление, Николай Савельевич внимательно изучал ее лицо.

— Неважно, — покачала головой Лариса. — Инъекцию делать не будем, а вот таблеточку.

— Давай. — Николай Савельевич подставил ладонь.

Лариса снова улыбнулась и протянула ему стакан воды — запить лекарство. Николай Савельевич проглотил таблетку и выпил воду одним глотком, как водку. Даже крякнул и вытер усы.

— А теперь, пока Костьки нет, — потребовал он, — рассказывай, что у тебя стряслось.

— У меня? — не сразу поняла Лариса.

— Ну не у меня же. Со мной вроде все выяснили. А вот с тобой что?

— Да ничего, — пожалала она плечами, отводя взгляд, и с досадой подумала: «Нужно было припудриться посильнее...»

— У тебя глаза знаешь какие? — спросил Николай Савельевич.

Лариса замерла: вот сейчас он ее разоблачит. Скажет: «Глаза — лживые!» И будет прав! Она с тоской посмотрела на старика, готовясь все ему объяснить. Но Николай Савельевич не стал дожидаться ее ответа.

— Глаза у тебя такие, будто в них корабль затонул, — он хлопнул рукой себя по колену, — Даже не корабль, нет, — весь Тихоокеанский флот. Только не говори, что у тебя неприятности на работе.

Костя с двумя чашечками кофе остановился на пороге комнаты. «Господи, зачем он спрашивает? Вдруг ей надоест притворяться...»

И в эту минуту раздался звонок. Костя не двинулся с места. Почему-то он был уверен, что за дверью — врач, та самая женщина, которая прислала вчера к ним Ларису. Сейчас она войдет, скажет, что дело срочное, и увезет ее с собой. И Костя ее больше никогда не увидит.

— Нужно открыть, — подсказала Лариса.

— Я никого не жду.

К нему действительно давно уже никто не приходил без звонка. В доме находился больной человек, сломленный горем, и друзья — все как один шумные и веселые люди — старались теперь Санникова не беспокоить.

— Все равно нужно открыть, — повторила Лариса.

Едва он распахнул дверь, как в нее протиснулся — другого слова не подберешь! — Мишаня, его однокашник. Молча сжал в богатырских объятиях, высунулся из двери на

лестничную клетку и пробасил:

— Да дома он, дома! Давайте все сюда! Ты извини, что мы без звонка. Если честно — мы звонили, никто не отвечал. Ну и решили заехать в твою консультацию, посмотреть, как ты там. Переположили всех. Че-то пугливые они там у тебя! За бандюка меня приняли. Сказали, что ты, мол, дома, скорее всего, с отцом.

Пока Мишка мертвой хваткой держал Константина за плечи, в прихожую набилось еще несколько человек, но из-за Мишкиной спины разглядеть никого не удавалось.

— Миш, я страшно рад, — забеспокоился Костя, — только вот... У меня отец болен.

— Щас полечим, — Мишка достал из внутреннего кармана куртки бутылку коньяка и распорядился, оборачиваясь: — Сгружай продукты! Нас немного — только наша группа.

— Нет, ребята, правда... Миш, я страшно рад. Столько лет тебя не видел... кстати, ну и раздался ты там, у себя в тайге! Но отец, понимаете...

Миша покачал головой.

— Болеет. Знаем. Ты когда-нибудь слышал, чтобы больной человек быстро выздоравливал, когда ему создают стерильную обстановку и полный покой? То есть когда предоставляют все условия для болезни? Человека радость лечит, праздник! Насколько я помню, Николай Савельевич всегда мне был рад в отличие от тебя.

Миша отодвинул Костю в сторону, скинул ботинки и пошел в комнату: «Николай Савельевич! Где он вас прячет?»

Костя растерянно стоял на пороге и только успевал отвечать на приветствия однокурсников, которые быстренько жали ему руку и шли вслед за Мишкой.

— Ну ты-то, — попытался он остановить Васю Бережного, с которым виделся чаще других, — ты-то мог предупредить?

— Да я что? — оправдывался Вася. — Я же им говорил. Но ты сам видишь: Мишаня приехал. Прямоком из тайги. Ресторанчик откупил на три часа. Мы там попили, поели всей группой, а потом он и говорит, что, мол, несправедливо, что ты тут один маешься. Да и отец твой его всегда привечал. Вот мы и...

— Здравствуй, — раздался женский голос из-за спины Василия.

Костя выпустил его руку, и тот быстро ретировался вслед за остальными. В дверях осталась одна Марина. Как-то он не догадался сразу, что, уж коли явилась вся их группа, значит, и она... Он не видел Марину уже два месяца.

— Не рад? — Она подняла брови.

— Рад, конечно.

— Тогда помоги даме раздеться.

Он подхватил ее тонкий кожаный плащ, отметив, что такого у нее раньше не видел. Протянул ей руку, помогая скинуть туфли на высоком каблуке и влезть в мягкие домашние тапочки, которые она сама достала из шкафчика.

— Ничего не изменилось, — с улыбкой обвела она глазами прихожую. — Ну, пойдём?

В комнате стоял гул голосов, перекрываемый басом Мишани. Николай Савельевич оживленно всем улыбался и отвечал на приветствия.

— О! — обрадовался Мишка, обрывая свой разговор с отцом. — А вот и он! Не против если я сам познакомлюсь с твоей девушкой? — Он повернулся к Ларисе, взял ее руку и галантно поднес к губам. — Михаил Боярышников, — представился он. — А вы?..

— Лариса, — ответила она.

Но Боярышникову такой ответ не показался исчерпывающим. Продолжая стоять

полусогнувшись и плотоядно посматривая на Ларисину ручку, он уточнил:

— И кем же вы приходитесь нашему Костику? Уж не родственницей ли? Я, скажу вам по секрету, — поведал Мишаня, понизив голос, — еще не женат, еще в поиске... Так кем?

— Невестой, — выдохнула Лариса, мысленно ругая Костю за то, что не предупредил ее, как вести себя с гостями.

В комнате повисла мертвая тишина. Лариса, не ожидавшая такой реакции, в замешательстве переводила взгляд с одного мужчины на другого, пока не наткнулась на женщину, стоявшую рядом с Костей. Та смотрела на нее в упор, и глаза ее были темными как ночь.

— Оп-па! — выдохнул наконец Миша и поцеловал Ларисе руку. — Очень, очень приятно. А теперь, — он хлопнул несколько раз в ладоши, призывая всех к тишине, — у меня предложение. Я обращаюсь к хозяину этого дома, то есть к вам, дорогой наш Николай Савельевич. Мы можем откланяться прямо сейчас и не будем на вас в обиде, потому что Костя предупредил, что вы себя плохо чувствуете...

— Ни в коем случае! — испугался Николай Савельевич. — Я вас еще и не рассмотрел толком...

— А можем, — продолжал Мишаня как громкоговоритель, — устроить небольшой — я повторяю, и можете мне верить, — совсем небольшой — возраст уже не тот, чтобы кутить по-старому, — сабантуй прямо здесь у вас.

— Я с удовольствием... — радостно воскликнул Николай Савельевич, но вдруг осекся и обернулся к Ларисе. — Если, конечно, Ларочка не возражает.

— Ясно, кто теперь в доме главный, — многозначительно заметил Миша и снова развернулся к Ларисе. — Ну так как? Будет у Николая Савельевича сегодня праздник или ему только таблетки полагаются?

Лариса задумалась. Давление — вещь непредсказуемая. Оно может подняться и от радости. Так что риск есть. Но Николай Савельевич так обрадовался Костиным однокурсникам, что сказать им теперь «Нет уж, ребята, в другой раз!» означало бы повергнуть его в отчаяние, что конечно же еще меньше пойдет ему на пользу, чем присутствие шумной компании.

— Ну хорошо, — сказала Лариса. — Только вам, Николай Савельевич, — никаких спиртных напитков, ничего острого и соленого. И никому не курить в комнате!

Она посмотрела на мужчин и снова столкнулась взглядом с красивой женщиной на пороге и прочла в глазах той крайнее удивление. Чтобы как-то смягчить сказанное, она тихо добавила:

— Я врач, поэтому...

— Мы уже догадались, — ответила ей женщина, улыбаясь с некоторым сочувствием.

— Тогда все за мной, — снова хлопнул в ладоши Мишаня, — накрываем стол в большой комнате.

Суэта длилась недолго. Продукты гости принесли с собой. Их нужно было только вынуть из пакетов. На столе вмиг возникли жирные куры гриль, салатки в пластиковых коробочках, сыр, карбонад и хлеб в нарезке, и даже одноразовая посуда появилась.

Костя помог отцу надеть костюм, висевший в шкафу без дела уже два года. А громадный Мишка осторожно, будто ребенка, перенес его в гостиную и усадил в большое кресло во главе стола. Лариса пристроилась с ним рядом на табурете и тут же стала инструктировать его насчет выставленных блюд: этого вам нельзя, этого — ни в коем случае, а вон то можно

попробовать, но только самую малость.

Ребята устроились за столом. Некоторым пришлось сидеть на одном стуле. Костя оказался прижат к Марине, отчего чувствовал себя последним подлецом и предателем. Нужно бы сказать ей, что Лариса здесь по долгу службы и никакая она ему не невеста. И он, наверно, все бы ей объяснил, будь он уверен, что Лариса завтра исчезнет навсегда. Но глупая, ни на чем не основанная надежда заставила его молчать и чувствовать себя по отношению к Марине последней сволочью. Он не мог поручиться, что, исчезни завтра Лариса, он не станет искать с ней встречи. В общем, он сидел как на раскаленных угольях, а тут еще и Боярышников жару добавил.

— Константин, — официальным тоном обратился к нему Миша, протягивая рюмку коньяка, — штрафную. Не волнуйся, много тебе не дадим. Это — чтобы избавить тебя от шока, вызванного нашим появлением.

Себе он налил боржоми. Вокруг притихли и явно чего-то ждали.

— Но, перед тем как выпить, ты должен ответит нам всем на один вопрос. Считай его экзаменационным. Его я сегодня задавал всем, — он обвел взглядом присутствующих. — Поведай нам, какое событие за эти семь лет, что мы не виделись, было для тебя самым счастливым?

Костя взглянул на Ларису. Она смотрела на него с интересом. Костя едва заметно улыбнулся ей и тут снова выступил Мишаня:

— Да, без слов ясно. Ну что ж, поздравляем. Ты единственный среди нас, у кого в жизни такая полная определенность.

Все загладели, подняли пластиковые стаканчики и потянулись чокаться.

Лариса пыталась уловить смысл того, что здесь сейчас произошло. Неужели эти люди решили... Она посмотрела на Константина, весело отвечавшего на расспросы однокурсников, поймала его взгляд и обмерла. Как же она раньше не замечала?..

Компания распалась на маленькие группки. Кто-то остался за столом, кто-то вышел покурить или расхаживал по комнатам. Лариса тоже встала, чтобы пройтись. Заглянула на кухню и наткнулась на Мишу.

— О! — обрадовался он, — Кто к нам пришел! Кость, ты бы познакомил нас со своей невестой поближе. В конце концов, мы твои лучшие друзья.

На кухне стояли трое мужчин, и Костя одного за другим представил их Ларисе.

— Мишу ты, наверно, уже запомнила. Явление незабываемое. Наш лесоруб, — похлопал он его по плечу, — Единственный отступник. Денежный мешок.

— Ну хватит, — пробурчал тот. — При чем тут отступник?

— А это — специалист по странным. Кстати, ты главный или старший?

— Уже главный, — по-мальчишески улыбнулся мужчина. — Вы, вероятно, самая необыкновенная женщина на свете, — сказал он Ларисе.

— Почему? — искренне удивилась она.

— Как, разве вы не знаете? Выйти замуж за Санникова вот уже несколько веков считалось задачей совершенно невыполнимой.

— Учту, — тихо обронила Лариса, бросив взгляд на Костю.

— Судебно-медицинская экспертиза, — замогильным голосом представил Костя ей последнего из своих друзей.

— Да брось ты, брось, — недовольно засуетился тот. — Просто Василий. И — ничего такого. У меня, кстати, всего полчаса осталось. Нужно встретиться с одним... ну там... в

общем, в «Кресты» мне потом. А потому давайте быстро рассказывайте. Кстати, Санников, попробуй только жениться втихаря — обижусь смертельно. Кто начнет?

С этими словами он как лектор постучал ручкой по бутылке, которую держал в руках.

— Начнем с тайги.

— Да чего я? Скромный бизнесмен. Средней руки. Лес валим, рубим, продаем китайцам. И все дела. Лучше вы о себе расскажите.

— И не скучно тебе без психологии?

— Почему без? В бизнесе без психологии шагу не ступишь. Одни переговоры с китайцами чего стоят... Там Карнеги делать нечего! Мне вот интересно Петю послушать. Слишком он гордый сидит.

— Да, — отозвался «специалист по странным», поднимая пластиковый стаканчик, — у нас, кажется, намечаются поразительные сдвиги.

Мужчины хмыкнули.

— Я не шучу, — упредил возможный выпад Санникова Петя, — мы за этот год отыскали подход к аутичным детям. Один мальчик практически полностью пришел в норму, другой — заговорил, с остальными тоже можно теперь вступать в контакт.

— Попахивает скорой кандидатской, — заметил Василий.

— Докторской, — поправил Костя. — Это серьезно.

— Ну, сами понимаете, бумагами пока заниматься некогда, — смутился Петр. — Дело-то живое. Видели бы вы глаза родителей...

— Ну а ты, Костя?

— Защитился, работаю в консультации, — скромно пожал тот плечами.

— Поди докторскую потихоньку кропаешь?

— Есть немного, — Костя засмеялся. — Только с темой определился.

— Ага. А потом, как вот с невестой, — здравствуйте, прошу любить и жаловать — доктор наук Санников.

— Все ребята, я побежал. — Василий допил свою колу. — У меня все по-прежнему. Оказываем бесценные услуги прокуратуре. Псих нынче пошел совсем новый. Необычный. С налета не раскусишь. Вот хотя бы сейчас у меня встреча. Нормальный мужик, приятный даже. Достаток, семья. И вроде уравновешенный. Встречает молодую девицу, уходит из семьи. Живет с ней в другом городе несколько месяцев. А потом — бах — возвращается и палит из ружья в дружка своей бывшей.

Лариса прислонилась к стене, чтобы удержаться на ногах.

— Да, старая любовь не ржавеет, — вздохнул Петр.

— Не в любви дело, — махнул рукой Василий. — В чем-то другом. Молчит мужик. Напишу, что нормальный — а он действительно нормальный, — тут же срок дадут на всю катушку. Сам себя гробит. Последний раз хочу сегодня попробовать... Так что веселитесь без меня.

Он распрощался с друзьями и направился к выходу. Лариса выскользнула из кухни вслед за ним. Василия она нагнала на лестничной площадке.

— Скажите, — голос ее предательски дрожал, — как зовут этого человека?

— Не могу, — пристально глядя ей в глаза, ответил Василий. — Это против правил.

— Александр? — спросила Лариса.

— Допустим.

— Малахов.

— Вы знакомы?

— Я могу чем-то помочь ему? — Лариса чувствовала, что вот-вот расплачется.

— Видите ли, человеку можно помочь только тогда, когда он сам этого хочет. А ваш знакомый даже попыток не делает... Извините, я сейчас тороплюсь. Но если потребуется ваша помощь, сразу позвоню.

Он побежал вниз по ступенькам.

— Но телефон! — крикнула ему вслед Лариса.

— Есть у меня ваш телефон, — махнул рукой Василий.

«Ну конечно, он ведь думает, что мы с Костей... Он будет звонить ему домой», — с горечью подумала Лариса.

На улице стемнело. Лариса вспомнила о том, что завтра у нее смена — вставать ни свет ни заря. И можно прямо теперь забрать потихоньку свой плащ и сбежать. Она повернулась к дверям и нос к носу столкнулась с Мариной — так, кажется, называли единственную присутствующую на сборе женщину.

— Вот, значит, у кого получилось окольцевать Санникова, — сказала она, прикуривая длинную тонкую сигарету. — Поделитесь секретом: как вы этого добились?

Лариса попыталась улыбнуться. В конце концов, она ведь не настоящая невеста, чтобы нервничать, а всего лишь играет эту роль.

— Я вовсе не добивалась...

— Бросьте. Мне ли не знать, — сказала Марина многозначительно. — Признайтесь, вы беременны?

— Нет.

— Тогда — что же?

Женщина показала Ларисе слишком бесцеремонной. Она таких терпеть не могла.

— Любовь, — ответила она, вскинув голову. — Знаете, это еще случается...

Марина посмотрела на нее с откровенной ненавистью. Чтобы не продолжать неприятный разговор, Лариса вошла в квартиру.

* * *

Поздно вечером, когда все разошлись, Лариса измерила давление Николаю Петровичу и осталась довольна результатами.

— Вот и чудесно! Все наладилось.

— Значит, завтра тебя не ждать? — грустно спросил старик.

— Завтра у меня смена.

— А послезавтра?

— И послезавтра тоже.

— Приходи в выходной...

Лариса улыбнулась, но не ответила. Ей не хотелось подавать надежды. Костя уложил отца в постель и пошел провожать Ларису домой. Ждать трамвая в половине первого ночи они сочли бессмысленным и снова отправились пешком. Ночь была теплая и немного влажная. Похоже, бабье лето все-таки отвоевало город у осени.

Костя с Ларисой молчали. И каждый думал о своем. Она — о том, как пусто и одиноко покажется ей теперь дома после таких приключений. Он — о том, какие слова ей сказать и

как, сейчас или потом.

Так незаметно они дошли до ее парадной. И Костя решился... Но Лариса подняла на него глаза, и он мысленно дал себе отбой. Глаза были такими, словно в них отражалась вся скорбь вселенной.

— Боже мой, — вздохнул Костя. — Ты ведь еще час назад смеялась! Что случилось за последние шестьдесят минут?

— Это давно случилось, — голос Ларисы дрогнул. — И потом завтра — на работу. Пора становиться серьезней.

— Еще успеешь, — неопределенно сказал Костя.

— Это нервы. Я совсем расквасилась, — расстроилась Лариса. — Мне все время хочется плакать. Раньше со мной такого не случалось.

И Костя решился: теперь — или никогда.

— Ладно, сейчас я тебе помогу, — сказал он. — Но совсем немного.

— Как психолог? — В глазах Ларисы мелькнула ирония.

«Совсем дитя!» — Костя вздохнул.

— Я сделаю так, что тебе ненадолго станет легче. Хочешь?

— Конечно, — ответила Лариса, и Костя, не теряя времени, тут же нагнулся и поцеловал ее.

— Ну как? — спросил он. — Помогло?

Лариса, спотыкаясь, пятилась к двери, но тоски во взгляде уже не было. Тоска сменилась крайним удивлением. Добравшись до лестницы, она, не оглядываясь, побежала наверх. И до второго этажа соображала плохо. На третьем она отругала себя за ребячество. Он ведь только хотел поднять ей настроение. Переключить ее на что-нибудь другое. И, в общем-то, у него, наверно, получилось бы, не сбеги она так поспешно. На четвертом этаже, приготовив ключи, она думала только о том, что вот сейчас откроет окно на кухне, которое выходит на улицу, помашет Косте на прощание и скажет спасибо. Она ведь не маленькая девочка, чтобы так шарахаться... Лариса посмотрела на дверь и громко вскрикнула...

Через мгновение рядом с Ларисой стоял Санников и тоже смотрел на дверь широко раскрытыми глазами. Если кто-то пытался пошутить, то вышло зло. На двери, распятое на суровых нитках, слепо таращилось на них до одурения омерзительное существо. Константин даже не сразу понял, что это летучая мышь. Впрочем, это не странно, потому что летучих мышей он никогда не видел, а поклонником передачи «В мире животных» не был.

Лариса стояла, пошатываясь, и прижимала руку ко рту, словно пытаясь загнать назад крик, вырвавшийся у нее при виде мерзкой твари. Ей казалось, что она перебудила всех соседей. Именно это она и пыталась в первую очередь сообщить Косте, который все еще не мог отдышаться после своего стремительного взлета на четвертый этаж. Он уже ясно понимал, что теперь именно ему предстоит снимать эту гадость с двери, но заставить себя прикоснуться к маленькому уродцу пока не мог.

Вдруг летучая мышь встрепенулась и забилась, словно в конвульсиях. Костя с Ларисой дружно отпрянули от двери.

— Да она живая! — обрадовался Санников. — Нет, ты только посмотри!

Он обернулся к Ларисе и понял, что девушка едва ли разделяет его радость. Казалось, она вот-вот упадет в обморок.

— Отойди подальше, — скомандовал Костя, достал из кармана брелок — крошечный перочинный ножик — и принялся обрезать нити, на которых висела мышь.

Едва почувствовав свободу, та стала биться, кидаясь то вправо, то влево, и Косте пришлось схватить мохнатое тельце, чтобы она не разбилась о дверь, пока он возится с нитками.

— У тебя есть кладовка? — крикнул он Ларисе через плечо.

— Что? — не сразу поняла она. — Какая кладовка? Зачем?

— Я же не могу держать ее в руках вечно!

Лариса обогнула Костю, стремясь не смотреть на него и держаться как можно дальше, долго не могла попасть ключом в замочную скважину, но наконец все-таки ей это удалось, и Санников прошел вслед за ней в маленькую прихожую.

— Там, — одними губами сказала Лариса, указав в сторону кухни.

За дверью Костя нашел довольно просторную кладовку и осторожно, стараясь, чтобы обезумевшее животное не выпорхнуло в комнату, закрыл дверцу.

— Все! — сообщил он Ларисе, с видом победителя возвращаясь в коридор.

— Как это все? — поразились девушка. — Что это значит? Она будет сидеть у меня там?!

— Ну, пока там... Потом мы что-нибудь придумаем...

Мысленно Костя прикинул, что мышь — это хороший повод встретиться с Ларисой завтра.

— Мне вставать в шесть, — сказала она с ужасом. — Я вернусь поздно. А она, — Лариса ткнула пальцем в кладовку, — она сидит там...

Голос Ларисы дрогнул, глаза блеснули влажно.

— Кто же это так развлекается? — спросила она, как обиженный ребенок. — Я чуть со страха не умерла. И где только они ее взяли?

— Думаю, это чистая случайность. Вряд ли она предназначалась тебе.

Костя не совсем верил в то, что говорил. Он просто пытался успокоить Ларису.

Но Лариса не успокаивалась, а расстраивалась все больше.

— Я, кажется, знаю, кто это устроил, — сказала она. — Ну конечно же, больше никому...

Она закрыла глаза и покачала головой. Существовал только один человек, который мог желать ей зла.

— Это отвратительно!

— Лариса, не торопись с выводами. Ты испугалась, да. Но ведь ничего смертельного не произошло. Просто кто-то пошутил.

— Она была распята, — шипящим шепотом сказала Лариса. — Мало того что...

У нее не было сомнений, кто бы мог подстроить ей такое. Конечно, его жена! Или дочь! Нужно рассказать обо всем Косте. Лариса набрала в легкие побольше воздуха, посмотрела Косте в глаза, и ей вдруг стало так себя жалко, что она ничего не сказала, а только расплакалась.

Он подошел к ней, потрепал по плечу. Последняя мысль — успокоить девушку и идти домой — увяла, едва возникнув. Дальше их действия как-то разом утратили осмысленность. То есть сначала он утешал ее, а потом уже очнулся, чтобы отдышаться от затянувшегося поцелуя. Потом — диван... и он пытается расстегнуть ее блузку. А она помогает. И последняя мысль: «И как это все так...» — практически уже совсем неуместна, потому что — не до рассуждений.

К середине ночи они лежали рядом на диване, и к Косте медленно возвращалась

способность думать. Лариса спала, положив подбородок на его плечо. Санников всю жизнь завидовал людям, которые способны вот так блаженно засыпать при любых обстоятельствах. Он откинул с ее лица прядь волос и залюбовался. Еще сегодня утром он и представить себе не мог, что так все обернется. И уж конечно не представлял, как она хороша!

Нет, ни за что он с ней не расстанется. Он готов на все, только бы вот эта тихая радость, которую он теперь испытывал, никогда не кончалась. Ему казалось, что теперь не нужно будет искать поводов для встреч. Разве сегодняшняя ночь — не повод? Правда, было одно но... Вряд ли Лариса влюбилась в него без памяти. Этот взрыв скорее можно отнести на счет ее переживаний. Но разве это важно? Его чувств достаточно на двоих. А потом, если бы у него было время, возможно, он сумел бы заслужить ее любовь.

Засыпая, он услышал, как в стенном шкафу забила крыльями летучая мышь, и снова блаженно улыбнулся. Сейчас он обожал эту маленькую мохнатую мерзавку. Она принесла ему счастье. Если они с Ларисой когда-нибудь поженятся, он непременно закажет портрет этой мышки и повесит в изголовье их кровати...

Глава 8

Нина Анисимовна, запыхавшись, поднялась на третий этаж и осторожно постучала три раза. Николай Иванович открыл ей уже в пальто и с чемоданчиком.

— Ей лучше, — сообщил он с порога. — Все инструкции в письменном виде у постели. Я валюсь с ног. Пошел. Кстати, тебе удалось вздремнуть? День предстоит нелегкий.

— Все в порядке.

— Ну тогда иди к ней. Не исключено, что с минуты на минуту она придет в себя.

Нина Анисимовна закрыла за Николаем Ивановичем дверь и прошла к Марте. Как только она вошла, Марта тут же открыла глаза:

— Кто этот человек?

— Мой приятель. В прошлом — превосходный хирург. Не волнуйтесь, он сделал все, что нужно.

— Есть надежда? — тревожно спросила Марта.

— Более того — почти уверенность, что все будет хорошо.

— Тогда... Вы их нашли?

— Дневники? Да.

— Прочли?

— Только начала.

— Там есть пробелы, — сказала Марта. — В самом начале.

И замолчала. Всю жизнь хранить свою тайну и теперь довериться совершенно незнакомому человеку? Она была в замешательстве. Но тайна, как кислота, имеет особенность разъедать человека изнутри. Тайники души Марты давно были полны прорех, тайна больше не умещалась в ее сердце. Особенно теперь, когда жизнь висела на волоске.

Все, что происходило до того, казалось ей лишь романтической игрой, исполненной глупых надежд и неоправданных ожиданий.

Выстрел оборвал игру.

Он возвестил, что условия изменились, и если она и дальше собирается участвовать в главных событиях, то ей необходимо подготовиться. Ей просто необходим был какой-нибудь обыкновенный человек, прочно связанный с реальностью, способный выслушать ее и, быть может, дать дельный совет. Женщина, сидящая на краешке ее кровати, прожила долгую жизнь, может быть, она и сможет...

Марта отбросила последние сомнения, но на всякий случай сказала:

— Я не имею права вас втягивать... Похоже, теперь это очень опасно.

Нина Анисимовна, приготовившаяся услышать, что же там за пробелы в дневнике, лишь всплеснула руками.

— В семьдесят лет существует лишь одна опасность — стать никому не нужной. Вот это действительно страшно. А все остальное — ерунда.

Марта улыбнулась. Вчерашняя жгучая боль отступила, лишив тело последних сил, брошенных на борьбу с нею. Внутри разливался покой, означающий одно из двух: либо опасность миновала и она выкарабкается, либо — конец близко. Выбирать не приходилось. А потому... Марта начала рассказывать.

Нина Анисимовна слушала ее заворуженно, прикрывая иногда глаза, чтобы увидеть ту самую реку, бегущую между двух холмов, или розовые облака, отражение которых плавают в

озере перед восходом солнца, Евгению, с развевающимися огненными волосами в экстазе на вечерней молитве, Галину, копающуюся в огороде с большим энтузиазмом, чем остальные...

Марта рассказывала.

* * *

День стоял пасмурный, тяжелый. Облака можно было достать рукой. Они гроздьями свешивались между деревьями. Марта часто гуляла в лесу, чувствовала его магию. Она никогда не могла бы сказать, сколько времени пробыла там, — время в лесу растворялось. Здесь царили свои законы. Она могла зайти как угодно далеко и безошибочно потом найти дорогу обратно. Не потому, что оставляла заметки в виде сломанных веточек или, скажем, ориентировалась по солнцу. Она всегда шла наугад, но ни разу не ошиблась. У нее было врожденное чувство ориентации, как у животных.

И еще ей хотелось найти те пещеры, о которых Рерих писал, что они есть, — подземные бесконечные ходы, соединяющие Алтай с Тибетом. Наследство древних. Тех, что ушли давно...

«А как выросла белая береза в нашем краю, так и пришел белый царь и завоевал край наш. И не захотела чужь остаться под белым царем. Ушла под землю. И захоронилась камнями».

В этот день она бродила уже достаточно долго, но темный лес с висящими в кронах облаками не отпускал, обволакивая влажным теплом. Марта повернула к реке — нужно было пройти немного вперед и спуститься по холму вниз. И вот, уже услышав плеск воды, она вдруг столкнулась с человеком.

Откуда он вынырнул, Марта не смогла бы сказать, и как она его не заметила — тоже. Порой она замечала юркую пеструю мышь, пристроившуюся в корнях, а тут... Длинные волосы, борода. Сначала она приняла его за старика и, только когда он заговорил, поняла, что перед ней человек молодой, едва ли старше нее самой.

— Кто вы? — спросил он, не поздоровавшись, уставившись на нее исподлобья.

— Марта.

Ей стоило труда преодолеть первый испуг и отвечать с достоинством.

— Какое мне дело, как вас зовут? — раздраженно спросил мужчина. — Кто вы такая: археолог, альпинист, биолог на практике?

— Я местная, — уклончиво ответила Марта, подражая для правдоподобия здешнему акценту.

Мужчина рассмеялся — именно тогда Марта и осознала, что он молодой: старики так задорно не смеются.

— Скажите еще — доярка или колхозница! Вы из столицы, не меньше. Я за вами давно наблюдаю.

— Давно? — поразились Марта.

Ей и в голову не приходило, что кто-то может за ней следить в лесу. Стало страшновато. Он махнул рукой.

— И все понять не могу, каким ветром вас сюда надуло? На туристов не похожи. Слишком вы тут обживаетесь, огород развели. Поете странно по ночам...

Теперь он смотрел ей в глаза пристально и без тени улыбки.

— Так кто вы?

Марту охватила паника. Перестав улыбаться, мужчина сделался строг и даже, пожалуй, страшен. Да и вообще он мало походил на реального человека. Одежда висела на нем мешком и явно была с чужого плеча. Рукав был разорван до самого локтя и вымазан не то грязью, не то засохшей кровью. И тут она вспомнила...

* * *

Марта замолчала, и Нина Анисимовна растерянно посмотрела по сторонам. Картинка леса упорхнула без предупреждения, и Нина Анисимовна пыталась определить — куда. Она взглянула на Марту, та улыбалась:

— Вы удивительная слушательница. Если можно, принесите, пожалуйста, стакан воды.

Если можно... А можно ли ей? Нина Анисимовна совсем забыла о письменных распоряжениях Николая Ивановича. Она взяла листок, пробежала его глазами, посмотрела на часы и схватилась за голову.

— Нам же лекарство принимать пора. Так, порошок номер один.

Николай Иванович не поленился, рассовал лекарства в приготовленные пакетики и на каждом написал номер. Нина Анисимовна протянула Марте стакан воды и столовую ложку с порошком.

— Что это? — поморщилась Марта, проглотив лекарство и запивая его водой.

— Понятия не имею. Но вы не волнуйтесь, Коля — хороший доктор. На него можно полностью положиться.

Нина Анисимовна проявляла все признаки нетерпения, ей явно хотелось услышать продолжение рассказа.

— Вы остановились на том, что вспомнили... — по-детски подсказала она Марте.

* * *

В первые недели их приезда у каждого было много идей относительно того, чем еще он мог бы заняться, кроме выполнения основной миссии. Маша, например, как историк, очень интересовалась старинными обычаями, сказками, преданиями. Скорее всего она не очень-то верила в успех нашего предприятия и собиралась не терять времени даром, а набрать хорошего материала на кандидатскую диссертацию. К тому же Сеня теперь был постоянно рядом и мог бы помочь ей с обработкой материала, а главное — с выводами.

Как-то она объявила нам, что отправляется на поиски материала в поселок. Прихватила свой блокнотик и рано утром ушла. Вернулась она вечером совершенно расстроенная и уставшая — ей пришлось пройти за день около десяти километров. В селе она нашла одних стариков (потому что молодые были заняты уборкой урожая), но ей как раз они и нужны были. Разговорившись с тремя женщинами на лавочке, она объяснила им, что приехала из Ленинграда и интересуется сказаниями их народа. Бабки дружно закивали ей в ответ, мол, хорошее дело, но, ссылаясь на собственное косноязычие, посоветовали сходить к Федотовне. Она постарше, а значит, больше помнит, да и речь у нее медовая, складная.

Мария отыскала Федотовну в сарае, с козами. Женщина оказалась покладистой и тут же

повела ее в дом, напоила кумысом и принялась рассказывать. Вступление — «Ой, да расскажу я тебе, девчущечка, сказочку, которая правдивее любой самой чистой правды будет, что на горе сидит, ножки свеся, ждет лишь, когда потревожат...» — было длинным и цветастым. Мария строчила в блокнот как из пулемета, боясь, что не запомнит все чудные обороты, которыми пользовалась рассказчица. Каково же было ее удивление, когда, добравшись до сути, Федотовна принялась рассказывать ей о каком-то «черном альпинисте», упавшем в пропасть на леднике и с тех пор блуждающем в местных лесах и губящем людские души.

— Погодите, — воскликнула Маша, — при чем здесь альпинист? Это уже современная история. К тому же я ее много раз слышала. Мне бы что-нибудь старинное...

Федотовна посмотрела на нее невидящими глазами и снова затянула: «Ой, да расскажу я тебе, голубушка, как ясен день с ночью поспорили, кому из них царствовать придется дольше другого, как две лесные птицы оземь ударились...» Маша снова строчила в блокнот, пока не услышала знакомый мотив: «...парни в горы пошли, во крутые, с рюкзаками и топорами...»

Как ни билась Маша с Федотовной, но старая калмычка только разные вступления ей нараспев выдавала. А суть каждый раз была одна — про человека, который упал в пропасть, не был предан земле и разгуливает теперь в виде призрака вокруг озера Шало...

* * *

В тот момент в лесу перед незнакомым человеком, когда Марта припомнила рассказ Маши, она едва не лишилась чувств. Развернулась на полуслове и опрометью бросилась назад. Ветки хлестали по лицу, сучья цепляли за юбку, но она ничего этого не замечала. Только выбравшись из леса, Марта поняла, что ее никто не преследует, и замедлила шаг. Одновременно к ней вернулась способность рассуждать здраво и стыд за свой первобытный страх.

Она пыталась оправдать себя. Она говорила себе, что этот человек вероятнее всего бежал из тюрьмы или что он сумасшедший бродяга, а может, и того хуже — бандит и убийца. А потому... «Его нужно бояться», — сказала бы Марта еще пару лет назад, живя в Ленинграде. Однако теперь она искренне считала, что жизнь человека складывается так, а не иначе, потому что он сам притягивает определенные события. Не кирпич падает ему на голову, а он сам, силой своей мысли и своего страха притягивает кирпич. В результате каждый получает то, что заслуживает. А это означает, что она, Марта, заслужила страшного человека. Чем-то заслужила...

Марта так стыдилась своего бегства, что никому ничего не рассказала. На следующий день вчерашнее приключение показалось ей сном, и она стала спрашивать себя: было ли все это на самом деле или ей только почудилось? Но каждый раз, спускаясь к источнику за водой, она замирала и озиралась, явственно чувствуя, что за ней наблюдают. Страх возбуждает воображение, и вскоре для Марты все это превратилось в увлекательную игру. Она бегала за водой чаще остальных, и не по просьбе Гали, а по собственной инициативе. Порой соседняя роща казалась ей пустой. Она чувствовала: его нет. А в другой раз, даже не бросив взгляд в сторону сгрудившихся тонких березок, она была уверена: он там! Между ними установилась незримая связь.

* * *

— Правда, это теперь она кажется мне маленькой и невинной. Тогда я чувствовала себя чуть ли не преступницей. Тайна моя была нестерпимо жгучей и заслонила все вокруг. Поэтому-то я так долго и не замечала очевидного: Андрей и Женя.

— Что вы говорите! — воскликнула Нина Анисимовна. — Стало быть, между ними завязались отношения...

Она вздохнула и добавила:

— Знаете, честно говоря, я так и думала...

* * *

Марта ни о чем не догадывалась, пока Лешка не сказал ей, что она слепа. На следующий день после его злых слов Марта проснулась раньше обычного, но не открыла глаза, а прислушалась. Женя радостно напевала, собираясь на работу. Андрей крикнул ей, чтобы поторопилась. Когда Женя вышла, Марта осторожно подкралась к окну: Женя сидела на лошади сзади, прижавшись к Андрею всем телом и обхватив его за талию. Женя улыбалась.

Марта чуть не заплакала, глядя на них. Приехав сюда, они все дали обет воздержания: ни алкоголя, ни близости, ни даже помыслов об этом. И вот, пока она ведет со своим мужем возвышенные беседы, Женя...

Стало вдруг до боли ясно, что вся их затея с поездкой на Алтай выеденного яйца не стоит. Ничего не изменилось. Ни в ней, ни в остальных. Куда делась та благодать, то умиление, с которыми она вставала и ложилась каждое утро? Куда делись ее благие намерения? Осталась одна простая и грубая бабская ревность. Вот и все, что осталось от всех медитаций и вечерних молитв. Вероятно, она просто не годится для роли избранной. Она обычная баба. И кроме обычного мужика, ей ничего не надо: ни Бога, ни веры.

Весь день Марта пребывала в оцепенении. К вечеру ей стало совсем плохо. Предчувствуя скорое возвращение Андрея с Женей, она не находила себе места. Хотелось спрятаться, забиться куда-нибудь. Но вот только куда? У них ведь не было отдельных комнат. И тогда она решила — в лес! Пусть там этот страшный человек, она теперь ничего не боится. После всего, что с ней случилось, уголовник, призрак или кем он там еще может быть казались ей смешной детской фантазией.

Она заметила его не сразу. Он не выпрыгнул из-за куста неожиданно, как в прошлый раз. Он дал ей себя заметить, а потом шел поодаль, не делая попыток приблизиться. Марта остановилась. Он — тоже. Она посмотрела на него сурово. Но он состроил ей такую смешную гримасу, что она рассмеялась и сразу же успокоилась: нет, он не уголовник и не призрак. Чудак — да, но скорее всего — чудак безобидный. Нужно бы узнать, что он делает в лесу и где живет...

Так начались их встречи. Первое знакомство было коротким. Марте в тот день не хотелось ни с кем разговаривать, а ему не хотелось снова испугать ее. Он так долго не встречал людей, что забыл, какими они бывают. Особенно долго он не встречал

молоденьких хорошеньких женщин. Наверное, с самой Москвы...

Ночь пролетела в одно мгновение. Едва Костя уснул, беспокойно ворочаясь и вздыхая, как тут же проснулся от того, что Лариса трясла его за плечо. Открыл глаза и услышал:

— Я опаздываю. Вот ключи. И, пожалуйста, сделай что-нибудь с ней. — Она ткнула в сторону кухни, робко помахала ему на прощание и хлопнула дверью.

Константин вздохнул с облегчением. Утро — это всегда некоторая неловкость, которая неизбежно возникла бы, проснись они вместе. Теперь — он посмотрел на будильник — до выхода на работу у него в запасе был целый час. Он успеет заскочить к отцу и покормить его завтраком. На свежую голову, кстати, нужно обдумать случившееся, а заодно выработать программу дальнейших действий. Он умылся, прошел на кухню, включил электрический чайник, опустился на стул и задумался.

Чайник вскипел, щелкнул выключатель. Костя очнулся и поймал свой взгляд в зеркале, что висело напротив. Он глупо улыбался и совсем ни о чем не думал. Отыскал телефон и позвонил домой. Отец просыпался рано, а аппарат всегда стоял у него под рукой.

— Папа, — бодро начал Костя, заслышав слабое, словно издали донесшееся «але». — Мне нет прощения. Я бросил тебя на ночь. Но ты не беспокойся, я сейчас...

— Ты у нее? — перебил отец.

— Плохо тебя слышу, — соврал Костя.

— Значит, у нее, — подытожила он. — Тогда можешь не торопиться. Я и без тебя справляюсь. Только вот вчера, как только вы ушли, звонил Вася, просил позвать к телефону Ларису.

— Вася? Зачем?

— У него к ней было срочное дело. Просил перезвонить... Ты понимаешь, что это значит?

— Не совсем, — протянул Костя. — Точнее — совсем не.

— Думаю, часов до четырех я протяну без тебя, — подсказал отец и тоном боевого генерала добавил: — Действуй!

Санников задумался. Интересно, зачем Василий звонил Ларисе? Краем глаза он, естественно, отметил, что Лариса вышла следом за ним, когда он распрощался. Тогда он решил, что это простое совпадение. А выходит... Зачем же она за ним выходила? Может быть, они были раньше знакомы? Санников почувствовал укол ревности. Чувство было новое, незнакомое, неприятное.

Чем дальше он пытался решить эту головоломку, тем больше возрастало беспокойство. В конце концов, решив положить конец неизвестности, Константин позвонил Василию.

— Очень, очень кстати, — обрадовался тот. — Передай Ларисе, чтобы обязательно со мной связалась. Срочно!

— Одну минуту! — прервал его радостную тираду Санников. — Мне не нравится слово «связалась» — это раз. И второе: позволь поинтересоваться, зачем тебе так спешно потребовалась моя невеста?

Последние слова он произнес с некоторой угрозой, и Василий рассмеялся.

— А я и не ведал, что ты такой ревнивец! Санников, что она с тобой сделала? Я ж тебя полжизни знаю! — Василий развеселился не на шутку, но Санников гнул свое.

— И все-таки: что случилось? — спросил он как можно спокойнее.

— Тот мужик, помнишь, я еще вчера о нем рассказывал? Пробил я его все-таки вчера. Результат пока, правда, мизерный. Но надеюсь с помощью Ларисы его разговорить.

Санников старательно морщил лоб несколько секунд, прежде чем вспомнил о каком-то мужике, который вроде кого-то застрелил.

— Не понимаю, какая тут связь: при чем тут Лариса?

— Ну, старик, извини, — как-то разом скис Василий, — я думал, ты в курсе...

— Может быть, и в курсе, — неопределенно ответил Костя. — Только хотелось бы знать — в каком.

— Ну, — мямлил Вася, — твоя Лариса... того... это...

— Я сейчас тебя убью, — тихо предупредил Санников. — Найду и убью. Не тяни!

— В общем, она сказала, что знакома с ним, — выдал наконец Василий.

— Но ведь ты не называл ни имени, ни фамилии.

— Она сама назвала. Сама вызвалась помочь.

— Постой-постой, а как, говоришь, фамилия этого типа?

— Он не тип, Костя, в этом-то все и дело. Он нормальный здоровый мужик. Причем стопроцентный мужик, который действительно может взять в руки ружье и шарахнуть в кого угодно, будь то депутат или даже президент. Только вот ревность для такого мужика — причина жидковатая. Тут он страдать должен, а не палить. Я с ним все тесты провел, какие только возможно. И Кеэттела, и ММРІ, и еще десяток.

— Про фамилию — не расслышал.

— Ну не могу я! — взмолился Василий. — Спроси у Ларисы!

— Она на работе, вернется поздно.

— Ладно, — сжалился Василий. — Как другу. Но — поклянись! — никому! Ты ведь знаешь, чем я рискую!

— Знаю, — съязвил Костя. — Рискнешь тем, что я тебя задушю, если не скажешь.

— Малахов. Александр. Говорит тебе о чем-нибудь?

— Кое о чем... Спасибо, дружище.

Санников положил трубку и забарабанил пальцами по столу. Позвонил в консультацию и с сожалением узнал, что к нему на сегодняшнее утро записались на прием. Если он не хотел опоздать на работу, нужно было брать ноги в руки. Но такие мелочи, как работа, его сейчас интересовали мало.

Костя прислушался к себе. Что там копошится внутри? Неужто обида? И это у него — закаленного в боях с пациентами психотерапевта! Еще несколько дней назад он был убежден, что способность обижаться на кого бы то ни было навсегда покинула его как архаизм. А оказывается, он отбросил ее, как ящерица отбрасывает хвост только для того, чтобы в один прекрасный день он отрос снова.

А обида была сильной, и больше всего он был обижен на собственную глупость и слепоту. Теперь вспомнилось все: и трогательная забота женщины со скорой — «Вы женаты? Ухаживаете за отцом сами? Намучились?», и заплаканное лицо Ларисы каждый день. О чем она плачет? О том, что дружка посадили. А коллеги стремятся помочь ей выбросить его из головы, а потому знакомят с холостыми мужчинами. Тот-то, насколько помнится из Васиного рассказа, был женат.

Похоже, его просто-напросто использовали, чтобы залечить душевные раны. Это случается. Мужики на приеме не раз плакались на эту тему. Женщины громко кричат, что их бросили и обманули, тогда как брошенные и обманутые мужчины предпочитают никому об

этом не рассказывать. Таким образом складывается общественное мнение: мужчина — подлец, женщина — жертва. Избитый трюк! Но он-то, как специалист, знает, сколько мужчин, поверивших в эту сказочку, разбили себе лбы.

Из кухни донесся громкий шорох. Ага! Летучая мышь оклемалась! Очень хорошо! Если он оставит ее здесь, то это будет хорошим поводом, чтобы, вернувшись с работы, Лариса тут же позвонила ему и попросила приехать...

Нет, он больше не будет играть роль «отдушины» — так, кажется, это у женщин называется. Он спасет ее прямо сейчас, заранее, чтобы истребить необходимость личной встречи в зародыше. Санников распахнул дверцы стенового шкафа и успел ухватить неприятную тварь, пока она обалдела от света. Сунув мышь в полиэтиленовый мешок, валявшийся на кухне, Костя шагнул к двери и проверил замок. Его можно было спокойно захлопнуть. Брать у Ларисы ключи не было никакой надобности. Все. Он уходит!

С сожалением оглядев квартиру и вдохнув напоследок запах Ларисы, которым она была пропитана, Костя подхватил дрожащий пакет и вышел, хлопнув дверью. Под ноги ему упал лист бумаги. «Это еще что?» — Санников никак не мог выйти из образа старого сицилийского ревнивца. Он поднял листок, без зазрения совести развернул его и стал читать.

«Если вас интересует информация о ваших родителях, приезжайте сегодня по этому адресу:...». Записка была короткой и почему-то показалась Косте зловещей. Кто-то, судя по адресу, звал Ларису за город. Кто-то не подписавшийся под своим обращением. Что она сделает, прочитав эту записку? Ясное дело — помчится сломя голову. Позабыв о том, что с некоторых пор кому-то приходит в голову украшать ее двери летучими мышами. А вдруг этот тип... или типы...

Костя сунул записку в карман. Он, конечно, решил, что с Ларисой у него ничего не сложится, но отпустить ее одну за город неизвестно к кому — это уж слишком. Вот если бы он об этом не знал, тогда... Костя на минутку представил себе такую ситуацию и похолодел. С ней может случиться все что угодно. В голове всплыли слова Ангелины Павловны: «Ее родители — страшные люди». Стало быть, их знакомые могут оказаться еще почище. Он не позволит ей поехать туда одной. В конце концов он... Что, интересно, он? И кто он такой, чтобы ей запретить?

Уничтожить записку легко. Но так же легко написать вторую, а если понадобится — третью и четвертую. «Я не вправе бросить ее в таком положении, — нежно подумал Санников, но тут же тяжело вздохнул. — Сколько проблем у девушки? Первая — тетушка, скрывающаяся в доме престарелых, вторая — друг в тюрьме, третья — мышинные шутники, и наконец — неизвестный корреспондент, знакомый с родителями. В принципе — не так уж и страшно. Три проблемы можно выделить в одну и назвать "родственники". Четвертую отнести к разряду нелепых случайностей, и получится все как у людей. Пусть тот, кто не имеет проблем с родственниками, бросит в нее камень!»

Но он вспомнил про некоего Сашу, находящегося под следствием, и приуныл. Эта проблема ему была совсем неприятна...

На работу он брел с трепыхающимся пакетом, как на каторгу. Но консультацию провел блестяще. Никогда раньше не позволял себе лишних эмоций, а сегодня — и что только на него нашло? — говорил убедительно, жарко, как римский оратор. Пациентка — молоденькая замужняя дамочка — смотрела на него, широко раскрыв глаза. К тому же повезло и с мышью. Их секретарша, подрабатывающая на полставки в каком-то салоне белой

и черной магии, завизжала от восторга, когда он сообщил ей, что шуршит у него в пакете. Предлагала любые деньги за отвратительного уродца и, получив его совершенно бесплатно, тут же позвонила своему боссу, сообщив, что откапала потрясающий атрибут для их салона. Интересно, оставят они этот атрибут живым или изготовят чучело? «Прощай, — сказал Костя летучей мыши. — Я не буду вешать твоего портрета над кроватью...»

Он забежал к отцу, пообедал с ним вместе и еще некоторое время слонялся по комнате, не находя себе места. Хорошо хоть отец не пристаёт с расспросами, деликатничает. Наверно, нужно что-нибудь предпринять, все равно он не может сидеть просто так, сложив руки. Это решение обрадовало его. Он тут же подошел к телефону и набрал номер Василия...

* * *

В отличие от Санникова у Ларисы было совсем немного времени, чтобы осмыслить то, что произошло вчера. Спала она сладко, как в детстве, проснулась счастливая и, кажется, даже с глупой улыбкой. Открыла глаза и увидела рядом Костю. Таких потрясений она в жизни никогда не испытывала! Сердце в ее груди ходило ходуном от макушки до пяток, но, как отнестись к событиям вчерашнего вечера, не подсказывало.

Лариса осторожно выбралась из постели и заперлась в ванной. Щеки ее полыхали, она сгорала от стыда. Ничего не оставалось, как включить холодный душ, чтобы активизировать работу мысли. Душ помог, на пятой минуте возникла первая с утра мысль: «Вот это да!» Вторая и третья были ей под стать, и толку от них было мало. Лариса покрылась гусиной кожей и добавила теплую воду. Тут же посыпались вопросы: как это могло случиться, что теперь будет и, наконец, что же делать? Вопросы приходили одни, без ответов, и уходили тоже одни.

Одевшись, Лариса посмотрела на спящего Костю и разом вдруг успокоилась. На губах спящего играла почти детская улыбка. Таким она его еще не видела. Лариса тоже улыбнулась. Завтракала она не торопясь. Случилось то, что случилось. И она не испытывает от этого ничего, кроме необыкновенной легкости и желания улыбаться. Да, она любит другого человека. Но от этого вчера она готова была лезть на стенку. Да, Костю она не любит. У нее и времени-то не было, чтобы полюбить его. Но с ним так легко, что кажется, вот-вот перестанешь касаться земли и будешь порхать как бабочка.

Лариса вспомнила Марину, пытающуюся вчера испепелить ее взглядом. Наверняка — она не просто однокурсница Кости, иначе реагировала бы по-другому. Встреча с Ларисой явно стала для нее сюрпризом. Что все это значит? Это значит, что Костя Санников — человек легкомысленный и возможно даже — бабник. Тем более при его яркой внешности вряд ли у него были когда-то проблемы с женщинами, и совсем маловероятно, чтобы он до тридцати лет мечтал о такой девушке, как Лариса.

«Ну и пусть!» — сказала она себе. Пусть он бабник. Как врач она могла констатировать: такие бабники женщинам необходимы как воздух. Особенно тем, кто погибает от своей такой серьезной и такой тяжеловесной любви. Спасибо им.

Перед уходом она разбудила его, а потом еще долго по дороге на работу вспоминала то выражение смятения, которое было написано на его лице. Выглядел он так же, как и она, когда проснулась. Может быть, он никакой не бабник, а так, странствующий рыцарь? В любом случае, он подействовал на нее как аспирин на высокую температуру. В жизнь

возвращался смысл.

Нет, конечно, смыслом ни в коем случае не был Костя. Было бы смешно и по-детски наивно рассчитывать на серьезность их отношений. Но, тем не менее, смысл жизни возвращался и присутствовал теперь во всем: в том, что она толкается в душном метро, в том, что через полчаса сядет в машину и поедет по вызовам, в том, что вечером вернется домой голодная как волк и съест пару бутербродов с кефиром, пока варятся пельмени. Она не могла бы определить этот смысл одним точным словом, но знала теперь наверняка: жить — это здорово!

— Белова!

Лариса едва успела скинуть плащ, как на нее налетела старшая медсестра.

— Быстро в машину. Тахикардия. Семьдесят пять лет. Десять минут назад вызывали, а у меня все кончились.

Сегодня дежурила Люба. И обычно, встретившись с ней утром, Лариса сразу же падала духом: если Люба, значит, денек будет не то чтобы жарким, а таким, что не продохнуть. Любу недолюбливали все. Даже сложили про нее песенку: «Беленький халатик, ленточка в косе. Кто не любит Любочку? А не любят все!» Она, похоже, тоже всех врачей терпеть не могла, но к Ларисе проявляла особое нерасположение с самого первого дня.

— Еду, — спокойно ответила ей Лариса, улыбнулась, подхватила чемоданчик и пошла к машине.

Люба остолбенело пробормотала ей вслед:

— Чё это ты какая-то странная сегодня, Белова...

А дальше Лариса погрузилась в привычный сумасшедший ритм рабочего дня. Думать о Косте было некогда, думать приходилось о других людях, о тех, кто нуждался в ее помощи. Но ей и не было нужды думать о нем: ощущение его присутствия не покидало ее весь день. Это было чувство легкой эйфории, парения.

Выезжая на первый вызов, она скрестила пальцы в кармане халата: загадала, что сегодня со всеми ее пациентами все будет прекрасно.

* * *

В центре города архитектура привередлива. А уж про планировки внутри и говорить не приходится. Но, войдя в квартиру, Лариса вынуждена была себе признаться, что ничего подобного никогда раньше ей видеть не приходилось. Пройдя по узкому, зигзагообразному коридорчику, она оказалась в огромной сорокаметровой комнате с очень высокими потолками. Комната была круглая, но смущало не это. Поначалу Ларисе показалось даже, что у нее троится в глазах или она начала видеть сквозь стены.

Круглая комната делилась на три части, как торт — от середины к краям. Каждая из частей была обставлена совершенно одинаковой мебелью: у стены — шкаф, возле — комод с маленьким трюмо наверху, от шкафа к центру — кровать, с другой стороны — стол. В каждой части комнаты на кровати лежала старуха. То ли эти женщины были родственницами, то ли старость сделала их похожими друг на друга, но Ларисе сначала показалось, что они близнецы. Этакая картинка, повторенная три раза. Единственное отличие состояло в том, что две женщины лежали поверх покрывал, а одна — под одеялом. Несмотря на то что в комнате не было ни единой перегородки, женщины вели себя так,

словно их разделяют каменные стены.

— Кому плохо? — спросила потрясенная Лариса, переводя взгляд с одной женщины на другую.

По логике этого зеркального мира, как ей казалось, ответить они должны были хором. Но, вероятно, законы зеркальности не распространялись далее сходного расположения предметов. Потому что все женщины отреагировали по-разному. Одна из них даже не шелохнулась на кровати, словно не услышала вопроса. Вторая поднялась и, напевая, прошла к столу налить себе чаю. Голос подала третья, закутанная в одеяло.

— Ко мне, деточка. Что ж ты так долго не приезжала?

Лариса измерила женщине давление, прослушала сердце и пульс.

— С вами это не в первый раз?

— Да уж куда в первый...

— Укольчик сделаем? — спросила Лариса ласково. — Или в больницу?

— Ой, боюсь я ваших больниц. Лет-то мне сколько! А помереть в собственном доме хочется, а не в казенном. Коли уж... За тем и звала.

Лариса сделала укол. Дождалась, пока состояние старушки более или менее не нормализовалось, и стала прощаться.

— Если что — звоните. Приедем, — пообещала она.

Она попыталась подняться, но старуха ухватила ее за рукав халата и потянула к себе:

— Ты уж, дочка, мимо поедешь, забеги ко мне на минутку. А то больно страшно: помру, а в положенный срок не похоронят. Сама ведь видишь, одна живу. стакан воды подать некому.

Лариса удивленно оглянулась. В этот момент две старухи прошли друг мимо друга, каждая по своей территории, и казалось, ни одна из них не только не видела другую, но даже и не знала о ее существовании.

Пообещав старушке навещать ее время от времени, Лариса постаралась скорее выбраться из странной квартиры. Спускаясь по лестнице, она боялась только одного: выйти из подъезда и обнаружить, что улица делится на три равные части...

После первого выезда она успела вернуться и поболтать немного с Галей, пока бригада Тамары Петровны, бросавшей на нее исподтишка удивленные взгляды, не уехала. Следующие два вызова были тревожными. Трехмесячная малышка упала с пеленального столика. Девятнадцатилетняя мама едва не сошла с ума, пока приехала Лариса, а девочка, накричавшись, очевидно, в волю, с красным от слез личиком мирно спала в кроватке. Девочка вроде ничего не повредила, Бог миловал, но Лариса все-таки отвезла их с мамой в больницу для полноценного обследования. Потом еще — женщина, которая никак не могла понять, начались у нее схватки или ей только кажется... А вот на третьем вызове случилось ЧП.

Она приехала в небольшую коммуналку по вызову к ребенку с «острым животом». Вошла и увидела мальчика лет двенадцати в коридоре на полу.

— Это ты больной?

— А что? — ответил мальчишка, растирая по грязной мордашке кулаком непрошеную слезу.

— Где болит? — Лариса села рядом с ним.

Мальчик молчал, только смотрел на нее недобро исподлобья. На их голоса вышла средних лет женщина, кутаясь в пуховый платок.

— Температура у него, — сказала она строго. — И кашель.

— Высокая температура? — Лариса на всякий случай пощупала лоб мальчика.

Тот увернулся.

— Нормальная у меня температура, чего пристали?

Из другой двери послышались звуки бьющейся посуды и женский визг.

— Родители, — кивнула головой соседка. — Отношения выясняют. Не до Пети им. А его — на улицу. Вы на щеки его посмотрите, горит ведь.

Лариса и без градусника могла определить температуру. Тридцать восемь с небольшим. Ну не в больницу же его везти! Она встала и решительно направилась к двери мальчика, собралась постучать, но Петька повис у нее на руке.

— С ума сошла? И тебя убьет!

— Вот еще! — ответила Лариса и снова попыталась постучать.

Петька снова дернул ее за руку. Тут и соседка вмешалась:

— Даже не думайте. Убьет. Мальчик правду говорит.

— И что же будем делать? — спросила она.

— Вы врач, вы и делайте что-нибудь, а то его на улицу выгонят. Это сожитель материн еще не видел, что он тут в коридорчике пристроился. Не то за шиворот бы и — пинком. Он и так домой раз в неделю навещается...

— Но неужели вы не можете взять его к себе? — удивилась Лариса.

Женщина сделала несколько шагов ей навстречу, нагнулась и спросила тихо, чтобы мальчик не слышал:

— Добрая, да? Вот и возьми к себе. А мне и так, — она махнула в сторону двери, откуда доносилась нецензурная брань вперемешку с битьем посуды, — хватает радостей.

А потом добавила громко:

— Все. Мальчик болен. Я тебя вызвала. С тебя и спрос!

Лариса растерянно смотрела на мальчика. Куда ей его везти? В больницу с температурой тридцать восемь возьмут вряд ли. У них мест для тяжелобольных едва хватает. Домой? Но ведь она попадет туда только поздно вечером. Привезти на работу, так Люба со света сживет.

— Поедешь со мной? — спросила она растерянно.

— Очень надо! — окрысился мальчик и принялся ковырять пальцем стену.

Черные глаза его лихорадочно блестели. По всему было видно, что он настолько устал, что поехал бы хоть на край света, лишь бы свалиться где-нибудь и уснуть. Но гордость не позволяла принять помощь... Да и помощь она предлагала не очень-то уверенно.

Лариса вспомнила Марту и подумала, что, наверно, и Марта вот так собирала детей, которые не нужны родителям. И она, Лариса, похоже, тоже кому-то была в тягость. Может, кто и оставил бы мальчика здесь, но у этого кого-то должны были быть мама, папа и счастливое детство.

— Вставай, — сказала Лариса. — Пошли.

— Куда это? — насторожился мальчик. — В приёмник не поеду. В детский дом — тоже.

— Ко мне поедешь, — твердо сказала Лариса. — Домой.

Она протянула мальчику руку:

— Вставай!

Петя лениво поднялся и нехотя поплелся за Ларисой.

— В хирургию? — поинтересовался водитель.

— Нет, ко мне.

Водитель посмотрел на нее, высоко подняв брови.

— В каком смысле?

— Домой. Температура у него. Поехали.

Она привела Петю в квартиру. Порылась в домашней аптечке, достала градусник, парацетамол, таблетки шалфея. Заставила мальчика выпить жаропонижающее. Включила чайник.

— Так. Температуру померить через два часа. Таблетку от кашля одну — сейчас. Пей чай как можно больше. Только не горячий. Погоди, у меня, кажется, клюква протертая осталась. Вот. — Она достала из холодильника банку. — Я буду тебе звонить, расскажешь, как ты и какая температура. Так что бери трубку, если услышишь звонок. А пока можешь поспать.

Лариса накинула плащ и пошла к двери.

— А не боитесь? — прищурился ей вслед мальчик.

— У тебя обычная простуда. Все будет хорошо, — успокоила Лариса.

— Что обкраду — не боитесь? — уточнил он.

— Обокраду, — поправила Лариса. — Тьфу ты, слово-то, и то дурацкое.

Она засмеялась, и мальчик засмеялся вслед за ней.

— А мамка ваша не заругает?

— У меня нет мамы. Я детдомовская.

Мальчик присвистнул, но от вопросов воздержался и тут же засунул в рот таблетку от кашля. «Похоже, он тоже меня пожалел», — подумала Лариса, закрывая дверь.

* * *

К Василию Санников добрался достаточно быстро.

— Готов оказать первую помощь, — сообщил он обалдевшему другу.

— Ты чего-то не понял. Мне твоя Лариса нужна, а вовсе не ты.

— Она мне кое-что рассказала, — уклончиво ответил Константин. — Но прежде, чем я тебе это перескажу, хотелось бы вникнуть в суть дела.

— А ты не в курсе? — пряча глаза, спросил Василий. — Ну, что у твоей невесты... Я ведь вчера порылся в документах, нашел ее фамилию.

— Конечно в курсе! Да, была у нее несчастная любовь. С кем не случается? И у тебя была. И даже у меня.

— Все понимаю, только в толк не возьму, когда вы успели познакомиться, — пробормотал Василий. — Вроде еще совсем недавно...

— У нас была любовь с первого взгляда. Как это там в «Крестном отце»? Удар грома! Или молнии? В общем — удар. Вот!

— Ну ладно. Раз ты все знаешь... В общем, мужик этот мне нравится. (Извини.) Выходит, что он сначала ушел из семьи. Увез Ларису в Архангельск. Начал там дело, и оно у него сразу пошло. Перспективы были заманчивые. Интересней его питерских. И вот тут он совершенно необоснованно бросает все, приезжает в Санкт-Петербург, берет охотничье ружье и палит в помощника депутата. И все это, заметь, на фоне абсолютно нормальной

психики. Спрашивается — зачем?

— Зачем? — с интересом спросил Костя.

— У следствия все просто. Считают — ревность.

— Это он сказал?

— Нет. Он вообще молчит. Это выведено из показаний дочери. Она утверждает, что звонила ему накануне в Архангельск и сказала, что у мамы появился близкий друг.

— И он тут же взял и поехал?

— Ага. Поехал и пальнул. Не убил он его чудом. Если бы не телохранители, кончил бы на месте.

— А зачем ты хотел видеть Ларису?

— Помнишь, я тогда ушел со встречи? А Лариса еще выбежала за мной... Ну так вот: Малахов этот только крестики мне по тестам ставит, а так — молчит все время. И на следствии молчал, потому его ко мне и доставили. А тут я с отчаяния решил на крайнюю меру. Сказал ему, что его знакомая Лариса только что ему привет передавала.

— И что он?

— Видел бы ты его лицо! По нему вихрь пронесся. Надежда, любовь, отчаяние. И, что самое главное — заговорил! Спрашивает: «Вы давно ее видели?» «Только что», — отвечаю. «У нее все в порядке?» Я пожал плечами: «Вроде бы — да. Может быть, хотите с ней встретиться?»

— А он? — с упавшим сердцем спросил Костя.

— Подумал немного, сник и говорит: «Нет. Смысла нет». И снова — молчок.

— А что по тестам?

Василий порывлся в папке и вытащил несколько бумаг с цифрами.

— Вот, смотри сам.

И пока Санников внимательно просматривал результаты, коротко обрисовал портрет подследственного:

— Человек мужественный, открытый, общительный, сильный. Единственный недостаток — отсутствие проницательности. Но, похоже, в бизнесе ему это не мешало. Стало быть, это касается только взаимоотношений с людьми.

— А это что? — ткнул Санников в столбик слов.

— Этот тест нам ничего не дал. Мы его вегетативную реакцию регистрировали на слова. Старый метод, но часто помогает. Хотя в нашем случае — полная галиматья.

— Я смотрю здесь...

— Вот-вот, на слова «жена», «любовник», «ревность» он реагирует спокойно. Зато мощную реакцию вызывают слова «долг» и «дочь». Как тебе?

— Непонятно.

— Да-а-а уж, как говаривал Киса Воробьянинов.

Санников оторвался от бумаги и посмотрел на Василия.

— Спровоцировать пробовали?

— В каком смысле? А, это ты про свой «метод провокации», который на четвертом курсе на всех испытывал? Не смей!

— Так ведь работало же!

— Оставь!

— У тебя клиент где?

— В кабинете. Там Татьяна над ним колдует. Она врач, проверяет со своей колокольни.

Но вроде тоже отклонений не видит.

— Ты ж хорошего мужика под монастырь подведешь, Вась. Как жить потом будешь?

— Санников! — взорвался Василий. — Ты что несешь?

Но, увидев, что Костя смеется, расслабился.

— Ладно. Он твой. Даю пятнадцать минут. Но только потому, что ты хороший специалист и почти доктор наук, понял?

— О чем речь!

Через несколько минут Татьяна вышла из кабинета, и Василий увел ее к себе для сравнения результатов. Санников набрал в легкие побольше воздуха и вошел к Малахову.

— Здравствуйте, я второй следователь группы, — представился он.

Малахов даже головы не повернул в его сторону, продемонстрировав полное безразличие. Костя впился взглядом в соперника. Он был высок, широкоплеч, с правильными, мужественными чертами лица и красивой сединой в коротко остриженных волосах. Хемингуэй и Алан Делон в одном флаконе. С таким тягаться...

«Успокойся, — приказал себе Костя. — Во-первых, ты не собираешься с ним тягаться. Во-вторых, последние два дня Лариса провела не с ним, а с тобой...» Он сел за стол напротив Малахова и заговорил быстро, с натиском:

— Вы не удостоите меня даже взглядом? А ведь я пришел сообщить вам новости. Причем новости весьма и весьма любопытные.

Санников говорил эмоционально, с каждым словом — все быстрее. Малахов теперь смотрел на него и даже подался немного вперед.

— Я могу вам сказать совершенно точно, что сразу же отмел версию о вашей ревности к жене. Да-да, не удивляйтесь. Более того, я вычислил вас.

Тараторя без остановок и пауз, Костя все-таки отметил, что Малахов напрягся и сжал руки в кулаки.

— Вы не могли не сделать того, что сделали. Просто не могли, я ведь вас понимаю как человек. Это был ваш долг.

Он неожиданно замолчал, перегнулся через стол и пристально смотрел на Малахова. Тот явно слушал Костю с нарастающим напряжением, но во время паузы овладел собой и откинулся назад.

— Я ничего не понял. — Он старался говорить спокойно, и, нужно отдать ему должное, у него это получилось.

Санников встал и прошел к окну. Заложил руки за спину и сказал тихо:

— Ваша дочь...

Вот тут он и взорвался. Костя почувствовал его горячее дыхание у самого уха.

— Оставьте ее в покое! Ира здесь абсолютно ни при чем, — орал Малахов. — Слышите, вы? Не смей...

Санников повернулся к нему с видом крайнего изумления, и Малахов отпрянул. Закрыв глаза. Медленно, устало опустился на стул.

— Хоть режьте, больше не услышите от меня ни одного слова.

— Да? А что передать Ларисе? Ей ведь тоже несладко в последнее время приходится.

— Играете? — усмехнулся Малахов. — На том, что болит?

— И все же. Я сегодня увижу Ларису. Она переживает. Хотите объяснить ей...

— Нечего объяснять, — отрезал Малахов. — Меня срок ждет, а ей — жить... К тому же она совершенно не имеет отношения к этому делу. Пусть у нее все будет хорошо. Передайте,

что я не вспоминаю о ней.

— Но это же неправда?

— Правда ей счастья не принесет.

— Может быть, все-таки расскажете сами, в чем состоит правда?

Но Малахов отвернулся от него и всем своим видом показывал, что разговор окончен.

* * *

— Санников, ты — гений! — воскликнул Василий.

Все, что происходило в кабинете, он только что видел на мониторе и, похоже, теперь собирался просматривать запись еще раз.

— Дочка, — причитал Вася. — Как же мы упустили? С ней ведь особенно никто и не работал. Она заявила только, что звонила отцу. Этим и ограничились. Как ты думаешь, что там может быть?

— Все что угодно. Есть дочка, есть мамин друг-депутат, — откликнулся Костя. — Что должно было произойти, чтобы долг велел пристрелить последнего? Работай, выясняй.

— Санников, переходи к нам! Чего ты сидишь в консультации?

— Я подумаю, — пообещал Костя и стал прощаться.

Дорогой он думал о том, что Малахов любит Ларису. Это у него на лице написано было, когда о ней зашла речь. А значит, Костя должен рассказать Ларисе об их встрече. Но он даже не представлял себе, как это сделает...

Давным-давно у него были родители. Как бы ни пытались тетя с дядей доказать ему обратное, как бы ни кричали, что отец его погиб на фронте, а мать умерла при родах, он все равно остался при своем мнении: родителей он помнит. И отец его вряд ли служил в кавалерии, потому что он помнит его сутулым, худым и очень неловким. Вечно он что-нибудь ронял, терял или разбивал. И мать его умерла не в тот самый момент, когда он родился. Иначе откуда же ему было знать, что пахла она замечательным розовым мылом, а волосы ее были как шелк. Это ведь совершенно точно была не его тетя — вечно пахнущая кислой капустой, и не его сводная сестра с высокомерным взглядом. Если его родители умерли, едва он появился на свет, почему же тогда ему снится один и тот же сон: большой буфет с резными дверцами и большой портрет старика с окладистой бородой в черном одеянии. А рядом — большой золоченый крест. Мужчина — тот самый, нескладный (Даня привык думать, что именно он и есть его отец), держит в руках граненый стакан и утирает кулаком слезы, когда смотрит на портрет. Женщина — его душистая мать — гладит мужчину по плечу и тоже плачет. Она говорит что-то вроде: «Ведь твой отец венчал нас...» А мужчина, словно не услышав, — о своем: «Они убили его! Убили!» Женщина: «Не кричи так громко, соседи услышат». «Пусть слышат, безбожники. Святого человека убили!» Тогда Даня подходит к отцу и спрашивает испуганно: «Кого убили?» А тот сгребает его на колени и тычет в портрет: «Деда твоего застрелил красный матрос! Запомни, сынок! Святого человека...» И вот уже Даня плывет по воздуху. Это мама отняла его у отца и сажает к себе на колени. «Ты испугаешь ребенка, — говорит она. — Соседи услышат, прекрати!»

Даня растет в семье чужим. Он не просто «не их» ребенок. Он — краденый. Иначе зачем все ему о родителях врут. И чтобы узнать правду, должно произойти чудо. Потому что тетя с дядей как воды в рот набрали. Но однажды, забыв осторожность, дядя назвал одно имя... Эту женщину они всегда звали не иначе как карга. Карга или пьяница. Даня знал, что речь идет о дальней родственнице, и о родственнице не по крови, потому что своих родственников тетя с дядей всех собирали за своим столом. А каргу не приглашали.

«Капитолина», — сказал как-то дядя. И этого оказалось достаточно. Даня слышал уже, что карга обитает у птичьего рынка. Ему исполнилось шестнадцать, когда он поехал туда в воскресенье с утра и весь день напролет кружил по рынку, кружил... Он, конечно, ее не узнал бы, потому что никогда не видел. Но, может быть, она узнает его? Он вглядывался в лица старух. Раз карга — значит, старуха. И на всякий случай приглядывался к тем, кто помоложе. Кто его знает, сколько ей лет? Он был так внимателен и сосредоточен, что к нему подошел милиционер, попросил предъявить документы и поинтересовался, чего ему здесь нужно.

Даня был скор на язык. Соврал, что поджидает мать своей девушки, хочет помочь донести сумки — может, пригласит зайти. Милиционер не улыбнулся на выдумку, бровью даже не повел, сказал строго и хмуро: иди домой. И Даня ушел.

Он два месяца ходил на рынок без толку. Но однажды, словно кто его окликнул, обернулся и встретился взглядом с женщиной. Обожгло: они словно знали друг друга. Она шла к нему через рынок хмельной, шаткой походкой, протягивая руку вперед, а другую приложив к груди. Губы у нее тряслись, а глаза дымились слезами. Именно так — дымились. Слезы были выплаканы давно, осталось одно подобие.

Он тогда в первый раз пил водку, которую сам же и купил по приказу Капитолины. Дома разрешалось только немного вина по праздникам. Она оказалась его родной бабушкой — по матери. Поминали всех сразу. Мужа ее, погибшего в финскую. И второго Данилиного деда — попа, того самого, которого застрелил красный матрос. («Запомни, сынок! Святого человека...») И отца Данилиного, бывшего, по словам бабушки, сутулым, как сморчок, и нескладным, но слишком уж громогласным в такие темные времена. По навету забрали отца в войну, а мать вслед за ним забрали. Ведь известно, что муж и жена — одна сатана. Вот и забрали.

Первый раз напился пьяным тогда Данила. И домой не пошел, остался у бабушки. Утром выпроводила она его.

— Не приходи больше. Ты теперь все знаешь. В ноги кланяйся тетке своей, что взяла тебя от заклейменных «врагами» родителей. Страшно поodi ей было, а взяла, не отдала в детский дом. Греха, видно, больше боялась, чем суда советского.

С тех пор как он разыскал свою бабушку, сны про родителей прекратились. Каждый раз, засыпая, он долго ворочался, пытаясь представить резной буфет или материн запах, чтобы снова приснилось. Но покров тайны был сорван, и мама больше не говорила: «Не кричи так громко, соседи услышат». И отец не отвечал ей в запале: «Пусть слышат, безбожники...»

Снов не было, но мысли копошились в голове разные. Про грех, например. Про вину. Про смерть. А от них было рукой подать и до мыслей о Боге. Дане не удалось вырасти законченным атеистом, как бы ни вдабливали ему про первичность материи в школе и институте. Сны мешали. Если родители навещают его по ночам, значит, чего-то хотят от него. Только вот чего? Зачем приходят, зачем будоражат душу? И почему вдруг исчезли?

Он навещал бабушку каждый месяц. Чаще — опасался. Она каждый раз страшила его по старинке НКВД, топала ногами, но помощь принимала, благодарила искренне и долго потом еще вспоминала молодость, детей своих покойных, сестер, умерших от тифа, и братьев, погибших на разных войнах. Данила слушал ее и плакал в душе. Жизнь бабушки была перед ним как на ладони: без единого просвета, переполненная отчаянием, горечью, смертями.

Как-то он обнаружил у нее на полке, между пыльным графином и пустыми банками, Евангелие.

— Ты что, верующая? — спросил он удивленно.

— А ты что, безбожник? — съязвила она, отбирая книгу. — Так иди к антихристам, людей отстреливай.

— Да я... — начал Данила.

Но бабушка смотрела непримиримо исподлобья и, выплевывая слова, шипела:

— Небось научили уже краснозвездные своим сатанинским заклятиям: как Бога поносить, людей истреблять, церкви рушить...

Насилу удалось ее успокоить тогда. Но книга в бархатном потертom переплете не давала ему покоя. Пришлось сбегать за водкой, что было против правил. Он и денег-то бабушке никогда не давал, потому как знал — все на горькое свое лекарство изведет. Подрабатывал на разгрузке вагонов, покупал продукты. Но сегодня — случай... Книга, в которую интересно заглянуть...

Капитолина захмелела быстро, уснула почти сразу же, после первого стакана. Данила вытянул из ослабевших рук книгу, открыл. От книги повеяло чем-то тяжелым и сладким. Как будто ладаном окурили комнату. Правда, он тогда еще не знал, что такое ладан...

Желтые страницы, разбитые на два столбца, заговорили с ним языком знакомым, но

забытым. Два чувства одолевали его, пока он читал. Первое — чувство ошеломляющей новизны. «Так вот, значит, как было... Вот, значит, что скрывают от нас...» Авторов чувство настойчиво сообщало ему, что каждая страница ему уже знакома и, как повернутся события, он на самом деле знает, хорошо знает. Словно был когда-то их непосредственным участником...

Он принес книгу домой с огромными предосторожностями. Нет нужды пугать тетю таким чтением. И так, бедняга, всю жизнь в страхе провела, думая, притянут ее вслед за двоюродным братом или нет. Даня читал тайно, ночами, когда позволялось жечь свет на кухне, потому что все считали, что он готовится к экзаменам. А когда прочел, поселилась в нем поразительная уверенность, что все события ему так хорошо знакомы, потому что он в них участвовал. Шел по выжженной земле вслед за учителем, оплакивал тело Его на Голгофе и божественную радость Воскресения тоже пережил.

Данила потерял интерес к схемам полупроводников и политэкономии, которой их пичкали в Политехническом. Он пристрастился к библиотекам, к букинистическим магазинам, где много интересного могло завалиться на полках. Его больше интересовала теперь историческая пыль, нежели перспективы современной электротехники.

Книги были живыми. Он научился читать их между строк.

И когда в читальном зале университета наткнулся на странного человека, он уже был готов...

Любой другой молодой человек, взять хотя бы его курс или вспомнить бывших одноклассников, принял бы такого человека за обычного городского сумасшедшего. Говорил он обрывочно и непривычно. Паузы затягивал. А уж глаза у него горели совершенно неистовым огнем. Петраков — так его звали.

Просто — Петраков, без имени и отчества.

Именно он рассказал в первый раз Даниле про Шамбалу, про живых богов, там обитающих, про японских монахов, доводящих себя до экстаза затем только, чтобы в момент самого высокого подъёма духа нарисовать иероглиф на белом листе...

— Сначала было слово, — твердил Петраков. — А значит, первичны идея, мысль... У Бога тысяча имен. Но никто не знает самого сокровенного. А если подняться туда, где дух свободен и полностью оторван от грешной земли, и спросить там, будучи у самого его подножия, это имя, а вернувшись, написать его, то...

У Данилы захватывало дух. Он выучился специальному дыханию. Он закрывал глаза и часами мог сидеть неподвижно, в ожидании прозрения. Мог бы сидеть, но не сидел. Тетушка, однажды застав его за таким странным занятием, переполошилась не на шутку. Пришлось бросить все силы на то, чтобы подобрать хвосты в институте, успокоить ее, товарищей, преподавателей. Данила чувствовал себя разведчиком, заброшенным в чужую страну с чуждой моралью, мировоззрением, вероисповеданием. Он был вынужден притворяться. Играть обычного мальчика. Тогда как мысли его были далеко — у подножия Бога...

Он закончил все-таки институт, поступил на работу. И мечтал только об одном, чтобы была у него отдельная жилплощадь, куда никто не сунется неожиданно и не спросит: «Чем это ты занимаешься?» Он представлял многочасовые плавания в нирване, полную тишину, преображение... Но площадь ему не дали. Устроен он был не хуже всех, чего греха таить. И тогда он решился бежать...

Петраков выслушал его, сияя. Конечно, он был сумасшедший, этот Петраков. Но, может

быть, не с самого начала он свихнулся, а после своих упражнений с медитациями. После того как утром отправлялся в школу и рассказывал детишкам про прелести коммунизма, а вечером запирался у себя, принимал позу лотоса, разученную по картинке из редкой книги, и часами сидел неподвижно. От такого противоречия мозги его слегка расплавились. Но не совсем. Не потерял чувства реальности за многие годы, осторожность его не покинула.

Еще с ними был третий — Борис. Он, правда, никакого отношения к религии не имел. Но у него была мания ничуть не лучше, чем у них. Борька бредил горами, мечтал покорить пик Коммунизма в одиночку, жить где-нибудь над обрывом в маленькой хижине, а не ходить каждый день к семи в закрытое учреждение подшивать никому не нужные архивы и протирать штаны. Он-то и придумал план бегства. Отправились трое товарищей в горы. Это не возбраняется, если не Крым и не Кавказ, то есть не близко от границы. Там этот фокус не пройдет. Летом собрались в отпуск, надели панамки, с коммунистическим задором вскинули на плечи рюкзаки, помахали ручкой друзьям и родственникам. Месяц прошел. На работе их потеряли. Звонят домой. А дома их тоже нет. Тогда посылают запрос по месту их летнего отдыха, какой-нибудь сельский милиционер собирает местных жителей, принимаются люди их искать. И что же они видят? Палатка стоит в горах пустая. И по всему видно — давно стоит. А в палатке график восхождений висит. Сегодня — туда, завтра — сюда. «Ай-ай-ай, — качает головой местный милиционер. — Вот сюда еще можно было лазить, а вон туда — так точно голову сломают...»

И идут всей толпой «вон туда» и осторожно заглядывают в бездонную пропасть (или к леднику подбираются). А там, внизу, на сучке рюкзак качается, обрывки одежды кое-где, а на дне что — не разглядеть. Да и не спуститься. Вот и нет людей. Вычеркнули их из списка работников коммунистического труда, а стало быть, никто их искать не будет, если станут сидеть тихо и не кукарекать.

Сказали — сделали.

Собрались, выехали на Алтай и... сами на свои похороны потом из леса смотрели. Больше всего Даниле тетку жалко было. Он-то считал, что она убиваться не будет, что своим исчезновением он только ее от извечного страха освободит. Но не тут-то было. Приехала она одна из Москвы. Ни к Борьке, ни к Петракову никто не приехал. В гробу, понятно, земля одна с того места, где палатку нашли, а тетка как впилась в милиционера: открой гроб, не верю, что Дани в живых нет. Тот, конечно, не открыл, но тетка долго требовала, кричала даже, но вроде как простили ей, потому что в страшном расстройстве пребывала. А когда ушли все, долго еще сидела у холмика, плакала.

* * *

— Вот такой он был человек, — сказала Марта.

И Нине Анисимовне не нужно было объяснять, какие чувства испытывала молоденькая Марта к этому человеку тогда. А может, и не только тогда.

— Это про них, значит, была легенда о «черном альпинисте».

— Конечно. Видели кого-нибудь из них в лесу, и шла молва про альпиниста, который из пропасти выбрался и призраком стал. Данила прожил там года два до нашей встречи. Ему приходилось очень несладко. Особенно когда он остался один...

— Что же случилось с остальными?

— Даня занимался своими медитациями, Петраков — тоже. Они словно соревновались в том, кто первым сумеет проникнуть в иные слои духовности и вынести оттуда имя. Борис ставил капканы на лесную птицу, поднимался по самым опасным отвесным склонам.... Каждый был по-своему счастлив, пока однажды Данила не узнал имя...

Нина Анисимовна смотрела на Марту, широко раскрыв глаза.

— Я понимаю, — вздохнув, ответила та. — Это кажется совершенно неправдоподобным. Но то, что случилось потом...

* * *

Это произошло ночью. Безоблачное небо обернулось к ним звездными россыпями.

У него не было предчувствия. Иной раз предчувствия бывали. Но в этот раз — абсолютно никакого. Ему удалось очень быстро «отойти» — так он называл свои погружения в медитацию. Звуки растворились, мысли угасли. Он словно парил в воздухе. Высоко, медленно, плавно несясь в поднебесье. И внизу отчетливо видел горы, реки, озера. «Имя Бога нельзя произнести, но его можно изобразить». Эта мысль промелькнула так быстро, как стриж, рассекающий воздух крыльями в полдень. Равновесие нарушилось, и его стало выталкивать из пустоты и безмолвия. Звуки леса, потрескивающего костра, бурной реки — нарастали. Он сопротивлялся. Намерение не сдаваться крепло. Изображение или что бы то там было он вырвет сегодня у этой пустоты и безмолвия.

Тогда ему стало больно. Дикая боль словно пронзила все его органы и члены, каждый в отдельности и все вместе. Скрутила, понесла в своем водовороте. Но он уже знал, что это такое. Страх. Однажды с ним такое уже случалось. Если он поддастся, если испугается — все кончено. Тогда восхождение придется повторять сначала. Он сумел остаться равнодушным к боли. Не уступить ей, как делают обычно люди, призывая смерть, идя ей навстречу. Игнорировать ее.

Боль отступила, и его накрыло волной хаоса. Это было пострашнее. Привычные ощущения схлынули, очертания мира, которые он носил в памяти, расплылись, и не осталось ровным счетом ничего, что могло бы послужить опорой бедному сознанию. Скучные крупинки разума рассыпались и рассеялись в чернеющей пропасти без дна. Он уже не был человеком, он был частицей мира, атомом, несущимся в космосе с невероятной, но вполне определенной целью навстречу своим братьям... Сил вернуться и восстановить связь с сознанием не было. Да и мысли такой не было. Он ведь не был больше человеком...

И это была даже не смерть, не потеря памяти и ориентации в пространстве одновременно. Это была Его десница. Он исполнял Его волю — маленький атом, маленький мир, силою Божественного притяжения несущийся навстречу другим мирам...

Новый поворот погрузил вдруг его в райские видения: сверкающие синие горы, такие родные, что он вдруг заплакал, как странник, ступивший на родной берег. Чувство счастья переполняло его настолько, что казалось, еще мгновение, и разорвет изнутри, хлынет кипящей волной... Он понял, что стоит у *подножия*...

* * *

Очнулся Данила под утро, сжимая в руке карандаш со сломанным грифелем. Поодаль валялся лист бумаги, а на нем — причудливый знак. Таких рисунков у Данилы скопилось великое множество. Многие из них имели необычные свойства, были диковинными и таинственными. Но этот...

Дрожащими от внезапно накатившей слабости руками Данила взял рисунок. Если это оно, то... Но он не может проверить это прямо сейчас. Эта ночь выпила из него все соки.

Он побоялся сложить листок хотя бы пополам. Как можно было смять *имя*? Данила вложил листок в альбом. Теперь — спать. До вечера. А вечером он проверит...

Изрядно озябнув, несмотря на теплую одежду — ведь всю ночь под открытым звездным небом провел, — он взглянул мимоходом на Петракова. Тот спал, слегка приоткрыв рот и раскинув руки, будто в полете. Вероятно, забрался так далеко, что провалился в сон. Данила усмехнулся и пошел к дому.

Заброшенный не то сарай, не то охотничий домик они отыскивали в лесу не сразу. Первое время пользовались палаткой, которую ставили только на ночь, а днем сворачивали от чужих глаз. Но после того, как появился дом, Данила с Петраковым перешли на «ночное» существование. Начиная с полуночи — медитировали, философствовали, спорили, а днем — отсыпались. Боря же, наоборот, днем лазил по своим «пикам Коммунизма», приносил порой мелкую дичь или рыбу, занимался хозяйством и был абсолютно счастлив, что ему никто не мешает. А вечером спал, надеясь — причем абсолютно зря: если что — друзья на стреме.

Забравшись на второй этаж незамысловатой кровати, которую они сколотили сами как умели, Данила закрыл глаза и моментально уснул...

* * *

Как только Данила вошел в дом, Петраков открыл глаза.

Он завидовал мальчику с самого начала. Смешное чувство «зависть», неуместное в данном случае, — он понимал, но ничего не мог с собой поделать. Он и уехать-то решил для того, чтобы один на один выяснить с ним, кто же из них... Умнее? Талантливее? Нет, не то... Ни уму, ни таланту Петраков бы завидовать не стал. А о материальной стороне — деньгах или красоте — и вообще говорить нечего. Материальная сторона его никогда не волновала.

Искра Божья — вот что было главным. И *Ego* любовь. Этому он мог позавидовать и даже умереть от зависти мог бы, наверно. Отчего этот мальчик словно видит всю жизнь насквозь. Он же сопляк: ни опыта, ни ума особенного. Отчего понимает столько же, сколько он, Петраков, который вот уже двадцать лет тайно занимается эзотерикой. Неужели *Он* его любит?

Петраков гнал от себя эти мысли. Даниил смотрел на него с восхищением, когда Петраков пересказывал ему старинные книги, которые ему удалось достать по случаю.

Все его рассуждения и объяснения находили у юного слушателя понимание. Никто и никогда не слушал его с большим интересом.

Сначала он был горд тем, что нашел ученика. Зависть подкрадывалась медленно, как леопард. Так медленно и так осторожно, что он не заметил, когда она вцепилась ему в горло. И теперь не смог бы сказать — почему. Он просто ощущал ее как изжогу, находясь рядом с Данилой. Она стала хронической. Петраков терял уверенность в себе и покой.

Вот если бы ему удалось добраться до *имени*. Это была его единственная надежда. Казалось, именно тогда произойдет чудо, и зависть навсегда его покинет, оставив душу чистой и благостной. Каждый раз, вставая утром после очередной неудачной попытки, Петраков пользовался случаем и заглядывал в альбом Данилы. Что там у него получилось? И каждый раз спокойно шел спать: не то. А значит, у него было время добраться до *имени* первым.

Вот и сегодня он дождался, пока Данила уснет, достал его альбом и вытащил последний листок. Перед ним было имя. Он не сомневался ни на минуту. Если ты посвятил целую жизнь его поискам, то, конечно же, узнаешь с первого взгляда. Петраков едва не застонал — мальчишка снова оказался первым, а значит, удостоился большей *Его* любви и доверия. Но он еще ничего не сделал... Он только изобразил его и уснул, наверно, совершенно лишенный сил.

Открытие имени сулило постоянный контакт с *Ним*, доступ в любое время, стоит только...

Петраков двумя пальцами подхватил листок и вышел из дома. Солнце поднималось медленно и лениво. Птицы гомонили не умолкая. Он вздохнул глубоко, решаясь... Потом развернул лист и...

Глава 11

Николай Савельевич лежал в постели, запрокинув руки за голову, и размышлял о вещи, ранее не подвластной его разуму. О дзене. Он много читал и всем на свете интересовался, но вот, что такое дзен, никак не мог уразуметь. Взять любую их притчу: приходит ученик к учителю и задает вполне разумный вопрос о том, что такое дзен, а учитель в ответ говорит какую-нибудь белиберду и чушь, совсем к делу не относящуюся. Далее сказано, как правило: «Услышав такой ответ, ученик прозрел...» А чего он, собственно говоря, прозрел-то? Что такого важного услышал? Ведь Николай Савельевич как бы тоже при этом присутствовал. И тоже как бы слышал ответ. Но ученик в результате прозрел, а он — нет. Вот ведь какая чепуха получается!

Но сегодня и он чувствовал себя немного буддистом. Когда умерла жена, он словно ослеп и оглох одновременно. Мир перестал его интересовать, радовать, огорчать. Он выгнал врачей и твердо решил умереть в самом скором времени. Ему было не страшно и не жалко ни себя, ни сына. А вот когда появилась Лариса... Что-то такое щелкнуло в голове, и он прозрел. Почему — бог весть. Как в буддистских притчах. Но что прозрел — факт.

Теперь он наблюдал за выражением лица сына, как фанат за футбольным матчем. Он болел «за наших» и не мыслил их поражения. Спросить Костю, как там, мол, продвигаются у тебя дела на любовном фронте, он не мог. Деликатность его была врожденной, а не деланой. Но без информации о «счете в нашу пользу» он тоже не мог. Тем более что Костя вел себя странно. Вчера не пришел ночевать. Это понятно, логично и «в нашу пользу». По телефону говорил голосом счастливого человека. Значит, ночь тоже прошла «в нашу пользу». Но после работы за обедом Костя сидел смурной. Это, интересно, как понимать? Потом он убежал к Васе, и теперь уже совсем непонятно, в чью же пользу счет.

Николай Савельевич вдруг страстно захотел ходить, нянчиться с внуками на даче, курить как прежде трубку и с энтузиазмом читать газеты и книги про разведчиков. А для этого нужно было знать наверняка, будут ли у него внуки. Стало быть — необходимо держать руку на пульсе, то есть — знать счет. Мучаясь от неизвестности, он решил позвонить Ларисе. Поблагодарит за участие, позовет в гости и по тону поймет, какое у нее настроение. Он набрал ее номер.

— Але, — ответил ему простуженный детский голос.

«Не туда попал», — решил Николай Савельевич и повесил трубку. Лариса ведь живет одна. А тут какой-то ребенок.

— Ну чё звонишь? — раздалось в трубке, когда он снова набрал номер, на этот раз более внимательно.

— Простите, я, наверно, не туда попал. Мне нужна Лариса Белова.

— Ларисы нет, — буркнул мальчик.

— А ты кто? — удивленно спросил Николай Савельевич.

— Петя, — ответил мальчик.

— И где твоя мама?

— Откуда мне знать, за бутылкой небось пошла.

— Куда? — ошеломленно спросил Николай Савельевич.

— В ларек.

— Ты это точно знаешь?

— Да откуда же мне знать?! Может, кобелится со своим новым хахалем...

Трубка выпала у Николая Савельевича из рук. Он отказывалась верить в услышанное. В голове все снова спуталось, радость как рукой сняло. На его счастье, в двери послышалось лязганье ключей. Вернулся Костя.

По его лицу отец понял, что рассказывать он ничего не станет. Наверно, утром узнал, что у Ларисы есть ребенок, и потому расстроился. Нужно его как-нибудь встряхнуть...

— Кость, — сказал Николай Савельевич, — ребенок — это вовсе не так страшно.

— Ты о чем? — опешил Костя.

— Признайся, у нее ребенок?

— У кого?

— У Ларисы.

— Да с чего ты взял?

Отец забрасывал его глупейшими вопросами, и Костя никак не мог взять в толк, что это на него нашло. Даже подумал с ужасом, что от высокого давления в голове у него слегка помутилось, настолько странными показались ему вопросы.

— Я звонил ей сегодня. Трубку взял мальчик, — объяснил наконец Николай Савельевич.

— Ты просто не туда попал, — спокойно сказал Костя. — Нет там никаких мальчиков.

— Если ты позвонишь туда прямо сейчас, то убедишься сам.

Костя пожал плечами, подошел к телефону и набрал номер Ларисы. Все равно ее нет дома, почему бы не позвонить.

— Ну, алё? — ответил ему детский голос, — Чё опять молчишь?

Костя положил трубку. В конце концов, может, соседский мальчик пришел поливать цветы или еще зачем. Лариса, кажется, говорила, что вернется в половине седьмого. Вот тогда он ей и позвонит. Нет, лучше сразу подъедет. Почему-то ему хотелось убедиться собственными глазами, что мальчик все-таки соседский...

* * *

Домой Лариса почти бежала. Два раза она звонила Пете, и он обстоятельно информировал ее относительно своей температуры и глотал, булькая в трубку, таблетки по ее указанию. Температура у мальчика падала и снова поднималась до тридцати восьми. Часов в шесть, закончив работу, Лариса позвонила ему в третий раз, но никто не снял трубку.

Мысль о том, что мальчик просто сбежал от нее, почему-то не пришла ей в голову, зато пришла в голову мысль, что температура у него такая высокая, что он не в состоянии подойти к телефону. Поэтому в метро она стояла, пританцовывая от нетерпения, а выскочив на улицу, понеслась домой бегом, как карета скорой помощи.

Еще на лестнице она достала ключи, быстро открыла замок и лицом к лицу столкнулась с Петей. Мальчик стоял перед дверью, щеки его пылали, а в руках он держал за одну ногу тяжелую табуретку.

— Ты что? — шепотом спросила Лариса.

— А, это ты... — вздохнул Петя и поплелся назад в комнату. — Хорошо, что ты пришла. А то я уже устал дежурить.

— Что значит дежурить? — Лариса пошла за ним, забыв даже скинуть туфли. — Кого ты ждал?

— Были здесь одни типы...

— Где? В квартире?

— Не, в квартиру не смогли, я их прогнал. — В голосе Пети прозвучала гордость.

— Да объясни ты толком, — взмолилась Лариса, присаживаясь к Пете на кровать, щупая его лоб и одновременно подсовывая ему градусник.

В этот момент в дверь позвонили, и Лариса встала.

— Не открывай! — зашипел Петька, кубарем скатился с кровати, подхватил на ходу табуретку, которая так и осталась в коридоре, и встал за дверью. — Теперь можно! — кивнул он Ларисе.

Она распахнула дверь. На пороге стоял Костя.

— Привет, — сказал Костя, шагнув без приглашения в квартиру.

И тут же на него обрушилась табуретка...

Санников должен был благодарить судьбу за то, что его рост на семь сантиметров перевалил за метр восемьдесят. Иначе удар непременно пришелся бы ему по голове. Лариса хлопотала с лекарствами вокруг них с Петей. Мальчик молча лежал на диване, обескураженный своей ошибкой, и только послушно открывал рот, когда Лариса совала ему чайную ложку с микстурой, или поднимал руку, чтобы она могла сунуть или вытащить градусник. Все это время он не спускал с Санникова глаз. Ему было не понять, почему взрослый мужик, получив табуреткой (удар пришелся по плечу), не выругался матом, не кинулся на него с кулаками и вообще ничего не сказал, как будто так и надо было. Петька привык к тому, что любая мелочь выводила мать из себя, а что касается ее сожителя, он всегда готов был дать ему тумака без всякого повода, просто — «для науки». А уж если не дай бог кого из них табуреткой...

Стукнув Костю, Петя надолго потерял дар речи, готовясь к трепке, поэтому не смог ответить вразумительно на все вопросы, которыми его забросали Лариса и Костя. Вопросы казались ему лишь подготовкой к трепке. Сейчас поспрашивают, думал он, войдут в раж, начнут орать и, в конце концов, побьют. Мамкиному бывшему сожителю нужно было обязательно поорать перед тем, как дать кому-нибудь в морду. Он себя так заводил. Иначе, объяснял, не мог поднять руку на человека. А от собственного крика делался почти безумным...

Сделав все, что было в ее силах, для своих домашних пациентов, Лариса включила чайник и вздохнула.

— А теперь рассказывай, — приказала она Пете. — Кто сегодня пытался «вломиться» ко мне, как ты выражаешься? Может, сосед заходил за программкой? Надеюсь, не убил его?

Мальчик осторожно покосился на Санникова и, прокашлявшись, заговорил:

— Слышу — возня за дверью. Думал сначала — это ты пришла. Только, думаю, если пришла, почему же не открываешь так долго. Делов-то — ключ в дверь сунуть и повернуть, правда? А тут — нет. Что-то в замочную скважину суют, это по звукам понятно, но только дверь почему-то не открывается. Тогда, думаю, может, ключ заело, помогу-ка я тебе. Распахнул дверь, а там два пацана...

— Маленькие?

— Не. Большие. Не старые еще, но большие.

— Описать их можешь?

Петя надолго замолчал. Лариса с Санниковым переглянулись, и это не укрылось от его внимания. «Думают, лапшу вешаю», — с ужасом подумал он. Очень ему не хотелось возвращаться домой. К тому же голова просто раскалывалась и все тело ломило. Он напрягся, чтобы вспомнить. Изю всех сил. Но...

— Нет, — сказал он почти обреченно. — Не могу.

Лариса вздохнула, а Санников вскинул руку к лицу мальчика и быстро, словно показывая фокус или играя в детскую игру, стал «выбрасывать» пальцы: один, три... Петя, как замороженный, смотрел на его руку.

— Сколько было пальцев? — спросил Санников.

— Сначала — один, потом — три, два, четыре, — быстро ответил мальчик.

— Значит, запомнил?

— А чего? — не понял он.

— Так, выходит, и ребят тех запомнил. Волосы у них какие были: светлые, темные? А может, они были бритые?

— Средние.

— А лица? Носы, глаза, уши — большие или маленькие?

— Лиц не видел, — честно признался Петя.

— Как же это?

— Ну когда открыл, уперся взглядом в плечо одному. Он-то повыше ростом. Вижу — черная майка под курткой, такая, рулезная, на лямках. Понял, что не Лариса, и обалдел. А когда очнулся, они уже драпали.

— Ерунда какая-то, — высказалась Лариса. — Наверно, просто ошиблись дверью. Искали какого-нибудь своего дружка, — она посмотрела на Костю и продолжила уже не так уверенно: — А попали ко мне.

— Ты здесь давно живешь, — обратился к ней Санников, — вот и скажи: раньше такие ошибки тоже ежедневно случались?

Лариса опустила глаза. Ей так хотелось верить, что это лишь недоразумение! Иначе...

— Вспомнил! — воскликнул тут Петька. — Одну приметку вспомнил! Я ж чё на его плечо уставился и про все позабыл? У него куртка слегка соскользнула, а на плече накладка цветная.

— И что там было написано? — спросила Лариса.

— Не написано, а нарисовано. Маленькая такая, противная. Не знаю, как называется.

— На, — Санников достал свой блокнот и протянул мальчику. — Изобрази.

Петька даже фыркнул от удовольствия. Говорил он коряво, а вот рисовать любил, вот только ему бумага редко попадалась. Рисовал дома на газетах, на старых книжках, а потому и получал часто...

— Вот, — протянул он Косте блокнот. — Точно такая. Только цветная.

Лариса заглянула в блокнот вместе с Костей, и сердце у нее екнуло. Мальчик, бесспорно, здорово рисовал. Но сейчас это не имело никакого значения. Перед ней на листке красовалась летучая мышь... Она с тревогой посмотрела на Костю. Он только покачал головой.

— И если бы это было все...

— Что ты имеешь в виду?

Вместо ответа Санников протянул ей записку, которую подобрал под дверь утром. Лариса прочла ее и подскочила.

— Я еду!

— Сядь, — Костя сказал это так уверенно, словно имел право с ней так разговаривать, и Лариса села. — Это за городом. Электрички туда не ходят, я уже посмотрел по карте. На улице, заметь, темно. А ты, обрати внимание, слабая женщина. И потом, может быть, наши летучие мыши с этим приглашением как-то связаны.

Лариса растерялась, но лишь на мгновение.

— Что же делать? А вдруг я действительно хоть что-то узнаю о своих родителях? Мне нужно ехать!

— Как?

Лариса достала из сумочки кошелек и вытряхнула из него все деньги.

— Негусто, — сделал вывод Санников. — На частника не хватит, я уж не говорю про такси...

На Ларису было горько смотреть. Она чуть не плакала, и Костя не выдержал:

— Ладно, — сказал он тоном спасителя, — поехали.

— Ты одолжишь мне денег?

Ларисе было страшно неудобно просить у Кости в долг, особенно сегодня, после всего, что между ними произошло. И она бы скорее пошла пешком, чем попросила, но он сам предложил. А это — совсем другое дело.

— Ни за что. Я одолжил машину у Васи. У меня было время обо всем подумать. И о том, что ты бросишься бежать туда посреди ночи, и о том, как туда добраться. Так что машина на этот вечер — наша. И я тебя отвезу. Только при одном условии!

— Каком?

— Я пойду туда с тобой. И не возражай! — быстро добавил он.

Но Лариса возражать не собиралась, она поднялась на цыпочки и чмокнула Санникова в подбородок. Лучше бы она этого не делала. Все Костины решения были растоплены приятным теплом, разлившимся в груди.

— Никому не открывай! — наставляла Лариса мальчика перед уходом. — Закройся на задвижку. И, пожалуйста, постарайся меня не убить, когда я вернусь...

* * *

Порошково, куда неизвестный приглашал Ларису, находилось в пятнадцати минутах от города. Нужно было только отмахать полгорода до окраины, а там — ну просто рукой подать. Особенно когда там светло и видно дорожные знаки. А когда горит один фонарь из пяти...

Они достаточно поблуждали, прежде чем отыскали указанный в записке адрес.

Санников заглушил мотор, посмотрел наконец по сторонам и присвистнул. По правую сторону стеной стояли деревья. Какие — разглядеть было невозможно и сколько их — придорожная полоса или целый лес — тоже. Слева высились темные строения без огней и каких-либо признаков жизни, обнесенные колючей проволокой. Место было мрачноватое и безлюдное.

Дом, который они искали, с первого взгляда показался им заброшенным. Но, обойдя его вокруг в поисках двери, они заметили тусклый луч света, выбивающийся из-под наглухо закрытых ставен. Лариса собралась постучать, но Костя удержал ее:

— Пожалуйста, будь осторожна. Не входи сразу. Отсюда мы еще сможем развернуться и уйти. Не торопись. И посматривай время от времени на меня.

— Хорошо, — шепотом ответила Лариса.

Она постучала, и дверь тут же отворилась, словно тот, кто ждал их, держал руку на дверной ручке...

От неожиданности Санников сделал шаг назад. Лариса осталась на месте. В дверях стояла высокая пожилая женщина и держала на руках белого кота.

— Лариса, — начала она, — я рада, что ты...

Тут женщина заметила Санникова и осеклась.

— А это кто с тобой?

— Мой жених, — без запинки выпалила Лариса. — Его зовут Константин Санников.

— Ах, вот как... Я и не знала, что у тебя...

— Кто вы? — спросила Лариса. — И откуда вы меня знаете?

— Давайте войдем в дом.

Через темный маленький коридорчик женщина провела их в комнату. Мебели здесь практически не было. Только старый буфет, небольшой столик, пара стульев да кресло, в котором сидела хозяйка.

Лариса устроилась на стуле напротив женщины. Костя сел в сторонке.

Ему все это очень не нравилось. Дом выглядел наспех подготовленной декорацией. Казалось, выйди в соседнюю комнату, и найдешь там только пыль и паутину. Хозяйка не предложила им даже чаю. Будь на ее месте мама Константина, она первым делом поинтересовалась бы, не голодны ли они. Но здесь, похоже, к приходу Ларисы вовсе не готовились.

Женщины тем временем рассматривали друг друга. Хозяйка молчала, и первой подала голос Лариса:

— Вы знаете что-то о моих родителях, — начала она.

Но женщина не ответила, и ей пришлось спросить снова:

— Это вы написали записку? — Лариса повысила голос, считая, что хозяйка туговата на ухо.

— Не нужно, — улыбнулась женщина. — Я прекрасно слышу. И, пожалуйста, не торопи меня. Дай на тебя наглядеться.

Она так и сказала: «наглядеться», словно изучение Ларисы действительно доставляло ей радость. Возможно, это так и было, только внешне ничем не проявлялось. Взгляд женщины оставался холодным, слегка высокомерным и колючим. От ее слов и затянувшейся процедуры разглядывания Лариса заерзала на стуле.

— Кто вы? — спросила она так, словно знала ответ и не хотела его слышать.

— Ты ведь, наверно, уже догадалась, — ответила женщина. — Я — твоя мать.

В комнате повисла напряженная тишина. Санников чуть не упал со стула от того, что услышал. Женщина не имела никакого сходства с Ларисой. Она была высокой и статной, тонкие черты лица придавали ей сходство с хищной птицей.

— Я знаю, — продолжала женщина совершенно спокойным голосом, — тебе сейчас о многом хочется спросить меня. И я готова рассказать тебе все, только по порядку. Но я хочу, чтобы с самого начала ты знала главное: я никогда не отказывалась от тебя. И все это время искала...

— Двадцать пять лет, — тихо сказала Лариса.

— Я помню, — ответила женщина. — Ты хочешь знать о тех обстоятельствах, которые разлучили нас с тобой? О тех людях, которые до этой самой минуты не оставляли надежды не допустить нашей встречи?

— Конечно.

Санникова покорила холодный тон женщины. Не нужно быть кандидатом психологических наук, чтобы представить себе чувства, которые испытывает мать, отыскивая своего ребенка спустя двадцать пять лет. Любые проявления чувств, даже самые чрезмерные, были бы в этом случае оправданны и естественны. Пусть слезы, пусть какое-нибудь глупое покаяние, пусть даже истерика, — но этот ледяной тон настораживал Костю.

— Я понимаю, Лариса, что не имею права надеяться на твою любовь, — сказала женщина. — Наши недруги сделали все возможное, чтобы отдалить тебя от меня. Но, думаю, выслушав меня, ты поймешь...

Она помолчала. Потянулась за длинной дамской сигаретой, затянулась несколько раз и продолжала:

— Твой отец был необыкновенным человеком. В шестидесятых годах он собрал группу единомышленников и отправился с ними на Алтай, чтобы посвятить свою жизнь развитию высокой духовности и впоследствии — преобразованию общества. Он мечтал нести людям свет высоких истин добра и мудрости.

Все это было сказано без тени улыбки и без всяких потуг на выражение каких-либо эмоций.

— Но не всех, кто был с нами рядом в ту пору, можно было назвать порядочными людьми. Нас предали, и все мы оказались в местах «не столь отдаленных». Дети, которые у нас родились в заключении, были отобраны и разосланы по разным детским домам. Даже выйдя на свободу, мы не могли претендовать на какую-либо информацию о них. Мы с твоим отцом, Лариса, неоднократно пытались узнать о твоей судьбе, но — безуспешно. И вот только совсем недавно, разыскав Ангелину...

Женщина неожиданно замолчала. Санников решил было, что ее «пробило» и она вот-вот расплачется наконец, осознав тот факт, что перед ней сидит родная дочь, которую она искала четверть века. Но ничего подобного не произошло.

Похоже, она просто-напросто закончила свой рассказ, и добавить к нему ей было нечего.

Лариса тоже словно в рот воды набрала. Костя сидел позади и не мог видеть выражения ее лица. А вдруг она сейчас плачет? Он бы и сам заплакал, пожалуй, если бы столько лет мечтал о встрече с матерью, а потом наткнулся на такого вот истукана, который говорит как машина: «Здравствуйте-я-ваша-мама».

Санников покрутился и так и этак, но лица Ларисы не увидел. Зато тут же услышал ее голос:

— А отец... Он жив?

— Да.

И — все. Хороший ответ. Ни прибавить ни убавить.

— Почему он не пришел? — спросила Лариса.

И по ее тону Костя понял, что холодность женщины заморозила и Ларису. Она тоже теперь говорила как робот: четко, ясно и... совсем непохоже на себя. Вдруг в стеклянных створках буфета Санников наткнулся на отражение Ларисы. Лицо у нее было странным. Она смотрела прямо перед собой, и взгляд ее, обычно такой живой, казался неподвижным.

— Он сейчас в другом городе. Но скоро придет, — ответила женщина.

Возмущение Кости дошло до предела, и он решил вмешаться.

— Скажите, — спросил он, — простите, не знаю, как вас величать...

Лариса вздрогнула и обернулась к Косте. На лице ее была полная растерянность. Как будто он разбудил ее...

— Евгения Петровна Зотова, — ответила женщина и с некоторой неприязнью посмотрела на Санникова.

— Вы что-то сказали о тех людях, которые долгие годы препятствовали вашей встрече. Что это за люди?

— Это женщина из нашего круга, которая предала нас всех. Благодаря ей и ее дружку, который действовал с ней заодно, мы все оказались в тюрьме, а они избежали всякого наказания. Подозреваю, что они с самого начала были завербованы. Скажи, Лариса, ты никогда не встречалась с женщиной по имени Марина Вишнякова?

Евгения Петровна так и впилась в лицо Ларисы.

— Нет, — ответила та. — Кажется, нет. По крайней мере вот так сразу не могу припомнить...

— Впрочем, эта женщина могла попасться на твоём пути совсем под другим именем. Но в любом случае, ты должна знать, что она — твой заклятый враг.

— Почему? — удивилась Лариса. — Что я ей сделала?

Евгения Петровна недобро рассмеялась:

— Конечно ничего, дитя мое. Она ненавидит меня и твоего отца. И пока жива, вряд ли оставит нас в покое. Когда-то она была влюблена в него... А ты ненавистна ей уже как порождение нашей любви.

Добавить к ее словам немного горячности, пафоса или скрежетания зубного — и Костя принял бы все за чистую монету. Но слова были такими же пресными, как и те, что она произносила раньше.

— Мне кажется, — снова вмешался Костя, — что с Ларисой в последнее время происходят странные вещи. Как будто ее кто-то преследует...

— Ты преувеличиваешь, — нахмурилась Лариса.

— Тебе немедленно нужно переехать, — заявила Евгения Петровна, вставая. — Они нашли тебя. Да и, в конце концов, не пристало тебе жить в чужом доме, когда у тебя есть собственная квартира.

Евгения Петровна подошла к буфету.

— Вот, — протянула она Ларисе ключ и записку. — Это ключ от твоей квартиры и адрес. Мы с твоим отцом будем жить отдельно... По крайней мере, пока ты не привыкнешь к мысли о том, что у тебя есть родители.

Разговор, похоже, подошел к концу. Потому что Евгения Петровна явно ждала, что они откланяются.

Санников проворонил тот момент, когда, проводив их до двери, Евгения Петровна пропустила его вперед и взяла Ларису за руку.

— Подгоните машину, Константин. Лариса сейчас вас догонит.

К счастью, она задержала Ларису ненадолго. Не успел Костя включить зажигание и прогреть мотор, Лариса открыла дверцу и устроилась рядом.

Евгения Петровна смотрела на белую «копейку», увозящую Ларису, пока машина не скрылась из вида. Тогда она снова села в кресло, вытянула из пачки длинную дамскую сигарету, прикурила и словно оцепенела. Она сидела совершенно неподвижно, взгляд ее погас, и только мелкие морщинки на лбу выдавали в этой пожилой женщине и жизнь, и работу мысли.

В соседней комнате зазвонил телефон. Евгения Петровна вздрогнула. Пепел упал на пол. Она сломала сигарету пополам, бросила в пепельницу и медленно поднялась. В соседней комнате, как и предполагал Костя, не теплилось и искры жизни. Сваленную в беспорядке старую утварь покрывал толстый слой пыли, а по углам свисали кружева паутины. На колченогом стуле лежал маленький мобильный телефон. Евгения Петровна взяла его в руки, точно хотела задушить маленькое звенящее создание:

— Да, уехали. Не знаю, поверила ли она... Я здесь продрогла. Пришли за мной машину...

— Что она тебе сказала? — спросил Костя, отъезжая.

— Сказала, что оставаться в доме тети очень опасно. Меня могут убить.

— Мне кажется...

— Костя, давай сначала уедем отсюда. Мне здесь не по себе...

Было около десяти вечера, и редкие кафе еще не закрылись. Санникову не терпелось услышать мнение Ларисы о Евгении Петровне (язык не поворачивался назвать ее «мамой»), и он предложил посидеть где-нибудь, выпить кофе и поговорить. Но Лариса напомнила, что дома у нее больной ребенок, и Костя вспомнил, что так и не выяснил, откуда он взялся. Мальчишке было лет двенадцать, и Лариса никак не могла быть его мамой.

— Лариса, а кто этот мальчик? — спросил Костя, собравшись с духом.

Лариса с грустью рассказала ему историю Пети.

— Удивительно, что ты до сих пор не усыновила всех бездомных детей, старух и собак.

Лариса от души рассмеялась.

— У меня просто дома места нет, — сказала она. — Да и квартира все-таки тетина. А так... Собаки у меня в больнице во дворе живут. Их там не обижают и подкармливают. Двух точно я притащила. Одну из-под машины достала, у другой хозяйка умерла, не оставлять же было... И бабушки у меня тоже есть. Пять человек — целый список. Правда, две из них — дедушки. Ездил по вызову и зацепилась. Теперь ношу продукты им раз в неделю, лекарства покупаю и что-то вроде семейного врача у них на общественных началах.

Косте показалось, что Лариса готова говорить о чем угодно, только не о странной женщине в пустом загородном доме.

— Когда я сажусь в машину рядом с водителем и мы выезжаем по вызову, единственное, чего я боюсь, так это — опоздать. Это самый большой мой страх, — начала она.

— Случалось опаздывать?

— Нет, пока Бог миловал. Но в нашем детском доме случился пожар. Меня успели

спасти. А остальных — нет. Приехали, конечно, но поздно! Они не виноваты. Им сообщили поздно. Я знаю, как это бывает. Но когда мне было семнадцать, я страдала и ругала врачей. Я думала, что они могли бы почувствовать, что кто-то погибает. Как будто у них есть шестое чувство, — Лариса горько усмехнулась. — И еще... Все они там, в детском, были мне семьей. И я не уверена, что сейчас у меня может появиться какая-то другая семья. Какая-то... *мама...*

Она говорила все тише и тише и, в конце концов, совсем замолчала.

До дома они доехали молча. Собеседником каждого оставался только начавшийся дождь.

Лариса повернула ключ в замке и замерла в нерешительности. Санников опередил ее и четко, как перед парадом, возвестил Петру, что они вернулись. Получить второй раз табуреткой ему не хотелось.

Но Петька даже не встал с постели. Лариса пощупала его лоб. Температура, похоже, упала, и мальчика сморил сон. Да такой крепкий — хоть в барабаны бей. Санников потянул Ларису на кухню и спросил, когда она в последний раз ела. Оказалось — вчера вечером, вместе с ним. В холодильнике при этом у нее — шаром покати, лишь в дальнем углу завалялась маленькая пачка пельменей. Костя поставил кипятиться воду и сел напротив Ларисы. Он уже приготовился было задать вопросы, мучившие его всю дорогу, как она неожиданно выпалила:

— Мне кажется, это не она.

— Ты о чем?

— То есть я думаю, что Евгения Петровна мне никакая не мама.

— Почему?

— Она мне не понравилась. И я ей — тоже.

— Ну, родителей не выбирают. Может быть, она просто не умеет выражать свои чувства? Знаешь, таких людей много. По крайней мере в консультации у меня — навалом.

— Нет. Свою маму я бы узнала.

— Как?

— Сердце бы подсказало. — Лариса прижала руку к груди.

— Как же ты могла бы ее узнать, если, судя по ее рассказу, вы с ней и месяца вместе не провели?

— Костя, это не она! Она как сказала: «Я твоя мама», — у меня внутри словно что-то ответило ей: «Нет!» Костя, ты только, пожалуйста, не смейся, ладно? Мне кажется, что я что-то знала о своих родителях. В детстве. Только когда выросла — забыла.

— Такие вещи, я имею в виду, если ты действительно знала и забыла, можно вспомнить под гипнозом. Помнишь, у меня дома ты смотрела специальное устройство для гипноза? Как ты его тогда назвала?

— «Кружилкой».

— Вот-вот. И говорила, что кто-то с тобой играл... Мне кажется, тебя в детстве гипнотизировали.

— Оставь ты, ради бога. Кто гипнотизировал? Марта? Делать ей больше было нечего! Она как белка в колесе крутилась, чтобы у нас были продукты, одежда, хорошие учителя. Неужели ты думаешь... Нет, это просто немыслимо.

— Тогда зайдем с другой стороны. Скажи: зачем этой женщине тебя обманывать? Это что, так почетно — быть твоей матерью? Или это принесет ей какие-то материальные блага?

Что ей с этого обмана?

— Костя, — сказала Лариса тихо, — мне страшно. У меня нехорошее предчувствие...

Дождь на улице, будто услышав ее, припустился вовсю хлестать окно длинными мокрыми плетями.

— Костя, — спросила Лариса, — ты не оставишь меня?

За это он готов был простить ей все! Он готов был быть для нее «отдушиной», временным утешением или чем иным по ее выбору. Лишь бы услышать хоть раз еще что-нибудь подобное. Да, был какой-то Саша Малахов, да, она его любила. У него тоже была Марина, и он даже собирался на ней жениться. А вот встретил Ларису и... Костя зажмурился: ему на мгновение показалось, что они с Ларисой прожили уже много-много лет, сидят вечером на своей кухне и она спрашивает его...

— Конечно нет, — ответил он, улыбаясь. — Я тебя никогда не оставлю.

Но тут же спохватился:

— Лариса! Мне ведь сегодня нужно машину вернуть. Так что, выходит, предстоит тебя бросить. Но зато завтра... Ты завтра работаешь?

— Да.

— Значит — после работы я к тебе заеду. Может быть, до завтра голова прояснится.

— Хорошо.

Лариса проводила Костю до двери. Закрывает замок на два оборота и вернулась на кухню. Полночь давно миновала, а она все сидела, поджав ноги, а рядом стояла тарелка с остывшими пельменями...

Вернувшись из леса около полудня, Борис застал странную картину: на поляне перед домом, скрестив ноги, сидел Петраков. Глаза его были широко раскрыты, взгляд устремлен вперед, Бориса он даже не заметил. Он, похоже, вообще ничего не видел вокруг, не слышал и не чувствовал.

«Опять эти их штучки-дрючки», — решил Борис и звать Петракова не стал, хотя в таком странном состоянии его никогда не видел. Сегодня он поймал кролика и немного повозился с ним, снимая шкурку и разделявая. Но при этом никак не мог отделаться от мысли, что с Петраковым что-то не так. Он бросил тушку в большую кастрюлю, поднялся было, чтобы выйти, посмотреть еще раз, но, поднявшись, столкнулся с Петраковым нос к носу и едва не закричал. Тот стоял над ним и смотрел на него теми же невидящими широко раскрытыми глазами.

— Кончай, — отмахнулся от него Боря. — Двинешься с тобой!

Но Петраков не шевелился и не отвечал. Он был похож на восковую куклу, замершую в причудливом положении. Шея его была неестественно изогнута, пальцы рук замысловато скрючены, ноги слегка полусогнуты. И смотрел он теперь не на Бориса, а на то место, где Борис только что сидел.

— Мать твою, — выругался Борис и прибавил бы, наверно, еще что-нибудь более смачное, но Петраков вдруг повернулся как на шарнирах в сторону двери, сделал несколько шагов, наклонился и снова замер.

Под его ногами Борис увидел лист из альбома. Он знал, что с такими листами друзья не расстаются, малюют на них что-то вроде нелепых значков и пытаются найти то ли какую-то букву, то ли заклинание, он не вдавался. Что-то там такое у него вышло, что совсем малый тронулся? Борис поднял лист и... словно окунулся в него. «Э, нет, — подумал он, отрывая взгляд от бумаги.

У меня с этими ребятами тоже, кажется, скоро крыша слетит!» Внутренний голос отчаянно вопил ему, чтобы он оставил лист в покое, чтобы не прикасался и, не дай бог, больше не заглядывал в этот колодец, куда норовит утащить какой-то леший. Но только что испытанное ощущение чуда — его словно засосало в центр листа, а потом вытолкнуло обратно — неодолимо влекло испытать его еще раз. Смесь ужаса, смертельного страха и необыкновенной какой-то сладости и восторга, едва коснувшись, правда, сознания, будоражили Бориса — любителя острых ощущений. Таких чувств он не испытывал даже на краю пропасти или на отвесной стене, глядя вниз с высоты птичьего полета. Не за этим ли чувством он гнался всю жизнь, испытывая судьбу? А оно, оказалось, умещается на одном-единственном листочке из альбома! Борис не послушался здравого смысла. Он снова взглянул на листок. И на этот раз его уже не отпустило...

* * *

Данила проснулся в сумерках с ощущением абсолютного счастья. Ему не нужно было вспоминать, что с ним случилось вчера. Любой человек — раздвоен, знает он об этом или нет, хочет этого или нет. То, что он называет умом, — сознание. Его дневное светило. Оно

восходит и правит, когда человек бодрствует. А как только засыпает, власть захватывает его дикий двойник — подсознание. Его тень, ночная, темная сторона его сущности: не обузданная социальными законами, животнo-сладострастная, жестокая, безумная. Она не знает, что такое грех. Она готова красть, убивать и лгать только для того, чтобы выжить; прелюбодействовать и заниматься чревоугодием только потому, что это доставляет ей минутную сладость. Но она же наделена необыкновенной мудростью — знать о человеке гораздо больше его самого.

Сознание и подсознание объединились. То, что знало одно, знало и другое. Словно связь между ними установилась прямая и прочная. Данила улыбнулся и спрыгнул с кровати. С любовью посмотрел на альбом. «Этой ночью, — сказал он себе. — Этой ночью».

Он не нашел Петракова на нижней кровати, но это не показалось ему странным. Не было еще случая, чтобы Данила просыпался раньше него. А вот то, что Борис еще не управился с ужином, было удивительно. Данила разглядел наполовину освежеванную тушку в котле. Что же так увлекло его, что он...

Вдруг его кольнуло нехорошее предчувствие. Он подошел к столу, раскрыл папку, в которой хранил альбомные листы, перевернул все, чтобы убедиться... Вчерашнего рисунка не было! Он выбежал из дома и на поляне увидел Петракова.

Стоило только взглянуть на того, чтобы понять — разговаривать с ним бесполезно. Он был похож на отключенную машину. Все на месте — а смысл ушел. Глаза его были пустыми, в них светилось одно только безграничное удивление и горечь. Листка возле него не было, а значит, нужно было искать Бориса. Пойти он мог куда угодно. Но если заглянул в листок, то обязательно пойдет на то место, куда его всегда манило...

Был один утес недалеко от озера. Борис показывал его им не раз. Утес был даже не вертикальным, он нависал под углом приблизительно в шестьдесят градусов. А на самом вершине — ровная площадка. Борис смотрел на утес с вожделием, но каждый раз здравый смысл удерживал его от того, чтобы попробовать добраться до площадки. Такой эксперимент действительно был опасен, к тому же у подножия утеса лежали огромные валуны, угрожающе ощерившись острыми краями.

Данила добрался до утеса перед самым заходом солнца, когда его край, как медовый пирог, еще торчал над горизонтом. Но позади уже зажглись первые бледные звезды, а с другой стороны над лесом сгущалась чернильная синь надвигающейся ночи.

Борис стоял наверху, на площадке, подняв руки. В тот момент, когда Данила выбрался из леса и разглядел его, он испустил крик, похожий то ли на победный клич, то ли на вопль сумасшедшего. Данила замер. В высоко поднятых руках Бориса в последних солнечных лучах поблескивало что-то белое. Значит, он тоже...

То, что произошло дальше, Данила не забудет до конца своих дней. Борис встал на край площадки, раскинул руки, словно птица, и... Он словно взлетел сначала вверх, и у Данилы затеплилась сумасшедшая надежда... Но потом рухнул вниз так стремительно, что, когда звук глухого удара долетел до Данилы, его разум все еще отказывался верить в произошедшее...

Он не сразу справился с собой. Пока солнце не скользнуло за горизонт, он стоял в оцепенении. Мысль о том, чтобы пойти к Борису, была невыносима. Но еще более невыносимой была мысль, что он виноват...

Борис лежал на камнях лицом вверх. И камни вокруг были забрызганы кровью. Не белый альбомный лист, лежащий возле самой его головы рисунком вниз, оставался

девственно-чистым. Ни одна капля крови не коснулась его, словно он был заколдован.

Данила поднял бумагу. Руки его дрожали. Он боялся теперь даже мельком взглянуть на нее. В полной темноте ему пришлось возвращаться назад, к дому. Первым делом он спрятал лист в папку и положил ее под тюфяк, на котором спал. Петраков стоял неподвижно у двери, словно часовой, но по-прежнему не шевелился.

* * *

Данила похоронил Бориса у самого подножия утеса. «Так вот, — думал он, — каково на самом деле *подножие Твое!* Я искал счастья и радости, а нашел лишь смерть и безумие! И все это сотворил я, и я один во всем виноват...» Он глотал слезы, засыпая своего веселого друга землей. За тот час, что он работал лопатой, слезы выжгли его сердце, и он не скупился на проклятия *Тому*, кто, по его убеждению, мог бы быть гораздо менее жесток.

Вернувшись домой, он попытался отвести Петракова в дом. Но тот, похоже, не мог самостоятельно двигаться. Тогда Данила поднял его на руки и отнес на кровать. Петраков так и не пошевелился — лежал в неестественной позе: с поднятыми руками и скрюченными пальцами. Ноги его по-прежнему были полусогнуты. Глаза погасли. Если утром в них стояло безумие, то теперь светилась лишь пустота. Безумие опустошило его душу. В ней не осталось ничего. Петраков в одночасье постарел. Его седеющие волосы сделались совсем белыми. «Но он, по крайней мере, жив, — подумал Данила. — И я нужен ему».

В тот день ему казалось, что он теперь всю жизнь проживет здесь в лесной избушке, рядом с сумасшедшим другом, который столько лет был его наставником. Он должен искупить свой грех, и это искупление затянется на долгие годы. Только смерть станет последним шагом в этом искуплении.

Данила вышел на поляну и развел костер. Он должен был немедленно спалить рисунок. Нет никакого имени Бога. Есть только дьявол, который сует свой нос в дела человеческие. Человек слаб и глуп. Когда ему кажется, что он поднимается к небу и прислушивается к Его голосу, он всего лишь спускается к собственной Тени и беседует с дьяволом.

Языки пламени рвались вверх, к небу, сухие поленья трещали так громко, что заглушали дребезжание осколков его разбитого сердца.

Этот ключ — в никуда. Он сожжет, уничтожит его. Чтобы никто больше никогда не пострадал.

Огонь призывно гудел, но Данила медлил. Все, к чему он стремился так долго, все, чему радовался, все, чего боялся, рухнуло за сегодняшний день. Произошел обвал. Впереди зияла бесцельная пустота. Дорога брала начало у его ног, и он мог пойти на все четыре стороны, но что толку коптить бездушное небо, если нет цели, если нет смысла, а главное — веры.

Костер догорел к середине ночи.

Данила не сжег лист.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он оставил его себе, как безнадежно больной припасает яд на тот случай, когда больше не в силах будет выносить страданий, причиненных болезнью. Если Петраков погибнет, *знак* станет последним шагом на пути искупления. Он покончит с собой таким образом.

На следующий день Данила поднялся ни свет ни заря. Петракова в доме не было, и у него затеплилась надежда... Но стоило ему выйти, как надежда тут же обратилась в ничто.

Петраков сидел, прислонившись спиной к березе, и пустыми глазами смотрел на пепелище.

Данила сварил кашу и попытался покормить друга. Он уговаривал, заталкивал ложку тому в рот, он кричал, топал ногами и плакал как ребенок, но каша только стекала изо рта Петракова, а взгляд оставался пустым и безжизненным.

Данила упал на траву и завыл. Без еды Петраков умрет через несколько дней, и он ничего не сможет сделать, как только смотреть на медленную смерть своего наставника. Но ведь должен же быть какой-нибудь выход! Он не вынесет еще одной смерти!

Взвалив Петракова на плечи, Данила прошел что-то около километра, когда понял: ему не осилить дорогу. Он был худым и роста небольшого. Петраков был тяжелее него в два раза. Даниле пришлось вернуться в дом и принести старое одеяло. Еще два километра он тащил друга волоком по земле, поминутно останавливаясь, чтобы передохнуть. У реки Шалы он устроился на ночлег. Ногу Петракова продел в петлю, а другой конец веревки обмотал вокруг пояса. Не хватало еще, чтобы он пропал куда-нибудь утром. До ближайшей деревни нужно было пройти еще километров десять. А завтра с утра — переправиться через реку. Сегодня ему это было уже не под силу...

Три дня, выбиваясь из сил, он тащил Петракова по лесу. Ел кору с деревьев, ягоды, грибы, которые попадались крайне редко: лето было жарким, без дождей. В деревню он отправился один, привязав на всякий случай Петракова к дереву. Время от времени тот словно оживал, перемещался куда-нибудь, менял позу и снова застывал как кукла, у которой кончился завод.

Он отыскал что-то вроде местной больницы. Большой бревенчатый дом был украшен красным крестом. Понаблюдав немного. Из дома вышел мужичок с перевязанной платком челюстью. Значит, он не ошибся. Еще через полчаса из дома вышел мужчина — статный, подтянутый, веселый. Огляделся по сторонам, сел на крыльцо и закурил. Он выкурил две папиросы, когда из-за угла соседнего дома показалась женщина — высокая, тонкая, в очках. По плечам рассыпались рыжие вьющиеся волосы. «Мелким бесом» вьющиеся — сказала бы его тетушка.

Мужчина улыбнулся ей. Они о чем-то немного поговорили. Потом из-под крыльца он достал кусок старой мешковины, развязал его, достал что-то и снова, завязав, положил под крыльцо. Да еще соломы сверху набросал. Мужчина закрыл дверь на ключ и вскочил на лошадь, помогая женщине устроиться сзади. Она крепко обхватила его за талию и прижалась щекой к спине. «Значит, на ночь здесь никто не остается», — обрадовался Данила.

Дождавшись когда стемнеет и в ближайших домах погаснут последние огни, он подтащил Петракова к дому, вытащил деревянную доску, которой было забито одно из задних окон. Втолкнуть Петракова в узкое окно оказалось задачей нелегкой. Три раза у него ничего не получалось, пока он не догадался прислонить его снизу к стене, влезть наверх и тянуть уже из дома.

Данила волновался. Собаки в соседних домах заливались лаем. Не ровен час выйдет кто-нибудь посмотреть — на кого они так ополчились. Он уложил Петракова на кушетку, стоящую рядом со шкафчиком с медикаментами, и сел рядом. Завтра Петракова непременно найдут и обязательно спасут. Он когда-то слышал, что, если человек не может сам есть, ему делают специальные уколы, которые заменяют пищу. Познания Данилы в медицине были ничтожными, но к медикам он всегда относился с трепетом: верил в их всемогущество. Петраков будет жить. Пусть вот так — как растение — бессмысленно и безмозгло. Пусть пока так. Может, потом, через некоторое время, он и придет в себя.

Голод сказался неожиданно, скрутив его приступом острой боли под ложечкой. Пора было заканчивать и уносить ноги. Завтра утром, когда Петракова найдут, кто-нибудь из местных обязательно вспомнит, что похож он на одного из ребят, которые приехали сюда отдыхать и считались пропавшими в горах. Чего доброго, снова начнутся поиски. Тогда ему придется искать новое укрытие...

Он осторожно выбрался из окна, пристроил доску так, чтобы Петраков не смог ее ненароком выбить и выбраться. Проклятушие собаки снова завыли и затаивали со всех концов, а одна, вынырнув из темноты, принялась кружиться вокруг него с громким лаем. Он и руками на нее махал, и палкой кинул, и подзвать пытался — тывкала как заведенная, не обращая внимания на все его потуги.

Пробираясь мимо крыльца, Данила вспомнил, что мужчина давеча что-то прятал под крыльцом. Не посмотреть ли? Вдруг пригодится. Он сунул руку вниз и нашарил под ступеньками мешковину. Дрожащими руками развязал. Мысль была одна, хотя и безумная, конечно: может, что-то съестное. Но в мешковине оказалась только сухая трава. Он тщательно мял ее пальцами, надеясь, что в ней что-то спрятано. Но ничего не нашел. Тогда он решил, что трава, должно быть, целебная и, может быть, ее нужно хранить в прохладном месте, потому-то доктор и не держит ее в душевой избе. А раз целебная, нужно отсыпать себе немного. Или даже опробовать прямо сейчас — в желудке от голода жгло как огнем.

Данила попробовал траву на вкус. Оказалось — ничего, не противная. Он пошел к лесу, на ходу доставая из кармана щепотки травы, и долго жевал каждую порцию. Во-первых — тоже пища. Ведь едят лошади траву — и ничего. Во-вторых, он скоро заметил, что спазмы в желудке прошли и напряженные мышцы расслабились, отчего его охватило несказанное удовольствие. Он возвращался сквозь ночь размашистым шагом, пока путь его лежал по полю, испытывая потрясающий прилив сил. Он забыл про усталость и голод, а сердце его стучало ровно, ритмично и гулко, как барабан.

«Раз-два, раз-два», — повторил он за ним вслух и осекся. С чего бы ему разговаривать с самим собой? Даня попытался припомнить, чего так опасался всего несколько минут назад, отчего так страдал. И не мог припомнить. То есть умом понимал, что опасался людей, но не мог понять почему; соображал, что страдал от того, что остался один, но теперь его это совсем не печалило. Он размашисто двигал руками и, исполненный радостной какой-то отваги, шел напрямик через лес, обдирая одежду о невидимые сучья. Ему хотелось смеяться и петь, и он шел, смеялся и орал песню во всю глотку...

* * *

Утро он встретил мокрым от росы и окоченевшим от холода. В голове упорно кружили лишь глупые обрывки вчерашних песен. Он поднялся, и тут же зашевелился соседний куст. Тощая пегая собака выбралась оттуда и залилась радостным лаем. Тогда-то он и вспомнил все: вчерашний жуткий день и свой безумный поход, который он предпринял поздно ночью, продираясь через непроходимые заросли в неизвестном направлении.

Данила огляделся и прислушался. Место было незнакомым. Но вдали шумела река, он был почти уверен, что слышит ее. Швырнув в собаку палкой, он отправился на голос воды.

До реки он добрался достаточно быстро. Пегий пес перебежками следовал за ним, поджимая хвост. Едва Даня оборачивался, пес кидался к кустам и скалил оттуда зубы.

Подходить ближе он явно не был настроен, но и не отставал от Данилы.

Пить хотелось до одурения. Он долго не мог оторваться от воды. Пес с явным удовольствием лакал воду неподалеку. Река была все та же — Шала — но, где он теперь находится, Данила так и не понял. Ветра не было, но на мгновение ему послышался шорох. Он быстро шмыгнул в заросли кустарника и затих. Через секунду пес лег рядом.

К реке спустилась молодая женщина. Красивая. И, похоже, не здешняя. Здешние не шляют бесцельно по лесу. К реке — так с бельем, в лес — так с корзиной. А эта шла улыбаясь без всякой цели и шурилась на солнце. Даниил крался за ней долго, пока она не ступила на широкую открытую поляну. Вдали показался большой одинокий дом. Вокруг дома — небольшой низкий забор. Кажется — огород. Пожалуй, это для него выход. Вот только нужно дождаться темноты...

Делая по дороге заметки, чтобы снова не заблудиться, Данила вернулся к реке. Очень хотелось искупаться. Он скинул с себя одежду, доплыл до середины и оттуда вдали увидел знакомый утес, нависающий над лесом. Если идти вдоль реки, можно обернуться за несколько часов. Данила выбрался на берег, оделся и пошел к дому. Пес шел теперь рядом, и хвост калачом лежал на его спине...

В доме пес обнюхал все углы, отыскал тушку кролика в котле, впился в нее зубами и зарычал, не рискуя, однако, вытащить. Данила только махнул рукой, и пес со знанием дела принялся грызть протухшее мясо. Запах в доме стоял невыносимый, и Данила, прихватив альбом, выбрался на поляну. От вчерашней безумной ночной радости не осталось следа. Напротив, все краски дня словно потускнели, а на сердце давила невыносимая тоска. Странная трава, размокшая и разбухшая, все еще лежала у него в кармане. Попробовать, что ли, еще? В животе урчало и горело, словно кипятка туда плеснули. Но пугало, что трава отнимала разум. Так и до утеса недалеко. Данила вспомнил вчерашний полет Бориса и застонал. Теперь он остался совсем один. Без всякой цели. С ноющим и не проходящим чувством вины.

Вернуться назад, в Москву, к тетке? Даже думать смешно. Посадят. А учитывая его биографию... Времена, конечно, изменились, но как знать. Как можно быть уверенным в чем-то, когда даже *Он* так обманул его. Да и как бы он стал жить в Москве? Пошел бы работать на завод инженером? Пил бы вечерами с сослуживцами? Обзавелся бы семьей... Какая бессмыслица!

Нет. Никуда он не поедет. Он разделит судьбу своих товарищей. Прямо сейчас!

Данила рассыпал по земле альбомные листы. Все они легли рисунками вверх, за исключением одного. Вот он! Данила перевернул лист и впился в него глазами...

* * *

Прошла, быть может, минута, но ничего не случилось. Данила занервничал, и в ту же минуту ему показалось, что *имя* — знак, изображенный на листе, втягивает его в себя, причем настолько сильно, что Данила в ужасе отшатнулся и перевернул лист.

Сердце ухало как филин ночью. Чтобы вернуться к реальности, он посмотрел вокруг. С внешним миром ничего не произошло, деревья стояли на своих местах, дом тоже. Только пес вышел на крыльцо и терзал свою добычу.

Данила вспомнил про девушку, встреченную утром у реки, про огород с капустой и

морковью, где можно было утолить голод. Ему не хотелось умирать. И превращаться в неподвижного истукана, как Петраков, тоже не хотелось.

Но он был должен. Должен — своим товарищам и своей совести. Должен — своей глупой находке, выведенной на листе бумаги так уверенно и красиво, словно его рукой действительно водил кто-то другой. «Кто-то бесчеловечно жестокий», — подумал Данила, вспоминая вытаращенные глаза Петракова.

Он несколько раз глубоко вздохнул, чтобы успокоиться, торжественно, как и надлежит смертнику, взял листок и положил на колени. Вот оно. *Имя* Бога — как думал он еще вчера. А сегодня...

Петраков рассказывал, что, если найти его, удастся творить любые чудеса. От одного взгляда на него больные станут выздоравливать, лежащие много лет в параличе встанут и пустятся в пляс, страждущие утешатся, обретя покой и счастье, можно будет повелевать любыми явлениями природы... Красивая сказка! Настолько красивая, что ради нее он отказался от всего, примчался на Алтай и целый год проводил в ночных бдениях. Но теперь — кончено... Если даже это и *имя*, то оно убивает и сводит с ума. Вот и все, что оно умеет...

Данила провалился в рисунок как в пропасть.

Все повторилось. Все, что он чувствовал несколько дней назад, когда добрался наконец до *Подножия*. Сначала — пустота и безмолвие. Потом — боль, пронзающая каждую клеточку тела. И — страх. Но теперь уже не такой отчетливый. Пережив настоящий ужас за последние несколько дней, Данила растерял добрую половину своих страхов. А в конце — хаос. Как последнее испытание. Разложение до молекулы, до атома, до того, что зовется «ничто». И — ясное и отчетливое проявление *Его* воли, *Его* начала. Смысл. Глубочайший смысл во всем. В отблесках солнечных лучей, во вспененной чередке несущихся по небу облаков.

То, что показалось ему в прошлый раз раем, оказалось теперь землей. Рай — это земля, наполненная смыслом. *Его* смыслом.

Еще мгновение — и Данилу вытолкнуло назад точно пробку. Он восторженно смотрел перед собой, не в силах еще оторваться от своего видения, не замечая, что на лес спустились синие сумерки, а пес, давно справившийся со своей добычей, пристроился рядом и лижет его руку...

Данила сидел и ждал. Может быть, именно сейчас одолеет его безумие? Влезет, может быть, на крышу дома или вон на то дерево и бросится головой вниз? Но время шло, а никаких безумных желаний у него не появлялось. Тогда, может быть, он больше не способен шевелиться, может быть, его тело отказалось подчиняться его воле? Он встал и прошелся по поляне. Чтобы окончательно убедиться, подавал сам себе команды: «направо», «налево», «стой!». Поворачивал направо и налево, останавливался.

Нет, истуканом, как Петраков, он не стал, и кидаться вниз головой с утеса у него желания не появилось. Тогда что же? Что-то ведь явно должно было с ним произойти. Но — что? Он стал прислушиваться к себе. Чувство голода больше не беспокоило. Усталость как рукой сняло. Но второе-то, конечно, понятно, он весь день отдыхал. Тогда Данила прислушался к своей душе. Как там чувство вины? Горечи? Одиночества? Но в душе звенела чистая и торжественная нота причастности к чему-то высшему, не поддающемуся описанию.

Вечер стоял теплый, из тех, когда и лист на дереве не шелохнется. «Проверить», — подтолкнуло его что-то изнутри.

— Ветер! — сказал Данила тихо.

Ближайший к нему куст прогнулся, зашелестел листьями, перебирая воздух ветвями. И — замер. Остальные деревья остались неподвижны.

«Ветер!» — приказал Данила на этот раз мысленно, обернувшись в другую сторону. Березу качнуло, и она пошла полоскать свои ветки то вправо, то влево.

Он не испытал удивления от случившегося. Он словно знал, что так и должно быть. И еще он с горечью понял главное...

Имя не дано постичь каждому. Оно производит на людей самое разное действие. Нужно носить в себе *нечто*, чтобы принять его. Только Данила не мог сказать, что именно. Однако твердо знал теперь: Он благосклонен не к каждому. Он может быть жесток. Он может лишить разума. Но во всем этом есть смысл, так же как он был во всем его сегодняшнем видении. И то, что человеку не дано постичь этого смысла, ничего абсолютно не значит. Не нужно стремиться постичь непостижимое. Нужно только не противоречить Его смыслу. Научиться только чувствовать, где человеческое выступает против Него...

* * *

Марта замолчала, улыбаясь своим собственным мыслям. Казалось, она даже забыла о своей болезни, пока рассказывала. А Нина Анисимовна, конечно, забыла дать ей лекарство. Сбегав на кухню за водой и таблетками, Нина Анисимовна поставила будильник на пять часов вечера: именно в это время Николай Иванович предписал Марте третью таблетку.

Но долго корить она себя не стала, потому что было не до того. Где-то там в алтайском лесу стоял человек, который был ей интересен сейчас больше всего на свете.

— Это все он вам рассказал? — торопливо спросила она Марту.

— Да, — ответила та. — Не сразу. Не в один присест, как я вам. Мы были знакомы с ним после довольно долго и, — она едва заметно запнулась, — довольно близко.

— И вы... верили ему? Поверили сразу? Это ведь так странно все: какой-то знак на

листе, смерть и сумасшествие. Может быть, это были одни только слова?

Марта задумалась. Потом, вероятно припомнив что-то, опять улыбнулась.

— Когда мы встретились в лесу в следующий раз... Нет, — она тихо засмеялась. — Я лучше расскажу все по порядку. Этого в дневниках вы не найдете.

— Почему?

— Мне тогда не хотелось об этом писать. А потом... — Марта вздохнула. — Потом уже было ни к чему. Я никому об этом никогда не рассказывала...

* * *

В тот день, когда ей было так плохо и не с кем было поделиться своей болью, она отправилась в лес. С детской надеждой, что если тот человек, который за ней ходит, действительно бандит, то пусть он убьет ее. Ей этого почти хотелось.

Наверно, это первое желание любого человека, который узнает, что его предал любимый, — умереть. Конечно, он в этот момент почти не отдает себе отчета в том, что навлекает на себя, но боль его так сильна, что смерть кажется единственным естественным выходом. Потому что что-то уже разрушено внутри, любовь ранена — и страшно, что она умрет, а ты останешься жить в пустоте. Отсюда и мысли о смерти...

Она спустилась к реке и села у большого валуна, опустив ноги в воду. Через мгновение Данила появился рядом. Марта посмотрела на него с отчаянием, и он спросил:

— Ты уже знаешь?

* * *

Он знал о них практически все. Он ведь тогда все-таки вернулся к их огороду, выдрал с корнем самый большой кочан капусты, накопал картошки. Света в доме не было, а потому он решил, что все давно легли спать. Но тут он услышал, что из дома доносятся странные звуки: не то песня, не то... Он подкрался к самому окну и заглянул внутрь. В комнате вокруг огарка свечи сидело несколько человек. Глаза их были закрыты. Они раскачивались, повторяя нараспев какие-то бессмысленные звуки. Похоже было на молитву. Только Данила никогда не слышал таких странных молитв. Среди них он увидел девушку, которую встречал уже однажды, и снова залюбовался ею. Отсвет огня падал на ее лицо, и оно казалось несказанно одухотворенным и нежным. Такие лица бывают, наверно, только у ангелов.

«Что же это за люди такие, — думал Данила, — и что они здесь делают? Явно они не местные. Но и на геологов вроде тоже не похожи. К тому же геологи никогда не станут читать молитв на ночь. Он геологов встречал. Выпьют — да, на гитаре могут сыграть. Но чтобы во так раскачиваться и петь...»

Он стал рассматривать других участников этого ночного бдения и тут же узнал женщину, садившуюся на лошадь вместе с доктором. А потом заметил и его самого... Они сидели порознь. Доктор — с красивой девушкой. А рыжая — с худым долговязым типом, вроде бы главным здесь.

Данила вернулся за своей картошкой и долго возился, укладывая ее в старую рубашку Петракова, которую догадался захватить с собой. Ему не очень-то хотелось возвращаться в

свой пустой одинокий дом. Почему бы не пристроиться к этим людям? Не пожить рядом с ними? Кажется, они живут коммуной, а значит, их дом должен быть открыт для постояльцев. А что? Представиться им тем же геологом, отставшим от партии и повредившим ногу. Попроситься на несколько дней, пока не выздоровеет окончательно. Одна только проблема — та молоденькая женщина уже видела его в лесу, и, кажется, он напугал ее.

Пока он предавался мечтам, дверь дома неожиданно отворилась, и ему пришлось отползая за угол недостроенной баньки, чтобы, не дай бог, не попасться. Из дома вышел мужчина. В свете луны Данила видел его достаточно хорошо. Это был доктор. Через несколько минут его окликнули:

— Андрей!

Но вышла не рыжая, а другая, та, из леса.

Она села рядом с ним, и мужчина по-хозяйски обнял ее.

— Устал? — спросила женщина.

— Да. И здорово. У меня сегодня случилось ЧП... Ты бы шла спать, Марта. У тебя глаза уже слипаются.

— Ну могу я посидеть немного с мужем? — обиженно спросила Марта. — Расскажи мне, что там у тебя случилось. Мне интересно.

— Прихожу в медчасть, а там тип один... Совершенно сумасшедший. Тяжелый случай кататонии. Главное, как он туда попал — абсолютно непонятно. Явно его туда кто-то доставил...

Данила затаил дыхание, прислушиваясь к их разговору.

— И что ты с ним будешь делать? — спросила Марта. — Ты ведь не психиатр.

— В район отправили. Там должны разобраться. И знаешь, похоже, это один из тех альпинистов, про которых здесь легенды ходят. Помнишь, Маша рассказывала?

Марта помолчала.

— А ты уверен, что он сумасшедший?

— На сто процентов. А что тебя смущает?

«Сейчас расскажет о нашей встрече в лесу», — догадался Данила. Но Марта почему-то так ничего и не сказала.

— Спокойной ночи. — Она поцеловала мужа в щеку. — Спать хочется ужасно, ты прав. Даже язык заплетается.

— Беги, — он подтолкнул ее к дому.

«А сам — что? Всю ночь здесь собрался сидеть?» — мучился Данила. Хорошо еще пса догадался с собой не брать. Пришлось привязать бедолагу в доме к кровати, несмотря на то что он огрызался и тявкал. Вот сейчас бы лай поднял на всю округу!

Пока луна стояла высоко, Данила собирался добраться до дома. Он уже достаточно продрог, да и есть снова захотелось. Но не хрустеть же здесь капустными листьями! А этот Андрей, похоже, любитель ночевать на свежем воздухе.

Прошло около получаса, когда дверь дома снова бесшумно открылась и к Андрею вышла другая женщина. Но на этот раз — рыжая, с которой он видел его около больницы. Она подошла к нему сзади и положила руки на плечи.

— Все спят? — спросил он, не поворачивая головы.

— Конечно, — промурлыкала она, массируя ему плечи. — Я сегодня каждому двойную порцию подлила...

— Дура! — вскочил мужчина. — Я же говорил — по пол-ложки и ни граммом больше!

Отравить их хочешь?

На лице женщины отразилась мученическая гримаса.

— Я бы и отравила, коли бы ты приказал. Глазом бы даже не моргнула.

Она снова вплотную подошла к мужчине, но коснуться его больше не смела.

— Что, снова жажда обуяла? — спросил мужчина высокомерно. — А не отправить ли тебя на боковую сегодня без сладкого?

Женщина замотала головой.

— Я прошу тебя, — тихо прошептала она.

— Разве я так учил тебя просить?

— Я...

— Вот, когда научишься, тогда и приходи. А теперь — спокойной ночи.

— Нет, — вскрикнула она и медленно опустилась на колени, обвив его ноги руками. — Я прошу тебя!

Андрей грубо оттолкнул ее коленом, и она упала на спину.

— Иди за мной! — приказал он и, не оглядываясь, направился в сторону бани.

Заметавшись, Данила нырнул за поленницу дров и вжался в стену.

— Держи, — насмешливо сказал Андрей. — Только не глотай сразу, жуй как можно дольше. Так она лучше действует.

Данила дал бы многое за то, чтобы не видеть и не слышать, что происходило дальше. Но деться ему было некуда.

Назвать это странное свидание встречей двух любовников было невозможно. Андрей заставлял женщину, которую даже ни разу не удосужился назвать по имени, проделывать такие вещи, о которых Данила и понятия не имел. Она повизгивала порой как поросенок, стонала, плакала, хохотала. В общем, вела себя как безумная. Данила вспомнил ту «целебную» траву, которую он нашел у доктора, и кое-что начал понимать... Поначалу-то он думал, что такое странное действие оказало на него вовсе не снадобье, а перенесенные ужасы последних дней. Но теперь, вслушиваясь в странные выкрики женщины, сравнивал их со своими реакциями. Он краем уха что-то слышал про наркотики, но ему и в голову не приходило, как они выглядят, а тем более — как действуют.

Андрей показался ему страшным. Он упивался своей властью над женщиной. Именно власть, а не что другое доставляла ему несказанное удовольствие. Все остальное было только приложением. Он бессердечно использовал ее, проводя какой-то одному ему понятный эксперимент.

Данила несколько раз закрывал глаза и проваливался в сон, а потом просыпался от очередного громкого вскрика. Наконец, двигаться они перестали. Повисла тишина, прерываемая только их тяжелым дыханием.

— Завтра приведешь ко мне Машу, — сказал мужчина закуривая.

Женщина еще, похоже, не пришла в себя окончательно, а потому не сразу отреагировала на то, что услышала.

— Нет! — воскликнула она.

И тут же раздался звук хлесткой пощечины.

— Нет, — протянула она на этот раз жалобно. — Маша не пойдет... Ты ведь знаешь, какая она. Уж лучше Галину...

— Хорошо. Пусть так. И отправляй поскорее своего супруга в Ленинград. Он мне

все карты путает. Вот, когда его не будет, мы и развернемся...

— Но как же Леша? Да и Дмитрий, я думаю...

— Димка слишком слаб, чтобы сопротивляться мне. А что касается Лешки — посмотрим...

— Я случайно прочла телеграмму, которую ты получил вчера...

— Это тебя не касается, — отрезал Андрей.

— У тебя неприятности там, в Ленинграде, да? — совсем тихо спросила женщина.

— С чего ты взяла?

— Там было сказано, что арестовали какого-то Борового.

— Так это у него неприятности, — усмехнулся Андрей.

— Нет, — вкрадчиво заметила женщина, — у тебя... Ты ведь не собирался с нами ехать, прибежал в последний момент с одним портфелем. Я ведь не такая идиотка, как твоя жена, чтобы считать, что ты помчался вслед за нами от большой любви к ней. Вероятно, тебе пришлось бежать...

— Забудь, — отрезал Андрей. — Это старые дела. Надеюсь, все обойдется.

— А если нет?

— Тогда не знаю...

— А я знаю!

И она забормотала что-то про «черного альпиниста». Что здесь, в горах, такие случаи — не редкость. О том, что можно воспользоваться чужим паспортом, если с этим человеком приключится несчастье. Уехать куда-нибудь подальше, где его никто не знает...

— Нам пора, — оборвал ее мужчина. — Ты несешь вздор.

Даниле не понравилось, как он это сказал. Не было в голосе уверенности. Андрей не стал дожидаться, пока его спутница оденется. Он пошел к дому.

— Значит, я угадала, — прошептала женщина, глядя ему вслед. — Значит, не вздор!

Наконец Данила смог выбраться. До дома он добрался, когда по небу, качаясь, как лодки, поплыли розовые облака.

Пес встретил его на полдороге радостным лаем. На шее болтался обрывок веревки... Лист капусты, который Данила протянул ему скорее шутки ради, пес принял с ликованием...

* * *

И вот, через несколько дней, Даниле выпал случай повстречаться с Мартой.

— Ты уже знаешь?

Он спросил так, будто все понимал. И смотрел так, будто сочувствует ей.

— Да, — ответила она.

Ей вовсе не хотелось уточнять, о том ли он ее спрашивает. Действительно, если он давно околачивается вокруг их дома, то, вероятно, знает многое, что и ей неизвестно.

— Не переживай. Он тебя не стоит.

Марта раздосадованно передернула плечами. Только заплакать ей сейчас не хватало.

— Он у вас теперь главный?

— Да.

— Будьте осторожны! Они могут натворить много...

— Да кто ты такой? — воскликнула вдруг Марта. — Андрей — прекрасный человек. И у

него — настоящий дар. Он умеет говорить шлюдьми, он просто завораживает их. Это не обычное обаяние, нет. Это свыше...

— Нет у него никакого дара, — тихо ответил Данила.

— Что ты понимаешь, — махнула Марта рукой.

И тогда Данила достал из кармана огарок свечи.

— Держи, — сунул он ее Марте.

— Зачем?

Данила чиркнул спичкой, зажег свечу. День был безветренным, и пламя стояло ровным высоким столбиком. Данила отошел от Марты шагов на тридцать.

— Горит? — крикнул он оттуда.

— Ну горит, — безучастно сказала Марта самой себе.

— Погасни, — приказал Данила, и огонь исчез.

Марта смотрела на свечу, не веря своим глазам.

«Это какой-то фокус! Так не бывает», — думала она. А когда подняла глаза, Данилы на берегу не было. Она опустила свечу в карман, и ей почему-то стало легче. Ей хотелось спросить его о многом. Например, как его зовут и откуда он. Жаль только, не успела. «Но ведь он обязательно придет сюда завтра», — сказал ей внутренний голос. И, успокоенная, она пошла домой. Все на свете может оказаться непрочным и ненадежным, но он обязательно придет завтра...

На следующий день они встретились на том же месте. И Данила рассказал ей о себе...

* * *

На этот раз рассказ Марты прервал звонок в дверь. Она побледнела и посмотрел на Нину Анисимовну.

— Я загляну в глазок, — пообещала та и с большими предосторожностями на цыпочках вышла в коридор.

Перед дверью топтался Николай Иванович.

— Ну, как вы без меня?

Он на ходу скинул плащ и заглянул в комнату, где лежала Марта. Потом резко обернулся к Нине Анисимовне.

— Нина, — сказал он строго, — судя по тому, как блестят твои глаза, я догадываюсь, что вы тут уже несколько часов болтаете!

Нина Анисимовна виновато улыбнулась. Николай Иванович прикрыл дверь и тихо, чтобы Марта не слышала, зашипел:

— Ты с ума сошла! Ей же нельзя! Скажи еще спасибо, что она пришла в себя! В твоём возрасте уже пора бы понимать, что, если человек заговорил, это еще не значит, что он пошел на поправку. Ты хоть о моих предписаниях не забыла?

Тут раздался звон будильника, и Нина Анисимовна ответила:

— Вот. У нас все по часам.

— Хорошо, теперь иди домой. Выспись хорошенько, и до завтрашнего утра чтобы я тебя не видел здесь. А то ее на ноги поставим, а ты свалишься.

Нина Анисимовна попыталась войти в комнату вслед за Николаем Ивановичем, но он не пустил:

— Иди домой, — произнес он грозно.

Вышло ужасно смешно. Но Нина Анисимовна сдержала улыбку и медленно стала собираться. Первым делом она положила в сумку дневники Марты, которые весь день прижимала к груди. Обернула шарф вокруг шеи, надела плащ и долго возилась с туфлями.

— Нина, — позвал Николай Иванович, — она там что-то хочет...

Марта лежала откинувшись на подушки, бледная, с запавшими глазами.

— Я поговорила с доктором, — сказала она тихо. — Он ничего не гарантирует. Вдруг я не успею... Я прошу вас, помогите детям.

— Вашему сыну? — не поняла Нина Анисимовна. — Вадику?

Марта покачала головой и прикрыла глаза. Они проговорили целый день, но только теперь Нина Анисимовна заметила, насколько это утомило Марту.

— Дети, которые родились у нас там... Вы еще немного почитаете и поймете... Они теперь беззащитны. Но найти их непросто. После того пожара... Я пыталась. Но знак только, где живет Лариса. Запомните: Лариса Белова.

Марта продиктовала адрес и заставила Нину Анисимовну трижды повторить его.

— Скажите ей: «ТСОНСАПО». И пусть она разыщет остальных и передаст им.

— Это что, по-японски? — удивилась Нина Анисимовна.

— И еще, — Марта не ответила ей, очевидно, каждое слово давалось ей теперь с большим трудом. — В шкафчике на кухне есть одна дверца, которая закрывается на ключ. Там деньги...

Паузы становились все длиннее. Переводя дыхание, Марта закрывала глаза, и Нина Анисимовна боялась, что она их больше не откроет.

— ...половину отдайте Ларисе. Это ее. А вторая половина — для Леша... Скажите ей она поймет. О нем некому позаботиться...

— Так! Это когда-нибудь кончится? — влетел в комнату рассерженный долгим ожиданием Николай Иванович.

Но, едва взглянув на Марту, он махнул Нине Анисимовне рукой, чтобы поскорее уходила, и достал прибор для измерения давления.

— Нет, я все-таки избавлюсь от тебя сегодня! — сказал он, закатывая глаза к потолку, взял Нину Анисимовну под руку и вывел из квартиры. — Домой!

И дверь захлопнулась.

Оставшуюся часть дня Нина Анисимовна провела за дневниками. Теперь она не просто читала про чужую личную жизнь, она была сопричастна тайне. Правда, тайна, как только она оказалась на улице, показалась ей маленькой и не совсем настоящей. На улице сновали машины; нагруженные сумками, возвращались с работы озабоченные женщины; мужчины пили пиво на ходу с такой жадностью, словно делали это не каждый вечер, а в первый и последний раз. Питерская жизнь шла своим чередом, и никому не было дела до маленького клочка бумаги с удивительным знаком, от которого люди сходят с ума или становятся волшебниками. Но, вернувшись домой и задернув шторы, Нина Анисимовна снова почувствовала неодолимое влечение к Алтайским горам, где чудеса соседствуют с трагедиями так тесно, что трудно отличить их друг от друга.

(дата)

Основная мысль, которую Сеня пытался довести до нашего сознания, проста: мы с ним будем общаться на расстоянии. Я даже отыскала кое-что у Рериха на эту тему:

«Каждый может наполнить пространство полезными связями. Даже в древности общинножители после известного срока расходились временно. Такая протянутая флюидическая сеть имеет огромное спасительное значение. Нужно не только посылать мысль, но и психическую энергию на большие расстояния. Древние называли такую флюидическую сеть тканью Матери Мира».

Может быть, Сеня и прав... Но как бы там ни было, он собрался и уехал. Он долго мучился, считая, что бросает нас на произвол судьбы. Смешно, право. Относится к нам как к малым детям. Перед отъездом весь вечер просидели, записывая его ценные указания, наставления и советы. Провожать его поехал один Андрей. Женя, сославшись на головную боль, осталась дома. Не прошло и трех дней, как место Сени занял Андрей. Не знаю уж, как ему удалось... Честно говоря, я не замечала в нем раньше никаких черт лидера. Считала обыкновенной рабочей лошадкой, из тех, что тянут общую упряжку. Наверно, потому, что сама такая. Ан нет...

После этого отношения внутри кружка обострились. Особенно — между мужчинами. Лешка ни с кем не говорит, но мне кажется, спроси его относительно нынешней роли Андрея как Сениного заместителя, и он просто взорвется. Единственное, что его сдерживает, так это надежда на скорейшее возвращение Сени...

(дата)

Сегодня женя получила письмо от Сени. Давала его читать всем нам по очереди, чтобы каждый мог убедиться... Произошло невероятное, вместо того чтобы уволиться с работы и вернуться к нам, Сеня взялся читать курс лекций для старшекурсников и все письмо расписывает прелести своего взаимопонимания с учениками. Ни слова о возвращении.

Галя ударилась было в панику, но Андрей отвел ее в сторонку и недолго о чем-то с ней говорил. Она вернулась к нам спокойная и веселая. Мне это не понравилось, но кого нынче здесь интересует мое мнение? Мой муж теперь всеобщий любимец, и мне даже не с кем

поговорить о нем. Даже Маша уклоняется от таких разговоров, чем он их всех приворожил?

(дата)

Прошла неделя, прежде чем я взялась описывать события, которые потрясли нас всех. Мне казалось, что теперь я смогу, но, похоже, я переоценила свои возможности. Как можно описать то, что случилось?!

Это произошло в прошлую пятницу. Обычный день. Никаких предчувствий — вот что самое ужасное. Беда страшна своей неожиданностью...

В середине дня Леша пошел ловить рыбу. Он долго не возвращался, но мы не придали этому значения: такое случалось. Но Женя и Андрей вернулись с работы, и мы ждали его еще некоторое время, не решаясь ужинать. Кажется, женя пошутила насчет того, что дурной пример Сени заразителен и, может быть, Лешка тоже решил отправиться в Ленинград. После ужина, когда совсем стемнело, все занервничали. Андрей и Дима приказали нам запереться в доме и отправились на поиски Лешки. Вернулись они довольно скоро — бледные, перепуганные и перемазанные грязью. У Димки зуб на зуб не попадал. То, что сказал Андрей, до сих пор не укладывается у меня в голове. «Лешки больше нет», я бы никогда не поверила в такое, если бы не увидела собственными глазами...

Ребята побежали к реке, а я осталась дома, потому что боялась оставить одного спящего Вадю. Маша рассказывала потом, что он лежал внизу, на берегу, у самой воды, среди камней с разбитой головой и неестественно вывернутой левой рукой. Тело было совсем холодным. Они принесли его в дом, положили на его кровать, и мы долго потом сидели вокруг, не смея поднять глаз друг на друга.

Андрей опомнился первым и устроил настоящее дознание, спрашивая каждого из нас, кто видел Алексея последним, кто говорил с ним и не замечали ли мы в лесу подозрительных людей. Последний вопрос застал меня врасплох. Я покраснела до корней волос. Хорошо еще, что было темно и этого никто не заметил.

Я хотела признаться... Ведь смерть Лешки была насильственной, я должна была признаться. Но словно ветерок пробежал по моим рукам, и пламя свечи, которую я держала в руке, едва не погасло. И я поняла: Данила где-то рядом. Он не мог. Это неправда. Я промолчала и мучилась своим отступничеством. В конце концов я решила, что смогу сказать о Даниле Андрею после, наедине.

Он запретил нам даже думать о милиции, если мы все не хотим попасть за решетку. Если хотим жить... Все подавленно молчали, понимая его правоту. Он первым взялся за лопату, встряхнул Дмитрия, и они оба ушли в лес рыть могилу.

О цветах никто не подумал. Только Галя. Наверно, Лешка ей все-таки нравился. Он так смешно ухаживал за ней в Ленинграде. Она не забыла. И теперь вот робко положила на землю букетик желтых полевых цветов.

Андрей поднял букет и швырнул в сторону. «Дура, — сказал он ей. — Может быть, еще памятник поставим, чтобы все знали...» Действительно, цветы — это неосмотрительно. Ведь даже холмика могильного нет. Землю утрамбовали, чтобы никаких следов, нам всем угрожает опасность быть привлеченными. Слово «расстрел» впервые вызывает у меня тошноту, как если бы относилось непосредственно ко мне. Но все-таки Андрей был непростительно груб. Разве так можно? Но он переволновался за нас, я понимаю. Он ведь

был на работе вместе с Женей, поэтому, если что, им-то как раз ничего не грозит.

В эту ночь я не смогла уснуть. Я сидела на кровати и думала о том, что Лешка теперь лежит в земле. Страх перед смертью, перед той, которая придет за каждым из нас и каждого уложит в глухую могилу, парализовал мою душу.

Я вышла к Андрею на крыльцо. Он курил одну папиросу за другой. Я положила ему голову на плечо и только тогда заметила, что его колотит почти также, как и меня.

— Что бы мы без тебя делали? — всхлипывая, сказала я. — Даже не знаю, что бы мы делали...

Он порывисто обнял меня и прижал к себе. Мы так давно не были близки с ним, что, несмотря на все ужасы прошедшего дня, я почувствовала вдруг безумное влечение к нему. Мы целовались как сумасшедшие, вопреки нашему уставу, впервые за те месяцы, что провели на Алтае.

Эта близость не имела ничего общего с любовью или нежностью. Эта ночь не походила ни на одну из тех ночей, которые мы провели вместе в Ленинграде в нашей общей спальне, неистовство страсти, которую я внезапно испытала, имеет лишь одно оправдание: смерть была так ужасна, что мне любой ценой нужно было утвердиться в этой жизни, доказать самой себе, что я жива.

То, что он изменяет мне с Женей, не имело больше никакого значения. (Не будь он моим мужем, меня вряд ли остановило бы и это обстоятельство.) Я была ранена страхом, и кровь хлестала из раны. Средства в таких случаях не выбирают. А Андрей был средством, способным дать мне возможность выжить... Меня поймет лишь тот, кто закопал близкого человека в лесу, а потом затапывал землю, чувствуя под ногами его лицо, его руки, его глаза... чтобы никто никогда не явился сюда прочесть над ним молитву...

Страсть моя и вполнину осталась неудовлетворенной и еще долго туманила мне голову. Но потом я пришла в себя и стала прислушиваться к тому, что уже давно говорит мне Андрей.

Он говорил, что теперь мы должны держаться все вместе и слушаться его беспрекословно. Он сумеет избавить нас от наказания... Он так и сказал: наказание. Будто мы все виноваты в смерти Лешки. Это меня покорило, и я бросила что-то насчет людей, разгуливающих в лесу. Я не хотела рассказывать ему. Но он вцепился в меня мертвой хваткой и заставил рассказать все с самого начала, я рассказывала и плакала, потому что он после каждого моего слова обнимал меня и стонал: «Девочка моя родная, разве можно быть такой неосторожной! Ведь на месте Лешки могла бы быть ты...» И я почти поверила ему в тот момент...

Он запретил мне уходить далеко от дома и следующим же вечером привез из деревни охотничье ружье. Димке было велено не спускать с нас глаз, пока не выяснится, бродит ли еще в лесу убийца.

(дата)

Вечера наши проходят все так же. Мы садимся в круг и повторяем за Андреем нараспев слова молитвы. Машиа теперь вместе с Галиной легко входят в состояние транса, но, глядя на них, мне не кажется, что это свойство имеет какое-то отношение к возвышению духа, похоже, это действительно такое свойство психики. Теперь я с Андреем согласна. Я во многом с ним согласна, за исключением, может быть, одного. И это очень

важно. Мне нужно проверить...

(дата)

Осень словно холодной водой окатила нас. Все замерзли и простыли. Все-таки горожане не приспособлены к жизни на земле. Здешние дети, как рассказывает Женя, до сих пор бегают босиком и даже насморка не знают. Вот что значит привычка.

В середине дня я сказала Дмитрию, что хочу пойти прогуляться. Обещала далеко не уходить и быть на виду. Но не будет же он караулить меня у окна весь день. Выйдя на поляну, я села на пенек под деревом и просидела там довольно долго, пока силуэт Димы не прекратил мелькать в окне. Тогда я поднялась и быстро припустилась к лесу.

Данила вышел мне навстречу. Он ждал меня.

— Он убил его. Я видел, — это были его первые слова.

Данила рассказывал, но я не могла поверить, я все больше и больше подозревала его. Этот лихорадочный блеск, да и странный он очень...

— Тебе нужно бежать от них, — сказал он.

Почему от них? Он говорил таким тоном, будто все они заодно.

— Если не хочешь погибнуть, уходи, я буду ждать тебя каждый день здесь же.

Я вернулась домой в полном смятении. Никого не хотелось видеть. Но деться было некуда, разве что пойти к Галине, помочь ей с огородом. Картошку мы уже выкопали, оставалось только немного зелени, но Галя по привычке, быть может, проводила в огороде по полдня. Я вышла к ней и спросила, не нужно ли помочь... От моего вопроса она расплакалась. Долго мне пришлось ее успокаивать, говорить ей ласковые слова. От каждого моего слова она заливалась слезами все больше.

Я жалела ее, не понимая, что именно моя жалость и вызывает такой поток слез. Мне казалось, что она плачет по Лешке...

— Прости меня, Марта, — сквозь рыдания, наконец, выдавила Галина, оторвавшись от меня, но сцепившись в мои руки мертвой хваткой.

Кажется, она даже пыталась поцеловать мне руку.

— Ты такая добрая, такая чистая, ты меня жалеешь, вместо того чтобы пристрелить...

— Галя, опомнись, что ты, Галя? — приговаривала я, пытаюсь высвободить руки, но она не отпускала.

Она держала меня на расстоянии и смотрела в глаза:

— Я сплю с Андреем, марта! Очнись! Мы все с ним спим!

— Что ты такое несешь? Ты с ума сошла...

Я не договорила, потому что заглянула в глаза Гале и поняла, что она не врет. Галю трясло. Заговорив, она уже не могла остановиться:

— Он людоед, марта! Он нас всех привязал к себе намертво. Он съел наши души. Ты что, ослепла?

Она притянула меня к себе и зашептала:

— Он и Лешку кончил. Лешка застукал нас с ним ночью, и они страшно разругались. Даже драться начали. Лешка сказал, что Сеня был человеком, а Андрей — дерьмо собачье. И еще, что уедет... Я уверена, что это он его... Как раз на следующий день дело было...

Значит, Данила не обманул. И Галя про то же...

— Мне, наверно, лучше уехать, — сказала я, чувствуя себя полной идиоткой. — Галя, давай уедем!

— Э-эх. — Она снова заплакала. — Я беременная. Куда мне теперь?

Это было выше моих сил. Нужно было собираться и немедленно бежать отсюда. Я попыталась вырвать руки, но Галя опять не отпустила.

— И не думай бежать. Поймает — убьет. Лешку убил и тебя не пожалеет. Ему теперь терять нечего.

— Нужно рассказать Диме, Маше, нас ведь много!

— Боже, до чего ты слепая! Я среди вас себя всегда дуручкой чувствовала, когда вы о философии рассуждали. Но по жизни выходит, ты дуручка еще почище меня! Димка — уж не знаю, что он там с ним сделал, — Андрею теперь заместо пса цепного. Он же с тебя глаз не спускает в последнее время, заметила? А Машка в том же положении, что и я...

— Эй, что вы там не поделили? — раздался неожиданно Димин голос.

Он шел к нам из дома, поигрывая ружьем. Я взглянула на него и поняла вдруг: все, что говорила Галя, — чистая правда. Глаза у него были холодные, он остановился неподалеку, выжидая.

Я не сумела ему ответить. Где-то за моей спиной замкнулся круг, и в голове от этого помутилось. Кажется, я побежала, и Дима вроде бы кинулся сначала к Галине, а потом — за мной. Помню только грохот собственного сердца и гул ветра в ушах. Дороги я не разбирала. Куда и сколько бежала — не помню совсем. Очнулась, лишь когда упала у реки и никак не могла отдышаться, потому что душили рыдания. Я редела в голос, цепляясь за ползучую траву, вырывая ее с корнем, ломая ногти. Но и на это сил скоро не осталось. Я лежала на берегу, на спине, и небо смотрело мне в лицо с насмешкой.

Данила долго не решался подойти ко мне. Он понимал, что мне все равно нужно пережить это самой. Я даже не удивилась, когда увидела его рядом. И вот тогда он наконец рассказал мне все.

А знал он многое. Обрывки подслушанных разговоров его не удовлетворили. Он несколько раз по ночам забирался в больницу, перебирал бумаги Андрея, просматривал его почту. Творилось что-то не только противозаконное, но и страшное. Нечто такое, что невозможно остановить. Черная волна поднималась и набирала силу...

Я слушала Данилу, и казалось, слезы мои никогда не высохнут...

Выходило так, что еще в Ленинграде Андрей попал в неприятную историю. Как врач-анестезиолог, он имел доступ к сильнодействующим наркотическим веществам. Кто-то обратился к нему, ссылаясь на больного раком родственника, разжалобил и выцыганил несколько упаковок какого-то препарата. Естественно — за приличное вознаграждение, но потом выяснилось, что никакого больного не существует, а есть только группа людей, использующих наркотики в своих целях. Андрей оказался повязан и, сделав первый шаг, вынужден был сделать второй и третий.

Препараты, которые он доставал, хранились в специальном сейфе и подлежали обязательной регистрации и учету. Ключ от сейфа был у его коллеги, и, когда обнаружилась пропажа, его тут же посадили. Андрей был в панике. Несколько недель по клинике разгуливали люди в штатском, присматривались к персоналу, вызывали то одного, то другого для беседы.

Поездка на Алтай, которую задумали его сумасшедшие соседи, оказалась как нельзя кстати.

Он подал заявление об увольнении под предлогом переезда в другой город и получил свободу за несколько часов до того, как оказался на вокзале. Домой он заходить не стал. Люди в штатском могли оказаться и там. К чему рисковать?

За месяц он успокоился, а устроившись на работу, сообщил свои координаты приятелю и тут же получил от него телеграмму о том, что посадили еще и их главврача.

Сеня с его болтовней об очищении мира через очищение души его забавлял, но он не мог понять, почему его бредовые идеи производят на ребят такое впечатление. Он имел над ними непонятную власть, и Андрей попытался разобраться в идее, с которой здесь все носились, некое просветление. Ну что ж... Просветление — это дело техники. А точнее — химии, с которой Андрей хорошо был знаком. На работе в старенькой лаборатории он сварганил из подручных средств снадобье, которое приводило к «просветлению» моментально, без лишних усилий и глупых разговоров...

Женя была первой, на ком он испытал его действие, но поскольку она была влюблена в него как кошка еще с Ленинграда и только и ждала момента, когда Андрей обратит на нее внимание, то и подействовал на нее препарат соответствующим образом. Потеряв всякое достоинство, Женя ползала у него в ногах, грех было не воспользоваться женской слабостью...

— Он страшный человек, — говорил Данила. — Он упивается властью над ними. И знаешь, ему уже тесен ваш кружок. Он им не ограничится... возле сельской больницы в последнее время трутся странные личности. Один из них вечером запирает дверь и всю ночь стережет.

— Что?

— Могу только догадываться...

— Почему же я ничего не замечала?

— Во-первых, ты — жена. А значит, и так принадлежишь ему. Зачем тебя запугивать, заставлять? У вас сын, куда же ты денешься?

— Но я не могу в этом участвовать! Я должна уехать! Сейчас же...

Я вскочила на ноги и готова была бежать обратно, но Данила удержал меня. Смотрел он грустно.

— Того парня... не знаю, как его зовут. Он убил его не потому, что между ними накануне произошла ссора. Он убил его, чтобы повязать вас всех. Если ты решишь вернуться в Ленинград, даже если я помогу тебе бежать, они просто свалят это убийство на тебя.

— Кто они? неужели ты думаешь, что Маша или Галя...

— Они сделают то, что он велит.

— Но я должна уехать, — закричала я ему. — Понимаешь, должна! И должна забрать Вадика!

— Боюсь, что ничего не выйдет.

— Ты соображаешь, что говоришь!?

Данила прыгнул ко мне и резко дернул в сторону зарослей кустарника. Через минуту в нескольких метрах от нас прошли два человека с двустволками.

— Не найти нам его, — бурчал один. — Я все ноги стер.

— Молчи, — с азартом отвечал второй, — ведь должна же быть у него где-то берлога...

Мы поднялись не скоро.

— Они ищут меня, — сказал Данила. — Ты рассказала ему, да?

— Так получилось, — пролепетала я, вспомнив обстоятельства своего рассказа. — Но при чем здесь эти люди, и зачем им ты?

— Ты рассказала про знак.

— Андрей не верит в такую чепуху.

— Не верил. До вчерашнего дня. Пока мы не встретились...

* * *

...Тип, шатающийся вокруг дома, да еще пристающий с разговорами к Марте, не давал ему покоя. Если бы кто-то из местных, он бы махнул рукой. Но парень был из Москвы, а значит, его не обведешь вокруг пальца, как здешних. Да и что ему нужно от Марты?

Андрей пропадал в лесу вот уже несколько вечеров. Ружье висело у него за плечом, рукой он придерживал ствол, чтобы было сподручнее вскинуть в любую минуту. «Сказочник» — так он называл его. Заморочил Марте голову глупыми историями. Бога он видел! — до такого и Сенечка не додумался. И Господь оставил ему на бумажке автограф, взглянув на который, люди сходят с ума.

Андрей зло смеялся, но помнил о реальном человеке, неизвестно как оказавшемся в запертой больнице. Он действительно был совсем плох. Только вряд ли крыша у него поехала от того, что взглянул на какую-то там бумажку. Скорее от чего-то другого.

Данила крался за Андреем по пятам. Двигался между деревьев бесшумно, словно тень. Подвела обычная на вид ветка. Он наступил на нее — она вздрогнула и дернулась. Данила отскочил от змеи, а когда поднял глаза, увидел два черных отверстия, направленных прямо ему в голову.

— Привет, — весело сказал Андрей. — Так вот, значит, кто пугает наших женщин.

Несколько минут они молча смотрели друг другу в глаза. Данила не понравился Андрею. Несмотря на то что физической силой Бог его явно обделил, смотрел он на Андрея как сильный — на слабого. И смотрел так, будто делает это по праву.

Андрей усмехнулся: забавный малый. Сейчас посмотрим, кто кого. Опустил ружье, потянулся к Даниле, улыбаясь почти по-дружески, резко схватил за руку и заломил назад. Это было так легко, да Андрей и не сомневался, что он вдвое сильнее паренька...

И тут что-то случилось. Андрей успел только почувствовать нереальность происходящего. А дальше... Данила стоял от него далеко. Он не прятался, не бежал. Просто стоял и смотрел. Ружье, отброшенное на несколько шагов, оказалось без патронов. Андрей остолбенел. Ноги стали ватными. Он едва смог дойти до ружья. Андрей медленно вставил другие патроны. В чудеса он не верил. Любая нечисть гибнет от пули — знал наверняка. Быстро вскинул ружье, прицелился и выстрелил. Выстрелил еще и еще. Данила не шелохнулся. Смотрел все так же, но Андрею во взгляде почудилось сожаление... А потом развернулся, шагнул за дерево и пропал, как в воду канул. Андрей искал долго, сдаваться не хотел. Вспоминал рассказ Марты — каждое словечко. Ему нужен был тот кусок бумаги со странным знаком, про который она толковала. До зарезу был нужен...

(дата)

Даже не знаю — где я. Вокруг — горы, внизу — узкое бездонное ущелье с гремящим потоком. От одного взгляда вниз кружится голова и сосет под ложечкой. Я сижу на самом краю, но еще не там, не на дне его, наверно, потому, что не лишилась последней надежды.

Вчера, дождавшись, пока Андрей с Женей уедут, а Маши с Галей займутся огородом, мы с Данилой пробрались к дому. Он говорил, что сумеет отвлечь Диму и даст мне возможность потихоньку увести Вадика. Умолял плюнуть на вещи, взять лишь то, что будет под рукой. Я бы, конечно, так и сделала, но вышло по-другому...

Едва завидев меня, Вадик попятился назад и замахал руками.

— Иди скорее к маме, солнышко мое, — шептала я. — Скорее.

— Я останусь с папой, — сказал он вдруг дрожащим голосом, и мне показалось, что он очень чем-то напуган.

— Ты ведь мамин сынок. Как же ты будешь без мамы? — говорила я ласково, не совсем еще понимая, что происходит, и подбирая по пути к нему его кофточку, теплые штанишки и курточку. — Ну же, иди скорее!

Вадик отступал и отступал от меня назад, пока не уперся в стену. И тогда он закричал. И я тут же услышала, как метнулся с крыльца в дом Дима.

— Сама пришла! Здорово! Не нужно будет бегать по лесу. — Он смотрел на меня с отвращением.

Похоже, здесь уже решили мою судьбу. Я выпрямилась, взяла за руку Вадю и потащила к двери. Он упирался, господи, с такой силой упирался, словно я тащила его на эшафот. Упирался и кричал, в проеме двери я заметила белое как мел лицо Маши и плачущую Галю, закрывшую рот ладонями.

— Отпусти ребенка, — приказал Дима. — Он никуда не пойдет. Он будет ждать отца.

— Да, папу, — всхлипывал Вадя. — Папу, папу...

В отчаянии я выпустила его руку и хотела выйти, но Димка преградил мне путь.

— Даже не думай. Тебе тоже придется...

Закончить он не успел, потому что я кинулась на него и вцепилась ногтями в лицо...

Пришла в себя уже здесь. Помню, конечно, как мы с Данилой долго бежали вдоль реки, помню, как я плакала у подножия гор, как хотела вернуться назад.

От того, чтобы ступить вниз и позабыть весь этот кошмар, в который превратилась моя жизнь, меня удерживает надежда. В конце концов, никто не в силах разлучить меня с сыном навсегда. Все произошло слишком неожиданно.

Он просто испугался.

Пройдет несколько дней, он успокоится. И я повторю свою попытку. Обязательно повторю!

Выслушивая на консультации своих пациентов, Санников быстро схватывал суть ситуации и почти сразу же находил довольно простой выход. Но он отдавал себе отчет, что видит этот выход только потому, что не является участником событий: не связан предвзятым отношением, не опутан эмоциональными связями, не роется в кладовых памяти. Теперь же он сам стал участником странных событий и выхода не видел. Хотя, скорее всего, выход как всегда был прост, нужно только отрешиться от личных переживаний, подняться над ситуацией или взглянуть на нее под другим углом. Только вот как? Ему не удавалось представить Ларису обычной клиенткой. Она была для него одной-единственной...

Оставив машину на стоянке, он шел к Василию и понимал, что совсем не хочет, чтобы Малахова оправдали.

Конечно, он был за справедливость и не желал никому зла, но, если сейчас Василий скажет ему, что Малахова отпустили по каким-то причинам, ему, Санникову, будет очень плохо. Потому что Малахов почти наверняка встретится с Ларисой. И тогда он, а не Санников, станет заниматься ее проблемами с летучими мышами и фальшивыми родителями. А Косте этого совсем бы не хотелось...

Василий стоял на пороге сонный, в полосатом халате и шлепанцах.

— Я уж не надеялся, — бросил он, забирая у Кости ключи.

— Как там наш общий друг?

— Малахов? Он-то молчит. А вот с дочкой мы сегодня полдня бились.

— И что?

— Знает что-то, но не говорит, стерва. Глазенки злые бегают. И все повторяет: «А при чем тут я?» Знаешь, такая, из самых вредных.

— Вредная?

— Ой, самый неприятный тип! Вся такая модная, в побрякушках. Скажи ей, что завтра в моде будут зеленые волосы, она сегодня вечером перекрасится. Чего только на себя не нацепила: и кольцо с брильянтом, и фенечки дешевые из бисера, и татуировки... Сплошная эклектика. И в голове у нее такая же каша...

— Ты сказал — татуировки? — Санников перестал дышать.

— Ага. Декольте до пупа, поэтому я и заметил. Явно для мальчиков сделано, не для меня.

— И что это было?

— Гадость какая-то на плече цветная, не разобрал. Крыло и морда противная.

— Летучая мышь? — уточнил Санников.

— Очень может быть. — Василий сразу насторожился. — Ты знаком с дочкой Малахова? — перешел он на официальный тон.

— Нет.

Санников погрузился в свои мысли.

— Слушай, Костя, не темни! Неужели ты не понимаешь, как это важно?!

— Для меня это тоже важно. Так что...

— Даже не думай! Никакой самодеятельности!

Костя удивленно поднял брови. Похоже, он перегнул с серьезностью.

— Ничего такого, не волнуйся. Будут новости — позвоню. Пока.

Отец терпеливо дожидался его возвращения. Костя разогрел ужин и виновато вошел к Николаю Петровичу.

— Пап, я совсем совесть потерял, извини. Больше не буду отлучаться надолго.

— Отлучайся сколько нужно, — быстро бросил отец. — Но только... Рассказывай мне, старику, хоть что-нибудь... А то телевизор — это такая скукота.

— У Ларисы родители нашлись, — жуя, сообщил Костя.

— Да ну? — Отец даже ложку бросил. — И ты так спокойно об этом говоришь?! Она, наверно, без ума от радости!

— Не-а...

И Костя рассказал Николаю Петровичу о посещении загородного домика. Выслушав, отец засыпал Костю вопросами. Но, похоже, его ответы не внесли ясности...

— Ничего не понимаю, — развел руками Николай Петрович.

— Вот и мы тоже. Я обещал помочь Ларисе разобраться во всем этом.

— Конечно, — с пониманием поддержал отец, — ты просто обязан ей помочь...

Поговорив еще немного с отцом и позабавив его рассказом о том, как Петя шарахнул его табуреткой, Санников нехотя поплелся мыть посуду. Мысли его сейчас были далеки от кухни. Роль, отведенная ему случаем в ситуации с Малаховым, нравилась Косте все меньше и меньше. Конечно, было бы до чертиков благородно, если бы он сумел что-то сделать для Малахова и вернуть его Ларисе. Однако в этой ситуации рассчитывать на благодарность не приходилось. Костя представлял как Малахов — небритый, с печальными, словно у оленя, глазами — выходит на свободу, приезжает к Ларисе, и она... А что она? Бросается ему на шею, конечно. Что же еще? От этих мыслей ужин казался безвкусным, чай — холодным, хлеб — черствым.

В постели Санников ворочался долго. Что может скрывать дочка Малахова? Папа, мама и мамин ухажер — сколько раз ему приходилось сталкиваться на консультациях с подобным. Хорошо, папы нет, он в другом городе. Остаются мама, дочка и мамин мужчина. Что может случиться?

Костя подпрыгнул и сел в кровати. Он знал, что случается в таких ситуациях. Дочка очень похожа на мать. Но она свежее и моложе. Одним словом — все то же самое, но без признаков увядания. Боже мой! Последний шар лег в лузу, и вся игра была как на ладони. «Он настоящий мужик», — вспоминал Костя слова Васи, восстанавливая в памяти лицо Малахова. Настоящий мужик — это как кодекс. Настоящий мужик если любит, то уходит из семьи. Настоящий мужик не мечется между двумя огнями и, конечно же, не стреляет в того, кто подобрал брошенную им женщину и утер ее слезы.

Но вот если горячо любимая доченька... Ведь именно она звонила ему в Архангельск, сообщить, что мама... Совсем не это она ему сообщила! «Мамин дружок лезет ко мне под юбку» — вот что она сказала. Это же просто хрестоматийный вариант, как же он раньше не догадался! Тогда он идет и стреляет... Нет, тогда настоящий мужик бьет морду. А стреляет он, когда *уже случилось!* «Он меня изнасиловал!» — говорит любимая дочь, и отец стреляет. Потому что настоящий мужик не может оставить этого так просто. Он не пойдет в милицию, а свершит свой суд сам, даже если это будет стоить ему жизни. Ай да Костя, ай да сукин сын!

Спать уже не хотелось. Хотелось бежать к Васе, делиться догадками. Хотелось танцевать, бить в ладоши, носить себя на руках. Костя позвонил Василию, разбудил и выложил свои мысли...

Но, положив трубку, Санников спросил себя: а что толку от этой догадки, если девчонка не признается? Да и как она может признаться в *таком*... Одно дело — отцу любимому: защитнику и покровителю. И совсем другое дело — на допросе чужому дотошному до подробностей дяде. Девяносто процентов женщин, переживших насилие, скрывают этот факт только потому, что не хотят огласки и не желают отвечать на каверзные вопросы типа: «Не сама ли ты, голуба, все это затеяла?»

Да и Малахов вряд ли избежит наказания. Благородные мотивы вины не отменяют. Ружье уже выстрелило. А почему — вопрос второй. Вот почему Малахов ничего не стал говорить Ларисе. Он сделал то, что должен был сделать, он не мог поступить иначе. А для Ларисы лучше считать, что он бросил ее, чем знать правду и десяток лет жить в ожидании. Выходит, этот Малахов, как ни крути, человек действительно благородный. На его фоне он, Костя, — так, жалкий тип, и Лариса конечно же права... Только вот беда, Малахова она теперь долго не увидит, а он будет иметь все преимущества, потому что останется рядом. Жизнь несправедлива. Но, похоже, он должен восстановить справедливость. В конце концов, и ему не чуждо благородство, и он тоже считает себя настоящим мужчиной. Он не станет пользоваться ситуацией, а расскажет Ларисе все как есть.

* * *

Заснул он под утро и, конечно, проспал. В голове бродили сомнительные мысли о том, что он вовсе не должен рассказывать... И чтобы эти некрасивые помыслы не окрепли до состояния убеждений, Костя тут же позвонил Ларисе на работу.

Однако сначала ему ответили, что Белова на вызове, потом сказали, что снова только что уехала, а в середине дня, когда он позвонил с работы, после консультации, неприятный женский голос отчеканил, что Белова в отпуске и две недели он может не утруждать себя звонками ей.

У Санникова оставалась еще одна консультация по записи, но он плохо слышал, что ему говорит постоянный клиент, страдающий манией преследования. Такому нужен психиатр, психология здесь бессильна. Он все-таки привел мужчине несколько доводов против того, что кто-то его преследует, и отпустил в глубокой задумчивости. Костя знал: через неделю мужчина вернется и приведет ему контраргументы. Так строилось их общение. Но это будет еще не скоро.

После работы он медленно побрел в сторону остановки. Торопиться смысла не было. Скорее всего, он сегодня идет к Ларисе в последний раз. Она выслушает его и тут же раскается в том, что не сохранила верности такому прекрасному человеку, как Саша. Ей будет стыдно и больно, но он не намерен всего этого видеть. Его дело — рассказать и — уйти...

Они столкнулись в подъезде. Лариса бежала вниз по лестнице с двумя большими сумками. Следом через ступеньку прыгал Петя. Санников не успел ничего спросить, Лариса сунула ему свои сумки и повернула назад:

— Там, внизу, — крикнула она, — красная машина. За мной... приехали. Поставь эти, а

я быстро сбегаю за остальными.

Петька остался стоять рядом с Санниковым.

— Хоть ты объясни, что случилось? — спросил его Костя.

— Ей сегодня позвонила та мама, которая нашла, и сказала срочно драпать.

— Почему?

— Из-за тех ребят, что вчера крутились. — Петька перешел на шепот, потому что по лестнице поднималась пожилая женщина...

* * *

Нина Анисимовна совершила непростительную глупость. Вечером она так увлеклась чтением, что начисто позабыла о просьбе Марты. Ей, конечно, было не совсем удобно идти к незнакомому человеку и говорить ему какую-то абракадабру. Но обещание — свято. В конце концов — чем она рискует? Ну выставит себя дурочкой в крайнем случае. Не побьют же ее за это!

Всю дорогу она ругала себя за забывчивость и повторяла время от времени японское слово «тсонсапо», чтобы не вылетело из головы. Сегодня она знала гораздо больше вчерашнего о девушке Ларисе, и ей не терпелось посмотреть на нее.

В подъезде она наткнулась на молодого человека с мальчиком, один вид которых вызвал у нее улыбку. Так она и поднималась дальше, улыбаясь и предвкушая...

Навстречу ей попала девушка, лица которой она не успела разглядеть.

— Скажите, пожалуйста, — крикнула ей вслед Нина Анисимовна, — квартира 55 на четвертом или на пятом этаже?

Девушка поравнялась с молодым человеком и обернулась. «Она!» — вздрогнула Нина Анисимовна. Нет, конечно, абсолютного сходства не было. Глаза — другие, взгляд — иной. Но овал лица, форма носа... Вылитая Марта!

— Вы Лариса? — Нина Анисимовна, сияя, спускалась вниз. — А я вас узнала, — начала она и вдруг спохватилась, что не имеет никаких полномочий разговаривать с девушкой или рассказывать ей о чем-то.

Интересно, понимает Лариса по-японски? Наверно, училась когда-то, недаром же Марта...

— Тсонсапо, — отчетливо произнесла Нина Анисимовна, стоя выше Ларисы на одну ступеньку.

Она старалась говорить с акцентом, как настоящая японка, чтобы девушка лучше поняла ее. Слово прозвучало в подъезде звонко, как звук разбитого бокала. А действие произвело — как разорвавшаяся граната.

Лариса побледнела и некоторое время смотрела прямо перед собой, словно что-то припоминая. Губы ее вздрагивали, как будто она собиралась заплакать. Потом она с ужасом взглянула на Костю, на Нину Анисимовну, на Петю и попятилась вверх по лестнице. Споткнувшись, она повернулась и припустила назад. Через несколько секунд с грохотом захлопнулась дверь и повисла тишина.

Внизу Костя слышал легкие шаги старушки, быстро спускавшейся по лестнице.

— Ты что-нибудь понял? — спросил его Петя и, не дожидаясь ответа, сказал: — Вот и я тоже. Обычно она... Ну да ладно, все равно ты этого анекдота не знаешь. Пошли, посмотрим,

чего с ней такое.

Они позвонили раз, другой, третий, но Лариса не открывала.

— Понятно, — сказал Петька. — Контора закрылась. Держи, — он протянул Косте сумку, — я, пожалуй, пойду.

— Стой! — Санников смотрел на дверь как на заклятого врага. — Чепуха какая-то... Лариса, — позвал он, — ты помнишь, что у Пети температура? Он уходит собрался!

За дверью стояла гробовая тишина. Петька порывался уйти, но Санников крепко держал его за рукав. Через несколько минут лязгнул замок, высунулась рука Ларисы, пошарила в пространстве, пока не наткнулась на Петю, и втащила его в квартиру. Санников остался на площадке один с сумками.

Попытавшись осмыслить произошедшее, Костя понял, что не может придумать ни одного более-менее здравого объяснения случившемуся. Он спустился к окошку и выглянул на улицу. У подъезда действительно стояла красная машина. Она была реальной, в отличие от улыбающейся старушки, сказавшей что-то на птичьем языке и растворившейся как сахар в горячем чае, в отличие от запертой двери и Ларисы, которая сбежала от него, будто он на ее глазах превратился в монстра.

Костя решил не ломать голову, а подождать, что будет дальше. Ее ведь кто-то ждет внизу, а значит, рано или поздно либо она выйдет из квартиры, либо кто-то поднимется за ней. Тогда, может быть, что-нибудь и прояснится.

Санников выстроил сумки Ларисы в ряд, сел на ступеньку, вздохнул и пожалел, что не захватил с собой свежий номер журнала «Вопросы психологии». Неизвестно, сколько придется ждать...

Прошло около пятнадцати минут, дверь, наконец, открылась, и вышел Петька.

— Заноси сумки, — скомандовал он. — Мы никуда не едем. Да побыстрей!

Санников послушно внес сумки и остановился, увидев Ларису. Она была все такая же бледная, лицо напряженное, руки сжаты в кулаки.

— Что с тобой?

Лариса молчала, вместо нее ответил Петя:

— Она считает, что ты — враг.

Санников задумался. Может быть, Василий уже позвонил и рассказал ей про Сашу?

— Почему? — уточнил он, не решаясь сразу каяться.

— Ей сказали...

«Василий! — пронеслось у Санникова в голове. — Задушу!!»

— Та тетка сказала, в подъезде.

— Что-то я не слышал, — удивился Санников.

— И я тоже, — подхватил Петя. — Но она никуда не поедет. И никуда не пойдет. Будет сидеть дома. Понятно?

— Нет.

— Пойди вниз, — раздраженно сказала Лариса, — и скажи моей э-э... Евгении Петровне, что я сегодня никуда не поеду.

— Почему?

— Придумай что-нибудь.

— Да я даже для себя не могу придумать никаких объяснений! Что я ей скажу?

— Мне все равно. Если она поднимется, я не пущу. — Лариса говорила быстро и отрывисто.

— Ей голос был, — уточнил Петя, незаметно для Ларисы покрутив пальцем у виска. — Он ей сказал, чтобы ничего не предпринимала и была осторожна.

— Правда? — Санников перевел взгляд на Ларису.

— Правда, — ответила она.

— И чей же это был голос? — ехидно спросил Костя, имея в виду старушку с улыбкой Чеширского кота.

— Марты.

Глава 16

Нина Анисимовна возвращалась домой просветленная. Лариса поняла ее. Слова произвели на девушку должное действие. И главное — она сразу же отреагировала на них, побежала наверх, вероятно, чтобы что-то предпринять. Вот они и одержали еще одну маленькую победу.

Конечно — они! Она уже не мыслила себя вне маленького отряда: Марта, Данила и дети... Она стала бойцом невидимого фронта, но вместо оружия пользовалась японскими заклинаниями. Ей казалось, еще мгновение — и она воспарит над землей, такой чудесной стала вдруг жизнь.

Ах, Марта, Марта! Что за судьба ей выпала? Вот только выпала ли? Или она выбрала ее сознательно? Конечно, она понимала, на что идет, когда...

* * *

Марта прожила несколько жизней. Она родилась и выросла в Ленинграде, закончила школу, получила институтский диплом. Рано осталась без родителей. Вышла замуж, родила сына. И ничего сверхъестественного в ее жизни не было. И все это была — одна Марта. Впрочем, и имя-то она тогда носила другое: Марина Вишнякова.

Мартой она стала потом, когда уезжала с Алтая, потому что Марину Вишнякову искали все: и следователи, и Андрей со своими головорезами.

Когда она познакомилась с Сеней, появилась на свет вторая Марта: отчаянная мечтательница, готовая посвятить свою жизнь не то Богу, не то возрождению всего человечества. Она и сама точно не знала, чего хочет. Просто видела другую жизнь, чувствовала, что есть иной способ существования человека без суеты и штампов, в повседневной радости, в любви. Ей очень хотелось в эту другую жизнь, и если такой жизни на свете все-таки не было, то она готова была построить ее сама, подавая другим пример...

Третья Марта бежала с Данилой в горы и просиживала дни напролет над пропастью, дна у которой не было видно, в надежде вернуть себе сына. Но надежде ее не суждено было сбыться. Зато суждено было спасти чужих детей...

* * *

...Милиция нагрянула в дом неожиданно, и забрали всех: Дмитрия, Галю, Машу и Женю. Марта узнала об этом только на следующий день, когда Данила добрался до их укрытия. Это было равносильно их смерти. Если дознаются про Лешу, то... А Марта? Долги ли она еще надеется укрываться в лесу? Ведь наверняка кто-нибудь расскажет о ней и о Даниле. Их станут искать... Не лучше ли самим объявиться?

Единственное, что удерживало Марту от желания разделить участь своих пусть бывших, но все-таки друзей, было исчезновение Андрея и Вади. По счастливой случайности, их не оказалось дома, когда нагрянула милиция. Но куда же они подевались? Не может же Андрей скитаться по лесу с трехлетним ребенком. Да и погода испортилась: сырость, холодные

туманы.

Данила говорил, что Андрей сам все это подстроил. Но Марта еще не привыкла верить каждому его слову. Уж очень много необычных вещей он говорил порой. Да и как он мог знать всё то, что утверждал с такой уверенностью? Ведь мысли человека не передаются на расстоянии.

После ареста ребят Марта заболела. Сначала каждую ночь ей снился один и тот же сон. Их выводят в солнечный дворик, строят в ряд, лицом к стене, и дальше — выстрелы... Она вскрикивала и просыпалась в слезах, задыхаясь от боли. В конце концов она стала чувствовать себя так, словно ее уже расстреляли. В груди — жгло, горло сдавливало поминутно, и было невыносимо трудно дышать. Боль разъедала все тело, Марта с трудом вставала, чтобы добраться до обрыва, куда ее тянула неодолимая сила.

Что она больна, Данила заметил не сразу. Поначалу он считал, что ее состояние связано с переживаниями последних дней.

Безжизненная и погасшая, она стала похожа на призрак. Только случайно коснувшись ее руки, Данила почувствовал, какой у нее жар. Но слишком поздно... К вечеру Марта лежала без чувств...

С тех пор как пропал Андрей, у больницы вертелись люди. Не исключено, что и внутри поджидали.

Следующий день не принес облегчения. Марта таяла. Лицо стало землисто-серым. Всего дважды она открыла глаза и сделала два глотка воды. Данила без сна просидел возле нее почти двое суток. Он ничем не мог ей помочь. Единственная надежда, которая у него оставалась, был знак. Петраков говорил, что с его помощью можно лечить людей. Только не упоминал — как. Данила прикладывал листок с изображением имени к телу Марты, но ничего не происходило. Он сам часами смотрел на знак, пытаясь передать Марте свои силы для борьбы с болезнью. Результата — никакого. В конце третьего дня он почувствовал, что она умирает. Ей осталось несколько часов, а то и меньше. Она не дотянет до ночи.

И только тогда он понял, что любит Марту. И понял — *как* любит. Когда Марта открыла глаза, его отчаяние было абсолютным. Они смотрели друг на друга, быть может, в последний раз. То, что он тогда сделал, он сделал, повинувшись одному лишь своему отчаянию.

— Смотри, Марта, — сказал он и поднес к самым ее глазам свой листок...

Прошла минута или две, пока Марта смотрела на знак. А потом она снова погрузилась в забытие. Данила держал ее за руку всю ночь, боясь пропустить момент ее ухода... Но это была уже третья его бессонная ночь, а потому на восходе он задремал возле нее, как верный пес, и проспал до полудня. Когда солнечные лучи добрались до его лица, он во сне еще почувствовал ужас и резко поднялся.

Марта смотрела на него и слабо улыбалась.

— Не хотела будить тебя, — сказала она. — Принеси мне воды...

Через неделю она уже была на ногах. Но больше не ходила на край обрыва, не умоляла его идти в деревню, чтобы узнать хоть что-нибудь.

Иногда она просила его дать ей листок и часами, не отрываясь, смотрела в него, будто считывая свою судьбу.

Надвигалась зима. Уже выпал и растаял первый снег.

— Нам пора выбираться отсюда, — спокойно сказала она как-то вечером. — Здесь все закончилось.

У Данилы сохранились документы Бориса. Фотография у него в паспорте была

маленькая, семилетней давности. К тому же борода меняет любого. Документы для Марты раздобыли по случаю. Молодая цыганка попала под поезд. Вокруг толпилось много народа, Данила вернулся из толпы с паспортом. С тех пор она стала Мартой Беловой — так звали цыганку. И никогда никому не называла своего настоящего имени.

Они вернулись в Ленинград. Квартира Марты оказалась опечатанной. Данила не рискнул возвращаться к тетке. Устроились в области. Марта — учительницей, Данила — электриком. Через год у них родилась дочь...

Но разве может мать забыть своего ребенка? Разве может успокоиться ее сердце тем, что появился другой? Марта часто уезжала в город. Данила никогда не спрашивал ее, зачем она ездит. Он знал. И не мешал ей.

Марта разыскала Ангелину — сестру Андрея. Долго ходила вокруг да около, знакомилась с ее приятельницами, пока не узнала, что Андрей так и не вернулся в Ленинград. Связи между ними практически нет. О брате она ничего не знает и вспоминает его с большой неохотой.

Когда их дочери исполнилось восемь месяцев, Марта прочла в газете о показательном суде над сектой «новых христиан» в маленьком городке, который не был назван. Говорилось лишь, что дело было где-то в Приморском крае. В статье говорилось, что преступный организатор секты пока не пойман и скрывается, но след его уже взяли районные правоохранительные органы. О том, был ли с ним ребенок, ничего сказано не было, зато говорилось, что «вину сектантов трижды усугубляет тот факт, что они вовлекали в свои ряды несовершеннолетних, а порой и совсем маленьких детей, заставляя участвовать в отвратительных церемониях жертвоприношений и поклонения идолам. На алтарь клали белого голубя, и именно ребенку вменялось в обязанность умертвить птицу...»

— Это он, — сказала тогда Марта. — Помнишь, ты как-то сказал, что он уже не остановится. Ты ведь это имел в виду?

— Что-то вроде, — ответил Данила, хмурясь. — Но это только начало.

— Думаешь, его не поймают?

— Даже если и поймают... Лагерь не сделает его лучше, скорее наоборот.

— С ним Вадик.

— Наверно.

— Еще вчера я думала, что если мой сын жив, то все в порядке. А теперь мне кажется, что с ним может случиться нечто похуже смерти.

Из глаз Марты катились слезы, но она не замечала этого.

— У него могут быть и другие дети. И он может их...

* * *

С того самого вечера возле дома, когда Данила впервые близко столкнулся с Андреем, между ними образовалась странная связь. Каждый раз, думая о нем, Данила закрывал глаза, и с ним творились странные вещи. Он не видел Андрея, нет. Он не знал его мыслей. По крайней мере, оформленные в слова они не звучали в его голове. Но он чувствовал его. Он как будто знал, что происходит в душе Андрея, ощущал его состояние.

Данила долгое время убеждал себя, что такого быть не может, что просто ревность к бывшему мужу Марты не стерлась еще; что образ Андрея, всплывающий время от времени,

это не более чем его собственный страх. Но со временем он понял, что это некий ущербный телепатический контакт, протекающий между ними через Марту и ее ребенка. В это можно было верить или нет, но избавиться от этого было невозможно.

— Дети, — сказал он Марте, — это лучший материал. Из них можно лепить все что угодно. Дети ничего не знают о добре и зле. Им можно преподнести это знание как угодно...

— Галя. Ты помнишь, Галя говорила, что беременна. Как ты думаешь?..

* * *

Им стоило огромных трудов выяснить, что стало с остальными. Но в конце концов они узнали, что ребята получили по десять лет исправительных работ и раскиданы по разным зонам. Первой они нашли не Галю, а Машу. На встречу с ней отправился Данила, потому что отправлять Марту было небезопасно. Вдруг бывшая подруга поднимет шум?

Данила никогда не узнал бы в женщине, которая вошла в комнату для свиданий, милую девушку с университетским образованием, которую он видел несколько раз мельком. Перед ним была женщина с безжизненным взглядом и циничной улыбкой.

— Еще один, — процедила она, выплевывая слова. — Ну, что будем делать?

Конвоир, считавший Данилу троюродным братом заключенной, строго посмотрел на Данилу.

— Маша, — Данила взял ее за руку и крепко сжал, — тебе большой привет от сестры Марты, ты ведь не забыла нас, правда? Помнишь тетю Таню? А Марту помнишь? Я сбрил бороду, поэтому ты меня не узнаешь. Помнишь Ленинград?

Маша подняла на него затравленный взгляд:

— Марту?

Он сильно сдавил ей руку.

— Да, сестру...

— Ленинград...

Маша вдруг зарыдала, уронив голову на руки. Конвоир, наконец, оставил их одних. Деться из тесной комнатки им было некуда, а Данилу обыскали перед входом.

Он сбивчиво, поминутно оглядываясь на дверь, рассказал Маше о том, что они хотят усыновить ребенка Галины, пока та не выйдет на свободу. Ведь детский дом может за десять лет переехать, расформироваться или того лучше — усыновит ребенка кто-нибудь. Тогда уж точно никогда не узнаешь где он и как.

— Смешные вы люди, — утерев слезы, сказала Маша. — А как же моя? А с Женькой как?

Данила не сразу понял, о чем она говорит. Маша родила ребенка за две недели до того, как состоялся суд. Сначала ей еще позволили держать девочку при себе. А теперь она не имеет о ней никаких известий. «Должно быть, все еще где-то здесь, на Алтае...»

— Заберите и наших, иначе он заберет. Он ведь так ждал этого!

Маша попала в самую точку. Именно так Данила и чувствовал Андрея в последнее время. Ему нужны были эти дети. Они были связаны с ним уже одним фактом рождения, а такие связи посильнее веры, угроз и обольщений. Эти дети в его власти с самого начала.

Он обещал Маше забрать всех. И просил писать на главпочтамт хотя бы раз в год: вдруг амнистия. Раз в год на имя Марты Беловой. Дети будут в надежном месте. Как только

удастся найти хоть кого-нибудь, они ей сообщат.

— И еще, — тихо сказала Маша на прощание, не глядя ему в глаза — кажется, я догадываюсь, кто ты. Он будет искать тебя. Что-то ему от тебя нужно. Что-то очень важное.

— Я знаю, — сказал Данила.

* * *

Нина Анисимовна пролистывала страницы дневника Марты, исписанные цифрами, датами и названиями небольших городков. Здесь были расписания поездов, перечни документов, суммы взяток с указанием кому и за что. Скупые цифры заполняли страницы дневника четыре месяца, пока рядом не появились другие цифры: 8.00 — завтрак, 10.00 — второй завтрак (250 граммов молока, печенье), 13.00 — обед... Они нашли дочку Маши и назвали Полей, как она и просила. Девочка напоминала былинку, качающуюся на ветру. Недостаток питания, недостаток витаминов и, конечно, самое главное, полное отсутствие ласки. В течение года они разыскали и остальных детей.

Труднее всего было с сынишкой Жени. Мальчика они нашли в психоневрологическом доме-интернате для детей-инвалидов. Он сидел неподвижно, не проявляя интереса ни к окружающим, ни к игрушкам. Лешка (Марта назвала его так в память о погибшем Алексее) доставил им больше всего хлопот.

Пользуясь тем, что была в школе на хорошем счету, Марта задумала открыть маленький детский дом. И уже собрала все необходимые для этого документы. Но детскому дому необходимо было придать некоторый медицинский статус, коли уж там будет воспитываться и мальчик с отклонениями. Это затянуло оформление бумаг еще на четыре месяца.

Ольга Михайловна, учительница рисования и коллега Марты, так увлеклась ее начинаниями, что предлагала свою помощь по каждому поводу. Когда решался вопрос с помещением, она рассказала Марте о затерянном в районе Вуоксы каменном доме с колоннами, где можно было бы разместиться им всем с детьми. Она мечтала помогать Марте и готова была взять на себя все хозяйственные хлопоты.

— Милая моя, я всегда этого хотела. Только вот не решалась. Возьмите меня, не пожалеете. Никаких денег не нужно, только за проживание. Я даже хлеб сама печь умею...

Ольга стала первым человеком, которому Марта рассказала свою историю. Она рассказывала понемногу, чтобы не огорошивать ее сразу. Хотя, пожалуй, Ольга Михайловна не моргнув глазом приняла бы любую правду. Через полгода она обожала всех детей как своих собственных и даже под страхом смертной казни не согласилась бы расстаться с ними.

Все это время Марта покупала центральные газеты и даже выписывала несколько из восточных регионов. Она читала их внимательно, не пропуская даже самых коротких сообщений, вплоть до некрологов. Надежда ее была слабой, почти ничтожной. Но каждый вечер Марта садилась у своего стола и изучала каждую статью, словно самый придирчивый цензор.

Через два года ей повезло. Промелькнуло маленькое сообщение о том, что в Новосибирске недавно прошло слушание напумевшего дела о «клерикальных аферистах».

«Под видом изгоев церкви и ревнителю за чистоту веры трое мошенников устроили в одной из квартир в самом центре города настоящий притон для одурманенных верой людей. Мало того что аферисты присвоили себе церковный сан, которого у них отродясь не было,

они еще и умудрились выудить у социально близоруких одиноких старушек, из которых в основном состояли их „прихожане“, довольно значительную сумму.

Более всего удивляет тот факт, что в секту к доморощенным попам попали не только пожилые люди, испорченные дореволюционным воспитанием, но и несколько молодых семей, приводящих на моления, напоминающие скорее фарс, своих малолетних детей! Причем все из них состояли в комсомольской организации и были там на хорошем счету...»

Весь вечер Марта с Данилой просидели над статьей. Вечером они взяли билеты и, оставив детей под присмотром Ольги Михайловны, отправились в Новосибирск. Представляясь корреспондентами областных газет, они очень скоро узнали о «клерикальных аферистах» гораздо больше, чем было написано в газете.

Во-первых, было их не трое, а четверо, но арестовали только троих. Четвертый был иногородним и скрылся в неизвестном направлении, прихватив с собой практически все собранные деньги. Трое задержанных имели уголовное прошлое. Один сидел за воровство, двое других — за разбойные нападения. Какими бы тертыми калачами не были мужики, когда их спрашивали о подельщике, ничего определенного сказать о нем не могли. Респектабельный мужчина. В костюме, в шляпе. Похож на крупного руководителя. И мальчик с ним лет семи — такой воспитанный, сразу видно, что из хорошей семьи. Таких еще поискать...

В материалах дела, разумеется неполных, которые корреспонденты получили для изучения, значился адрес женщины, сдавшей квартиру аферистам. К ней поехал Данила и, представившись помощником следователя, расспросил подробно о квартирантах. Ничего нового он от нее не услышал, кроме разве того, что мужчина, снявший квартиру, показал ей свой паспорт с якутской пропиской и она даже переписала его на всякий случай.

Данила был против того, чтобы ехать еще и в Якутию. Его тянуло назад, он боялся оставлять детей надолго. Тем более что в милиции наверняка знают об этом адресе и обязательно проверили его. Но Марта настояла...

В Нюренгри кроме сорокаградусного мороза их ожидала масса неприятных сюрпризов. Хозяином квартирки оказался управдом и, выслушав лишь первый вопрос, захлопнул перед их носом дверь. На их счастье, в тот самый момент, когда дверь управдома оглушительно хлопнула, по лестнице спускалась миловидная женщина лет сорока пяти с острым лицом и поджатыми губами. «Надоели вы все Петровичу, — не глядя на Марту с Данилой, процедила она. — Все ходите, правду ищите... А Петрович у нас правды не любит. Она ему глаза колет!»

Все это женщина пропела как куплет, глядя прямо перед собой. Марта кинулась за ней следом. Взявшись за ручку двери, соседка поведала ей, что Петрович, пользуясь привилегией управдома, захватил освободившуюся квартиру, и теперь день и ночь к нему ходят то разъяренные соседи, первыми стоявшие на очереди по линии их ЖСК, то милиция, потому что мужичка-пьянчужку, которому принадлежала квартира, нашли мертвого полгода назад.

— А вы, значит, не претендуете? — спросил ее Данила.

— Нет, — передернула плечами соседка. — Первый этаж мне даром не нужен. У Витьки покойного квартирант жил, так говорил, что спать — мочи нет: то собаки воют, то машины гремят. Так и сбежал от Витьки ко мне.

— Мы из Ленинграда. Друга ищем. Ну-ка посмотрите. — Он протянул женщине старую фотографию Андрея.

— Ой, он! Молодой только очень. Сейчас он уже не такой. Остепенился, солидный стал.

— Остепенился — это что: женился? — уточнила Марта.

— Не-е... Померла у него жена. Сердцем маялась. Пятерых детей ему оставила Старшенького он с собой возит. А остальные — с бабушкой.

— А что он здесь делал?

— В командировку приезжал. На неделю.

— А когда?

— Летом, кажется. Уехал шестого июня. Как раз через два дня Витьку нашли...

* * *

Похоже, Андрей был уверен, что у Марты тоже родился ребенок. Его ребенок. И, вернувшись, Данила с Мартой приняли самое трудное в их жизни решение. Лариса не узнает, кто ее родители.

Они сделают для детей все, что в их силах. Воспитают их сильными и готовыми противостоять любым соблазнам, любому злу.

Весьма любопытными были и школьные предметы, которые ввела Марта. Ни в одной школе мира детей не учили ничему подобному...

* * *

Нина Анисимовна с величайшим интересом листала страницы, подробно излагавшие обучение детей навыкам чтения и передачи мыслей, правильному дыханию, восточной медицине, искусству единоборств... Так же наверно два века назад матроны листали скандальные страницы «Эмиля» Руссо, все более удивляясь изощренности методов воспитания.

Телефонный звонок раздался в комнате как сигнал боевой тревоги. Нина Анисимовна еще не подняла трубки, как ноги ее ослабели, и она опустилась на диван, рядом с телефонным аппаратом. Николай Иванович мог бы и не говорить ей того, что сказал: Нина Анисимовна обо всем уже догадалась.

— Нина, прошу, держи себя в руках. Ей хуже, Нина. — В голосе Николая Ивановича послышались нотки отчаяния. — Одному мне не справиться. Нужно оборудование, современная техника. И — переливание крови. Не здесь же его проводить. Нина, я не стал спрашивать твоего позволения, чтобы позвонить Володе. Это мой лучший ученик, мы дружим много лет. Но в больнице ее нужно как-то записать... Не будешь возражать, если мы положим ее туда под твоим именем?

— Нет, конечно. Но я хотела бы быть рядом. — Нина Анисимовна не выдержала и громко всхлипнула. — Коленька, скажи, у нас остались хоть какие-то шансы?

Николай Иванович молчал. Пауза затянулась до бесконечности.

— Приезжай. Нам нужна ты и твой паспорт. Если поедешь в больницу, не забудь халат и тапочки.

Санников спустился вниз и наплел что-то Евгении Петровне о решении Ларисы. Он ожидал недоумения, расспросов, в конце концов, думал, что она захочет поговорить с Ларисой сама. Вместо этого Евгения Петровна, выслушав его, кивнула головой и нажала на газ.

Костя смотрел вслед набирающему скорость «фольксвагену» и отказывался понимать эту семейку. Пришло время либо сложить с себя высокий сан психолога — знатока человеческих душ, либо счесть «Ларису и К^о» субъектами науки психиатрической. Он был зол на Ларису, на Евгению Петровну и на самого себя — больше всего. Впервые он чувствовал, что раздражение его хлещет через край и требует выхода. Хотелось крушить все, что попадает на пути. Он решил начать с себя.

Вернувшись на работу, Санников полистал «Желтые страницы» и довольно быстро отыскал адрес приемной депутата, имя которого ему называли в связи с делом Малахова. Секретарю он представился семейным консультантом Малаховых, и девушка быстро ответила:

— Вам, наверно, нужен Павел Георгиевич? Он еще не совсем пришел в себя. Позвоните ему домой.

— Но я не знаю номера.

— Ах, так? — протянула девушка. — Тогда вам придется оставить свой для связи. Я созвонюсь с Павлом Георгиевичем, и если он захочет говорить с вами...

Санников продиктовал номер своего рабочего телефона и принялся ждать. Павел Георгиевич перезвонил ему через пять минут.

— Здравствуйте, Константин Николаевич. Это Осетров. Лида никогда не говорила мне о своем психоаналитике. Что-нибудь случилось?

— Мне необходимо с вами встретиться. — Голос Санникова звенел от волнения.

— Надеюсь, это не милый пустяк? Мне действительно сегодня нездоровится.

— Это совсем не пустяк. — Костя добавил несколько угрожающих ноток. — Абсолютно ничего общего с пустяками!

— Тогда — добро пожаловать...

И Павел Георгиевич продиктовал свой адрес. Доброжелательность и готовность к контакту, несмотря на плохое самочувствие, поставили Санникова в тупик, но лишь на короткое время. Сегодня он утратил равновесие духа и готов был даже к тому, чтобы наделать глупостей.

«Это все от того, что ты теряешь ее», — сказал ему внутренний голос. «Глупости», — ответил Костя, все больше входя в роль настоящего мужчины с благородными намерениями. Если уж Малахов решился на настоящий поступок, почему бы Косте не сделать то же самое? Чем он хуже? Возьмет этого Павла Георгиевича за горло и вытрясет из него правду. Даже если это нужно будет сделать физически, а не с помощью изящных психологических фокусов.

Однако, едва взглянув на своего оппонента, Санников отказался от мысли о физическом воздействии. Павел Георгиевич был одного с Костей роста, но атлетическая комплекция и чрезмерно широкие плечи свели бы их физическое противостояние к его легкой победе.

— Я по поводу Малахова, — сев на стул без приглашения, заявил Костя.

— Да, странный тип, — мягко сказал Павел Георгиевич, занимая место напротив. — Никак не ожидал от него ничего подобного.

— Разве вы были с ним знакомы?

— Конечно. Встречались по работе. Приятный мужик. Кстати, сам мне и сказал, что уходит от Лиды и уезжает в другой город. И надо же: влетает вдруг как сумасшедший в гостиную и ни слова не говоря...

Павел Георгиевич поморщился, вспоминая неприятную сцену.

— Я все знаю, — отчеканил Санников, глядя ему в глаза. — Ира мне все рассказала.

— Ну так объясните мне, в конце концов, раз вы психоаналитик... Он что, действительно тронулся?

Санников смотрел на Павла Георгиевича и никак не мог решить: актер перед ним самодеятельного театра или человек, которому нечего скрывать.

— Как вы относитесь к Ире?

Санников старался не пропустить ни одной самой мелкой реакции.

— Чудная девочка. Немножечко, правда, сноб, но мне кажется, это — возрастное. Образумится со временем. Похоже, мы с ней подружились.

— Что вы этим хотите сказать?

— Ну, по крайней мере, она не против наших отношений с Лидой. Порой мне кажется, что она даже гордится тем, что я и ее мать...

Неожиданно он остановился на полуслове, посмотрел на Санникова и вдруг расхохотался.

— Психоаналитик, да? — утирая выступившие от смеха слезы, сказал он. — Я же знаю, нам курс читали в академии... Про Фрейда и прочие пакости. Вы куда клоните? Уж будьте любезны, говорите прямо. Не то мы с вами здесь просидим до завтрашнего дня.

— Вы с Ирой были близки?

Смех Павла Георгиевича оборвался. «Сам напросился», — зло подумал Санников.

— Молодой человек, — сказал Павел Георгиевич строго. — Мне пятьдесят. Я — помощник депутата. И заметьте — абсолютно нормальный человек. Вы заигрались со своим психоанализом. Возможно, на рубеже веков он и приносил еще какую-то пользу. Но сегодня...

— Вы не ответили, — напомнил ему Санников. — Сами же просили, чтобы я не ходил вокруг да около.

— Мне даже в голову такое бы не пришло. И знаете, я попрошу вас уйти. Вы испортили мне вечер. Это непростительно. Я думал, самые большие нечестивцы — это журналисты, но теперь убедился, что психологи дадут им фору. До свидания.

От помощника депутата Санников шел не разбирая дороги. Он вел себя как мальчишка: непростительно глупо. Ему нужно было с кем-то поговорить. С кем-то, кто в курсе. Он только подумал об этом, а ноги уже сами несли его к Василию.

— Извини, — с порога начал Вася.

Санников закрыл глаза. Зря он сюда пришел. Неприятных сюрпризов ему на сегодня хватало.

— Мне нужно было уточнить одну деталь, — продолжал Вася. — Я позвонил тебе домой, и Николай Савельевич дал мне телефон Ларисы.

— Ты ей все рассказал?..

— Пришлось. Иди сюда, сядь. Кость, ну я же не знал. Ты, в конце концов, сам виноват:

почему не предупредил, что держишь все в тайне? Я стал спрашивать, а она, оказывается, ничего не знает... Если бы я не рассказал ей, она бы меня из-под земли достала. Это я по голосу понял.

— И что она сказала?

Вася опустил глаза.

— Она ничего не сказала.

— Совсем ничего?

— Совсем. Но мне кажется...

— Что?

Костя задавал вопросы машинально. Ему казалось, что таким образом он может отсрочить самый страшный момент — момент осознания того, что произошло.

— ...она плакала.

Санников протянул руку к телефону и медленно набрал номер Ларисы.

— Слушаю, — сказала она.

Голос ее звучал тихо. Костя представил ее заплаканное лицо — милое и совсем детское. Такой он увидел ее впервые несколько дней назад. Вспомнил, как она спросила совсем недавно: «Ты не оставишь меня?» Сердце сжалось, и он едва выговорил:

— Лариса, это я. Мне нужно объяснить... Можно я сейчас приеду?

Она молчала бесконечно долго. А потом сказала спокойно:

— Ничего не нужно, Костя. И пожалуйста, — снова повисла тяжелая пауза, — не приезжай больше. Никогда не приезжай.

Санников так долго держал трубку после отбоя, что автоматически принялся считать гудки. Василий разжал его пальцы, отнял телефонную трубку и положил на рычаг. Костя закрыл глаза. Потом открыл и с трудом поднялся.

— Куда ты? Тебе сейчас, — начал Василий, но Костя перебил его:

— Мне нужно к отцу.

И, уже взявшись за ручку двери, добавил:

— Ты ни в чем не виноват, даже не думай об этом. Просто так совпало... Пока.

* * *

Санников вышел из троллейбуса за две остановки. Ему хотелось пройтись, оттянуть момент возвращения домой. В принципе, на что он надеялся? На то, что Лариса испытывает к нему какие-то чувства? Да с какой стати? Мысли его незаметно переключились на Марину. Интересно, как она живет? Как объяснила себе их разрыв? Ей ведь пришлось делать это самостоятельно, Костю она ни о чем не спросила. А любила ли она его? Они ведь собирались пожениться. Быть вместе и в радости, и в печали до конца своих дней. Так вроде говорится. Если она его любила, то почему ничего не предприняла? Почему не собрала вещи и не переехала к нему, несмотря ни на что? Он не стал бы протестовать.

Психология — наука замечательная. Она на все дает ответы. Только вот во всем, что касается любви, помочь не в состоянии...

Отец встретил его весело и сказал с гордостью:

— А мне сейчас звонила Лариса. Интересовалась моим здоровьем.

Санников решил, что ослышался:

— Звонила — когда, ты говоришь?

— Да вот только что!

— Что значит «только что»? Час назад? Два?

— Пять минут назад! Трубку положил и услышал, как ты с ключами возишься.

Крохотная надежда — малюсенькая, как сказочная фея, — захлопала крылышками перед Костиным носом.

— Обещала зайти? — спросил он, затаив дыхание.

— Как только выберет минутку, — удивленно ответил тот. — Да разве вы с ней не договорились?

— Договорились, — неопределенно ответил Костя. — Давай ужинать. И нужно тебе постельное белье поменять. Я вчера совсем забыл...

* * *

Когда отец уснул, Костя попытался собраться с мыслями. Она позвонила. После их разговора. Не означает ли это?.. «Не означает!» — строго оборвал он сам себя. Лариса просто не может бросить больного старика, за которым обещала приглядывать. Это не в ее характере. Но он, Костя, тут совершенно ни при чем. Он пытался быть с собой честным. Но крылышки маленькой феи снова взмахнули где-то совсем рядом, обдавая его ароматом надежды. А может быть, все-таки...

Костя остановился в большой комнате перед портретом матери. Вот кто мог бы подсказать ему, что делать. Только женским умом можно понять женщину. Под портретом стоял стол, за которым мать обычно работала. С тех пор как ее не стало, он сел за этот стол впервые. Тяжело вздохнул, и в этот момент зазвонил телефон, стоявший на столе. Костя схватил трубку в надежде услышать голос Ларисы. Но звонила совсем не она, а секретарша из консультации — счастливая обладательница летучей мыши.

— Константин Николаевич, — обиженно заговорила она. — Вы забыли позвонить вечером насчет расписания на завтра.

— Точно! Что бы я без вас делал?

Женщина слегка оттаяла.

— На завтра у вас три консультации...

— Одну минуточку. Сейчас запишу, — бросил Костя, выдвинул верхний ящик стола и взял верхний листок. — Я готов.

— В девять ноль-ноль — молодая супружеская пара, в десять тридцать — сумасшедшая мамаша с одаренным детищем четырех лет от роду и без пятнадцати шесть — отвергнутый жених. Не спутайте, пожалуйста: именно — без пятнадцати.

— Хорошо, — ответил Костя, — все записал, все понял. Больше у вас со мной проблем не будет.

— Я надеюсь, — протянула секретарша. — А знаете, ваша милая мышка...

И она принялась рассказывать Константину о судьбе своей подопечной. Костя слушал вполуха. Сейчас собственная судьба волновала его. Прервать разговор он не мог: в конце концов, девушка не обязана была звонить ему домой, и он терпеливо дослушал ее рассказ.

Положив трубку, Костя зажег настольную лампу, поднял лист, чтобы выяснить, не был ли кто из завтрашних посетителей его постоянным клиентом, и... уронил его.

Сердце билось так часто, будто он лицом к лицу столкнулся с привидением. С обратной стороны листа просвечивал контур летучей мыши. Санников смотрел на список с минуту, пока не сообразил, что рисунок, очевидно, сделан с другой стороны. Он резко перевернул лист: большие слепые глаза, знакомое очертание. Он не ошибся: это была она.

Нина Анисимовна записала адрес больницы и принялась кружить по квартире: «Халат и тапочки, халат и тапочки, — повторяла она. — И паспорт!» Только бы не позабыть что-нибудь. Дорога в Озерки, куда Николай Иванович перевез Марту, не самая близкая. Только бы ничего не забыть!

Она была так расстроена, что никак не могла вспомнить: белый халат и тапочки — ее «джентльменский набор», которым пришлось обзавестись лет десять назад, когда друзей чаще можно было застать в больнице, чем дома. Она хранила их в пакете в верхнем ящике комода. Там же лежал и паспорт. «Нужно взять себя в руки, — подумала Нина Анисимовна, — мои слабости сегодня вечером никому не интересны. Нельзя допустить, чтобы Марта...»

Чего она боялась больше? Того, что Марта умрет от раны, или того, что ее, в таком беззащитном состоянии, найдут те, от кого она скрывалась? Если бы кто-нибудь спросил ее об этом, она ответила бы однозначно: того, что найдут. Она не могла поверить в то, что Марта погибнет. Ей ведь уже приходилось погибать. И она тогда чудом избежала гибели. Теперь тоже должно было произойти какое-нибудь чудо, в этом Нина Анисимовна почти не сомневалась. Только бы оно не запоздало... А вот что касается ее преследователей, так пусть попробуют миновать преграду в ее лице, которую она собиралась выставить на их пути! «Пусть только сунутся!» — повторяла Нина Анисимовна мысленно всю дорогу и сжимала кулаки.

Отыскав в больнице шестое отделение, куда ей приказал явиться Николай, она сумела пройти лишь до дежурной медсестры. Та вышла из-за стола, где заполняла графики, преградила ей дорогу и засыпала вопросами. Вместо того чтобы сослаться на заведующего отделением, как ей было велено, Нина Анисимовна стояла и улыбалась, разглядывая строгую женщину. Замечательно, что она так энергично охраняет вход. Просто здорово! Значит, задержит любого подозрительного человека, будь он даже семидесяти лет от роду.

Пока она радовалась такой удаче, дежурная медсестра вызвала санитаров, и они принялись потихоньку подталкивать Нину Анисимовну к выходу. Неизвестно, чем бы это все кончилось, но как раз в эту минуту в холл спустился Николай Иванович и внес в ситуацию ясность.

— Нина, — ворчал он, поднимаясь рядом по лестнице на третий этаж, — ты неисправима! Семьдесят лет ты не можешь ступить шагу, не попадая в историю.

Перед дверью он остановился и круто повернулся на каблуках.

— Нина, мне очень жаль, но я должен задать тебе один вопрос.

Она смотрела на него внимательно.

— Я, как тебе известно, человек широких взглядов и многое могу понять. Но вот Володя, несмотря на то что он мой ученик, придерживается строгих правил. Он хочет знать, не замешана ли эта женщина в криминале.

— А что, иначе он ее лечить не станет?

— Станет, но будет вынужден сообщить о ее пребывании здесь куда следует. Ты узнала что-нибудь о ней? Кто она? Вова не станет проверять, — Николай Иванович всем своим видом давал Нине Анисимовне понять, что готов на обман исключительно ради нее, — ему довольно нашего слова.

— Не волнуйся. Я многое знаю о ней и смело могу поручиться: эта женщина — святая.

С этими словами Нина Анисимовна обогнула Николая Ивановича и прошла в больничный коридор.

— Час от часу не легче, — вздохнул он, плетясь за ней. — Святая!

* * *

Костя смотрел на рисунок в полном оцепенении и поначалу никак не мог сообразить: как он здесь оказался. На мгновение его даже посетила мысль, что он слишком заиклился на летучих мышках и поэтому рисунок показался ему похожим... Но рисунок оставался у него в руках, а наваждение не проходило.

Лист он достал из ящика стола. Обычно мама хранила здесь чистую бумагу, и он это прекрасно помнил. Костя выдвинул ящик стола. Там действительно лежала пачка чистой бумаги для записей. Он внимательно просмотрел один лист за другим, но никаких рисунков больше не обнаружил.

Тогда он выдвинул средний ящик. Три пластиковые папки. И они были ему хорошо знакомы: мать обычно хранила в них черновики докладов и отчетов. Костя раскрыл верхнюю: так и есть. В последние два года она занималась проблемой наркомании. Здесь хранились разработки отечественных и западных психологов по избавлению от наркозависимости, специальные программы и расписания тренингов. Во второй папке хранились перечни медикаментов, использующихся при лечении, в третьей — списки подростков, стоящих на учете в наркологическом диспансере.

Костя выдвинул третий ящик и закрыл глаза. Он не хотел, чтобы это оказалось правдой. На дне лежало несколько рисунков. На каждом из них была летучая мышь. Похоже, нарисованы они были одной рукой — маминой. Костя разложил рисунки перед собой на столе. Что же это значит? Ребята, которые ломались в квартиру Ларисы, были, по словам Пети, «взрослые, но не старые». То есть вполне может оказаться, что им по шестнадцать-семнадцать лет. Дочка Малахова — студентка. Стало быть, возраст приблизительно такой же. Мама же занималась проблемой наркомании подростков и рисовала при этом летучих мышей. Где связь?

Он взял со стола мамину записную книжку и набрал телефон ее коллеги — Ирины Сергеевны, с которой мать была особенно дружна и которая раньше часто заходила к ним в гости.

— Алло? — ответили ему после целого каскада длинных гудков.

— Ирина Сергеевна! Здравствуйте, это Костя! Извините, что я так поздно... — сказал Костя и осекся, машинально взглянув на будильник.

— Что случилось? — с тревогой спросила Ирина Сергеевна.

— Мне необходимо знать, чем занималась мама перед тем... ну, перед самой смертью?

Ирина Сергеевна, помолчав, многозначительно произнесла:

— Костя, сейчас половина второго ночи.

— Извините, я разбудил вас, — пробормотал Санников. — Но поверьте, мне крайне необходимо...

— Ладно, коли уж все равно разбудил, я тебе отвечу. Мы занимались подростками-наркоманами. Разбили их на группы. Я работала с ребятами из неблагополучных семей, еще

один наш сотрудник — с ребятами из обычных семей, а твоя мама — с элитными.

— Что это значит?

— С теми, у кого родители с именем или прекрасно обеспечены. Нам нужно было создать нечто вроде психологического портрета потенциального наркомана — в зависимости от социальных условий. Понял?

— Да. А точнее? С кем она встречалась? Куда ездила?

— Костя, — вздохнула Ирина Сергеевна, — это не телефонный разговор. Поговорим завтра. Скажем, в обед тебя устроит? Приходи в кафе, где мы всегда обедали, ну, ты знаешь.

— Хотя бы одно имя! — взмолился Костя.

— Я и так сказала тебе слишком много, — ответила Ирина Сергеевна и повесила трубку.

Костя никак не мог смириться с неудачей. Лечь спать, а завтра спокойно дожидаться обеда было нереально. Он должен был получить ответ еще сегодня. Он достал папку со списком подростков, стоящих на учете. Здесь значились их имя, фамилия, отчество, номер школы и — вот удача! — данные о родителях. Так-так. Александров... Папа — сантехник. Мама — кондитер. Гм... Если папа хороший сантехник, а мама — хороший кондитер, то семью можно, пожалуй, счесть обеспеченной. Или нормальной? Критериев отбора Костя не знал, а потому поставил напротив Александрова знак вопроса. Дальше: Башмаков. Папы нет, мама — певица Мариинского. Нормальная семья или элитная? Тоже — знак вопроса. Викулина. Стало быть, и девочки здесь тоже имеются. Санников бросил взгляд на букву «М»: нет ли дочки Малахова. Но на «М» вообще фамилий не было, и он вернулся к началу. Значит, Викулина. Мама — заместитель директора одной фирмы, папа — генеральный директор другой. Вот эта девочка, похоже, была маминой клиенткой. Костя поставил галочку. Дерябин — нет ни мамы, ни папы, ни номера школы или колледжа. Мимо. Дальше...

В середине списка он наткнулся на знакомую фамилию. И похолодел. Осетров Дмитрий Павлович. Мать — переводчик в ООН, отец — кандидат в депутаты городского собрания.

Вот и связь. Только пока непонятно какая. Хотя... Костя припомнил, что назвал свою фамилию, когда пытался связаться с Павлом Георгиевичем, и тот сразу же перезвонил ему. И еще вспомнил удивление, которое вызвали у Осетрова его вопросы. А последняя фраза: «От кого от кого, а от вас я этого не ожидал». Эта фраза теперь обретала иной смысл. Конечно, если Осетров был знаком с его матерью...

Но ведь, если был знаком, вероятно, знает, что она погибла. И ожидал вопросов, связанных с нею, а вовсе не со своей подругой...

Костя просидел за столом еще около часа, пока не стал клевать носом. Догадки можно было строить всю ночь, но гораздо важнее завтра не проспать на работу, и — самое главное — встретиться с Ириной Сергеевной.

* * *

Лариса сидела на кухне на табурете, поджав ноги, и раскачивалась из стороны в сторону как Будда. Последний раз она сидела вот так здесь, когда у нее болел зуб. Спать было невозможно, сидеть спокойно — тоже. Но сегодняшняя боль оказалась гораздо сильнее. Лучше бы заболели все зубы разом. Разговор с Василием никак не шел у нее из головы.

Саша оказался в тюрьме, потому что пытался защитить честь дочери. Правда, Василий сказал, что эта версия еще под вопросом, но у Ларисы словно пелена с глаз спала. Она вдруг отчетливо поняла: так и было! И все сразу встало на свои места. Выходит, Саша никогда не переставал любить ее. Он просто был вынужден... «Но кем вынужден?! — кричало ее бедное сердце. — Отвратительной, распущенной девчонкой, которая и понятия не имеет о том, что такое честь!» И теперь ему грозит тюрьма. Сколько же ему сидеть? Год, два, три? И что теперь делать ей?

Простит ли ее Саша за то, что она так быстро о нем позабыла? Простит ли ей Костю? И...

Вспомнив про Костю, Лариса представила Николая Савельевича. Лежит одинокий старик в квартире день-деньской и ждет от нее обещанного звонка. Как это подло с ее стороны! Лариса схватила телефонную трубку, но тут же положила ее на место. Нет, она не может позвонить. Обману пора положить конец. А перед глазами уже была улыбка старика и его такой доверчивый взгляд. Лариса все-таки позвонила. Как он обрадовался! Ну не говорить же ему, что они больше никогда не увидятся! Теперь она уже жалела об этом звонке. Нет, ей никогда не выпутаться из этой истории. Да и не хочет она...

«Хватит!» — приказала себе Лариса. Есть о чем подумать и без этого... То, что произошло сегодня на лестнице между ней и совершенно незнакомой женщиной, пугало ее гораздо больше. Нет, никогда раньше им не доводилось встречаться, в этом Лариса была абсолютно уверена. Женщина произнесла какую-то тарабарщину, а у нее в голове в тот же миг раздался строгий голос Марты: «Опасность!» Это поразило Ларису, но еще больше поразило ее то, что она сделала: сбежала и закрылась в своей квартире. И она даже знала почему: предупреждение, посланное ей Мартой, означало, что нельзя ничего предпринимать и нельзя доверять окружающим. Откуда она это знает — вспомнить было невозможно. Может, в детстве Марта давала ей какие-то наставления по этому поводу? Более того, теперь нужно быть настороже. И нельзя верить тем, кто совсем недавно появился в ее окружении. А рядом с нею недавно появилось много новых людей: Петя, Костя, Евгения... И от кого-то из них исходит опасность. Петю, конечно, можно смело отмести. Он ей в знакомые не навязывался. Она сама его привела домой. Но вот остальные...

Лариса чувствовала, что сходит с ума. Может, это и есть шизофрения: слышать голоса и выполнять их приказы? Очень похоже. Тогда... Одну минуточку! Голос Марты возник не сам по себе в ее голове. Это все та улыбающаяся женщина сделала. Кажется, она еще сказала: «Вы Лариса? Я вас узнала...» Узнала? Значит, уже ее видела. Когда? Где? Может быть, в детстве? Может быть, эта женщина знакома с Мартой? Какая же она идиотка, что не остановила ее!

И что ей теперь делать? На работе она взяла отпуск. А значит, ей остается сидеть дома и ждать, когда тот, от кого исходит опасность, начнет действовать...

Утром Костя проснулся вовремя, несмотря на то что забыл завести будильник. Приготовив для отца все необходимое, чтобы он сумел до вечера справляться сам, Костя поплелся на работу. Он слушал своих посетителей рассеянно и думал: мне бы ваши проблемы! Уж как бы я с ними разобрался! А вот со своими почему-то не получается...

В кафе, где ему назначила встречу Ирина Сергеевна, он пришел на сорок минут раньше и занял столик в углу на отшибе. Ирина Сергеевна пришла минута в минуту, заказала салат и кофе и только потом обвела взглядом зал и подошла к Косте. Смотрела серьезно и настороженно.

— Ну, здравствуй, Шерлок, — так, кажется, тебя теперь зовут? Рассказывай, что за мысли бродят в твоей голове?

Санников не стал тратить время на сложную увертюру, заготовленную дома. Одного взгляда на Ирину Сергеевну хватило, чтобы понять: ей нужно говорить только правду. Иначе ничего не выйдет. В гости к ним она приходила улыбочивая и беспечная, но ко всему, что касалось работы, относилась крайне серьезно.

— Вчера я нашел странный рисунок в столе у мамы, — начал он.

Ирина Сергеевна никак не отреагировала и ждала продолжения.

— Вот. — Костя протянул ей лист бумаги, стараясь не упустить малейшей реакции с ее стороны.

Снова — ничего. Более того, возвращая ему рисунок, Ирина Сергеевна удивленно подняла брови:

— Это и есть причина, лишившая меня доброй половины ночного сна?

— Вы не знаете, что это?

Женщина раздраженно передернула плечами:

— Похоже на летучую мышь.

— И вам это ни о чем не говорит?

— Абсолютно ни о чем! А тебе?

— В последние дни одна моя знакомая везде натывается на летучих мышей.

— Вот как! — Ирина Сергеевна ела салат, поглядывая на Костю без всякого интереса.

— Одна мышь — живая — висела у нее на двери. Две другие — в виде татуировок — были у молодых людей, пытавшихся вскрыть ее квартиру. Третья — тоже татуировка — у девушки, которая, похоже, засадила в тюрьму собственного отца.

Ирина Сергеевна покачала головой.

— Все это интересно, но отнюдь не смертельно. Даже как-то по-детски. Знал бы ты, что вытворяют мои подопечные, волосы бы дыбом встали! Я могу привести тебе массу объяснений всему этому. Причем совершенно безобидных.

— Приведите хотя бы одно, — попросил Костя.

— Пожалуйста. — Ирина Сергеевна вперила взгляд в пространство и перестала жевать. — Вот хотя бы... Молодежь с одинаковыми татуировками... Два варианта: либо именно эта тварь нынче в моде, что легко проверить, обратившись в любой салон, где делают татуировки. Знаешь, как это бывает, может, фильм какой вышел и там у главного героя такая штучка была, либо... Ну, ты понимаешь... Либо твои молодые люди принадлежат к одному клубу. А татуировка может быть вместо входного билета. Я как-то

сталкивалась с подобным. Мои наркоманы узнавали друг друга в ночном клубе по наколке ХХ на большом пальце.

— Интересно. А мама, стало быть, занималась этим...

— Она занималась «элитными» наркоманами.

— Может быть, «летучие мыши» — это и есть клуб «элитных» наркоманов?

Ирина Сергеевна отвела глаза и сказала тихо:

— Твоя мама не сдала отчет, к сожалению... Не успела.

— Тогда последний вопрос можно? — так же тихо спросил Костя. — К кому из своих подопечных она ездила в тот день, когда...

Ирина Сергеевна вскинула голову и сменила тон:

— Хитер! Думаешь, расслабилась, разнюнилась и все тебе выложу? Это закрытая информация.

— Но ведь ей надрезали тормозной шланг. Стало быть, ее убили...

— Этим занимаются те, кому следует...

— ...вот уже два года и безрезультатно, — перебил ее Костя.

Ирина Сергеевна допила кофе и поднялась:

— Константин! Уговаривать меня бессмысленно. Я не назову фамилии.

Санников поднялся вслед за ней и, пристально глядя в глаза, спросил:

— Она ездила к Осетрову?

На секунду она дрогнула, но быстро взяла себя в руки:

— Извини. Твоя мама это бы не одобрила. И — привет отцу.

Она вышла из кафе.

* * *

Костя решил не тратить времени на звонок Павлу Георгиевичу. Вчера он был болен, так что сегодня есть шанс застать его дома. Консьерж — здоровенный детина — оторвался от книжки и бросил на него недобрый взгляд. Вид у него был сонный, и Костя попытался прошмыгнуть мимо, но парень с молниеносной быстротой преградил ему дорогу.

— К кому?

— К Осетрову.

— Фамилия?

— Санников.

Парень загоразживал узкий проход, не оставляя шансов для маневра.

— А чего несешься как угорелый? Есть в списке — пожалуйста, проходи. Но ведь представиться нужно, правда?

Костя ничего не понял. В каком списке он есть? Наверно, записали вчера, а так как Осетров болен, то он и забыл вычеркнуть его и предупредить охрану, чтобы на порог не пускали. На всякий случай он улыбнулся парню. Вдруг именно его пригласят спустить Костю с лестницы через пять минут...

— Извините, я очень спешу.

Осетров ждал его у двери.

— Опять с психоанализом пожаловали? — прищурился он.

— Нет. Я...

Но Павел Георгиевич поднял руку, останавливая его.

— Сначала войдите.

На этот раз он провел Константина в свой кабинет.

— Вам знакома моя фамилия? — спросил Костя.

— Конечно, — бросил Осетров. — Не понимаю, зачем вам потребовался этот маскарад вчера. Я позвонил Лиде. Никакого психоаналитика у нее нет. С кем другим я бы и разговаривать после этого не стал. Но я знал вашу маму, а потому у вас есть еще одна попытка. И — имейте в виду — последняя.

Костя вытащил из сумки рисунок, найденный в столе, и протянул Осетрову.

— Вам это о чем-нибудь говорит?

Павел Георгиевич протянул руку за листом, но, разглядев рисунок, не стал даже прикасаться к нему. Лицо его окаменело.

— Да, — ответил он совсем другим тоном. — Откуда это?

— Нашел в столе у мамы.

Осетров молчал, ожидая продолжения.

— Вышло так, что мне тоже знакомо это изображение. Это касается одной девушки... Я хочу, чтобы вы рассказали мне все, что вам известно об этом. И самое главное — как это связано с мамой.

Павел Георгиевич долго молчал. Затем скрестил руки на груди и отчеканил:

— Я не скажу вам ни слова, пока вы не выложите мне все, что знаете. Иначе нам говорить не о чем.

Выбирать не приходилось, и Костя рассказал Осетрову обо всех событиях, связанных с летучими мышами. Разумеется, он опускал романтические сцены и не раскрывал сути взаимоотношений между участниками событий. Когда он рассказывал о Малахове, Павел Георгиевич даже подался вперед, стараясь не пропустить ни единого слова.

— Вы уверены, что у Ирочки этот знак... Нет, вы совершенно уверены в том, что говорите?

Этот вопрос он задал трижды, похоже не желая мириться с ответом.

Когда Костя рассказал Павлу Георгиевичу все, тот долго молчал. Костя не торопил его. Он чувствовал — какие-то ниточки связались, и вот-вот что-нибудь прояснится.

Осетров подвинул стул к книжному шкафу, влез на него и достал с самой верхней полки пачку сигарет.

— Врачи не разрешают, — усмехнулся он, — думал, смогу бросить.

Он закурил и с грустью посмотрел на Костю.

— Я в последнее время не верю в совпадения, — сказал он, выпуская дым. — В вашем рассказе мне все понятно, за исключением маленькой детали. Эта ваша девушка... Можете ли вы быть уверены, что познакомились с ней случайно?

— Абсолютно уверен!

— Вы слишком быстро ответили. Не дали себе труда подумать. А она... То есть я хотел спросить, вы...

Осетров махнул рукой:

— Ладно, какие уж тут церемонии! Вы что, влюблены в эту девушку?

— Какое это имеет значение?

— Большое. Мне хочется знать, станете ли вы и дальше заниматься этим делом или удовлетворите свое любопытство и махнете на него рукой. Если влюблены — станете. Если

нет, я бы хотел встретиться с этой девушкой, а не тратить время с вами. Так как?

— Я не оставлю это дело.

— Хорошо. Прекрасно, тогда слушайте...

* * *

Павел Георгиевич в середине девяностых работал начальником цеха на разваливающемся металлургическом заводе. Причем не просто начальником, а самым строптивым и неугомонным. После трех забастовок, которые он устроил начальству, его попытались уволить, но уже через неделю восстановили в должности. Он на пальцах объяснил директору, каким образом собирается восстановиться, привлекая профсоюзы и суд, и во сколько это обойдется предприятию.

Пытаясь избавиться от несговорчивого сотрудника, дирекция, посоветовавшись, двинула его во власть. На выборах в органы местного самоуправления он победил, оставив позади многих именитых соперников. Район-то был заводской, а родной завод стоял за него горой. Так из неугодных начальников цеха он стал неугодным депутатом. Занял место, согретое и предназначенное другому.

Первые же свои трудовые будни Павел Георгиевич отметил все тем же негибким упрямством. Ничему не верил на слово, все норовил проверить сам. К сводкам и цифрам, ложившимся на его стол, относился с подозрением и частенько выезжал на «полевые исследования», вскрывая злоупотребления и очковтирательства. Поработать так ему удалось совсем немного. Первым звоночком был уход жены. Вера уговаривала его притормозить, одуматься и посмотреть внимательно местные новости, где слишком часто мелькали оптические винтовки и милицейские сирены. «Чего ты добиваешься? — кричала она, выходя из себя. — Чтобы и тебя вот так?.. Подумай хотя бы о нас с Жоркой!»

В конце концов жена ушла, хлопнув дверью, в какую-то более спокойную жизнь, а Жорка решил остаться с отцом после развода родителей. Ему было семнадцать, и он с восторгом взирал на отцовскую деятельность по преобразованию новой страны.

Два года назад сын активно помогал ему в предвыборной кампании: готовил листовки, сидел на телефоне в штабе, вел регистрацию писем и посетителей.

Спокойной жизни у Осетрова не было никогда. Всегда кто-то теснил, угрожал, пугал. А потому он давно перестал обращать внимание на угрозы. Да, в ту злополучную пору ему звонили. Но он даже хорошенько не запомнил тот звонок. Угрозы как таковой даже высказано не было, просили свернуть знамена и уйти на покой. Осетров бросил трубку и тут же забыл о звонке.

Вспомнил он о нем лишь тогда, когда позвонили из больницы. Сказали: «Ваш сын... наркотическое опьянение... без сознания...»

Он даже не сразу понял, что речь о Жорке. В голове не укладывалось. А когда увидел его на больничной кровати — худенького, слабого, с запавшими, безжизненными глазами, расплакался как баба.

Забрал из больницы, нанял врачей, охрану. А тут еще появилась Санникова с вопросами. Он не хотел подпускать ее к сыну, но женщина сумела его уговорить. Она приезжала к ним дважды, пока Жора был жив, разговаривала с ним, помогала бороться...

Мальчик практически ничего не мог рассказать о том, что с ним случилось.

Напряженно морщил лоб, но мысль ускользала. Сосредоточиться не было сил. Жизнь вытекала из него по капле. Но что-то о летучей мыши он все-таки успел ей сказать...

Санникова приезжала и на похороны Жоры. Павел Георгиевич вспоминал о ней с благодарностью. Она сделала все возможное, чтобы успокоить его жену, приехавшую из-за границы на похороны сына и с кулаками кидавшуюся на Осетрова. «Я предупреждала тебя! — захлебываясь слезами, кричала она. — Кому нужно то, что ты делаешь, если родной сын...» Санникова стояла с ней рядом на кладбище и поддерживала ее под руки, хотя сама выглядела нелучшим образом. Ведь это именно она просидела с умирающим мальчиком последние дни. И не по долгу службы, в этом не было никакой необходимости, а из сострадания.

В последний раз Павел Георгиевич виделся с Костиной мамой позапрошлой осенью. Она попросила его о встрече, причем настаивала на том, чтобы встреча была на нейтральной территории, не в офисе. Наверно, догадывалась, что за ней следят... Встреча была короткой. Ни у нее, ни у Осетрова лишней минуточки не было. Павел Георгиевич вспомнил, что она отказалась от кофе и пообещала, что не займет у него много времени. Спросила, не звонили ли ему больше с угрозами. Осетров пожал плечами. Такие звонки для него в последние пять лет стали привычными. Он не защищен от них. Санникова попросила его внимательно изучать корреспонденцию, не доверяя секретарю. Потому что секретарь может расценить как шутку листок с нацарапанным изображением летучей мыши. А потому, если такое письмо будет, то Павел Георгиевич даже не узнает о нем.

«С чего вы взяли, — спросил он ее тогда, — что такое письмо непременно будет?» Она показала разорванный пополам смятый листок. «Что это?» — спросил побелевший Осетров. «Содержимое вашего мусорного ведра на следующий день после смерти Жоры. Вы ведь в тот день на работе не были». Павел Георгиевич не мог справиться с собой. «Но ведь это равносильно тому... Они же расписались в содеянном! Я...» — «Мы пока ничего не можем сделать. Слова Жоры не являются доказательством. Врачи подтвердят, что мальчик почти все время бредил... Но я обещаю вам, что не оставлю этого. К тому же я вчера обнаружила кое-что...» Санникова стояла у двери, но Осетров преградил ей дорогу: «Я должен знать!»

Она усмехнулась: «Возьмите телефонный справочник и узнаете! Я позвоню, если понадобится ваша помощь! Прощайте!»

Она ушла, а Осетров встал у окна, пытаясь унять разболевшееся сердце. Он положил под язык таблетку валидола и увидел, как Санникова села в машину. Ее миниатюрная «Ока» среди массивных иномарок, окружавших их дом, выглядела хрупкой и беззащитной. Он смотрел ей вслед, пока она не вырулила на улицу и не поехала в направлении площади. Валидол не помог, и Павел Георгиевич собирался прилечь минут на пятнадцать. Прежде чем задернуть занавеску и отойти от окна, он еще раз посмотрел вслед маленькой «Оке».

Все произошло мгновенно: машина сначала летела прямо на микроавтобус с пассажирами, а потом, резко вывернув, врезалась в борт грузовика. Осетров лбом прикинул к окну. Он видел, как остановились машины, как из грузовика вылетел взъерошенный молодой человек, к нему подошел водитель автобуса, и оба они замерли у «Оки». Он не хотел верить в очевидное. «Сейчас она выйдет. Просто не справилась с управлением... С каждым может случиться, — умолял он мысленно, — Наверно, заклинило дверцу, но она обязательно выйдет, и парни от души выругают ее. Пусть так, но пусть она обязательно выйдет!»

Молитва не помогла. Санникова не вышла. Павел Георгиевич вызвал скорую и бросился вниз.

Костя не ожидал такого поворота. Похоже, все они угодили в самую неприятную историю. Только вот Осетров и его мать — это одна песня. Павел Георгиевич обладает властью, это объясняет интерес к нему «летучих мышей». Мать сама интересовалась ими. Но Лариса? При чем здесь она? И какая связь между Малаховым и Осетровым?

— Вопросов еще больше? — поинтересовался Павел Георгиевич, закуривая вторую сигарету. — Вот и у меня тоже. Я полгода потом ждал, что они снова объявятся. Ждал и готовился к встрече. Но они так и не дали о себе знать. А теперь эта история с Малаховым... Если бы не ваш рассказ, я бы считал, что у человека просто крыша поехала от ревности. А выходит...

Он смял сигарету.

— Выходит, расчет их был не Малахова посадить, а меня уничтожить. Только вот охрана помешала. Но, знаете, до сих пор поверить не могу, что в этой истории замешана Ирочка. Пока не удостоверюсь сам, разрешите мне помечтать хотя бы, что это ошибка. Лида — такая чудесная женщина...

— Мечтать некогда, Павел Георгиевич. К тому же я не уверен, что охота идет на вас. К чему было выжидать два года? Они могли убрать вас еще тогда, точно так же, как маму.

— Но я принял меры!

— Не думаю, что они два года готовились к расправе. Что-то слишком долго. И потом, допустим, что цель вы, оружие — Малахов, но при чем здесь Лариса? Зачем посылать к ней людей и развешивать летучих мышей?

— Может быть, ищут что-то у нее?

— Что?

— Вот у нее и поинтересуйтесь. Подумайте сами: девушка приходит домой поздно вечером и видит эту гадость. Как она поступит? Снимет ее? Вы, кажется, говорили, что ваша девушка чуть не лишилась чувств? Значит, она развернулась бы и ушла ночевать к подруге. Днем ковыряться в замке не сподручно, а ночью — запросто. Теперь дальше: у них не получилось. Вы помешали. Выбора не осталось, они принялись за работу днем, когда она, по их расчетам, должна быть на работе. А тут мальчик... Кстати, как его зовут, вы говорите?

— Петя.

— Я бы очень хотел с ним познакомиться. У меня, пожалуй, найдется для него кое-что...

Санников посмотрел на Павла Георгиевича с удивлением. Тот грустно улыбнулся:

— Я после смерти Жоры организовал что-то типа приюта, где ребята могут провести вечер или, если понадобится, несколько дней. Кстати, если будет время — зайдите, посмотрите. Психологов нам крайне не хватает. Особенно — с мозгами.

Он замолчал. Ему не хотелось прощаться с Санниковым. Но, чувствуя его нетерпение, Осетров решительно встал:

— А теперь, как я понимаю, вам нужно бежать к своей девушке.

Костя с благодарностью взглянул на него, прошел к двери и подал на прощание руку. Павел Георгиевич задержал Костину руку в своей:

— Обещайте держать меня в курсе. И, конечно же, если нужна будет помощь...

Отогнув край тяжелых портьер, Павел Георгиевич смотрел, как Костя переходит улицу. Взгляд Осетрова был задумчивым, пальцы быстро перебирали несуществующий бисер. На лице отражалось то беспокойство, то отчаянная решимость. Когда Костя скрылся за поворотом, Павел Георгиевич нехотя подошел к телефону...

Ранним утром чуть ли не весь персонал отделения пытался выпроводить Нину Анисимовну домой. Сначала медсестра выгнала ее из палаты, потом Николай Иванович выпроводил из коридора в холл у лестничной клетки. Но она не села в кресло, несмотря на бессонную ночь, а, стоя за стеклом, вглядывалась в каждого, кто проходил по коридору, проклиная свою близорукость.

Володя затащил Николая Ивановича в свой кабинет.

— Чего она стоит? Ты сказал ей, чтобы шла домой?

— Она не уйдет.

— Хорошо, пусть присядет. Зачем же стоять?

— Она ее охраняет.

— Николай Иванович, это же абсурд какой-то! Ну скажите на милость, какой из нее сторож?! Она же еле на ногах держится! Кого она может остановить?

Тут Володя переусердствовал. Николай Иванович обиделся за Нину Анисимовну.

— Ты ее плохо знаешь, — сказал он тихо. — И сильно недооцениваешь. Не исключая, что она одна остановит взвод омонцовцев.

— Николай Иванович, вы шутите?

— Нисколько. Разрешите ей остаться в палате.

Владимир покачал головой.

— Я не уверен, что это хорошая мысль. Женщина не протянет и суток. Мы сделали все возможное, но ведь вы видели... Не хотелось бы сцен...

Николай Иванович посмотрел на Володю с грустной усмешкой.

— Мы с Ниной столько раз сталкивались со смертью, что, уверяю вас, умеем встречать ее достойно. Вы действительно считаете, что надежды нет?

— Надеяться можно только на чудо.

— Так вот пусть Нина сидит в палате и надеется. Кто-то же должен...

Голос его сорвался. Он резко повернулся на каблуках и вышел к Нине Анисимовне. Выслушав его, она тут же кинулась в палату.

Костя забежал проведать отца и огромным усилием воли заставил себя пойти на работу. Он сел за стол и, как только клиентка открыла рот, погрузился в собственные мысли. Стараясь не забывать посматривать на женщину, рассказывающую ему грустную историю

своей жизни, Санников думал о Ларисе. Захочет она разговаривать с ним или нет? Даст ли ему возможность объяснить?..

Собираясь уходить, клиентка сказала Косте:

— Вы — лучший психолог из тех, с кем мне довелось говорить. Не лезете с дурацкими вопросами и так слушаете, так сопереживаете! Я обязательно запишусь к вам на следующую пятницу. Господи, какое у вас говорящее лицо! — воскликнула она на прощание.

Костя шел к Ларисе пешком. Он нарочно пропустил трамвай, хотел оттянуть ту минуту, когда она захлопнет дверь перед его носом. Он пытался успокоиться, подыскать подходящие слова, но в голове крутилась только одна фраза про «говорящее лицо».

Она открыла дверь, хотя, безусловно, разглядела его в глазок. Это была уже половина победы. Чтобы заручиться второй половиной, Костя быстро вошел в коридор, закрыл дверь и прислонился к ней спиной:

— Ты сначала выслушаешь то, что я скажу, а потом мы решим, что делать.

Сказал твердо, не оставляя места возражениям. И тогда только решился посмотреть на нее. Лариса улыбалась.

— Что это значит? — осторожно спросил Костя и только тут заметил, что Лариса стоит в плаще и в туфлях.

— Я собиралась...

— Ты никуда не пойдешь, пока не выслушаешь...

— ...к вам. То есть — к Николаю Савельевичу.

Последние слова они произнесли одновременно, и Косте пришлось подождать, пока слова Ларисы уложатся у него в голове.

— Значит, мир?

Ему казалось, что любое его слово или даже неосторожный вздох способны нарушить хрупкое равновесие момента. Лариса вздохнула:

— Выбирать не приходится. Даже Петька меня бросил. Весь день просидела одна.

— А Петька куда?..

— Выздоровел, — развела руками Лариса. — Обещал заглядывать. Ну так пойдём?

— С вещами.

— Что? Как это с вещами? — Лариса даже сделала шаг назад.

— Пойдем на кухню. За пятнадцать минут я тебе все объясню.

Костя рассказал Ларисе о своей вчерашней находке, о маме и о встрече с Осетровым.

— Это не шутки, — сказал он в заключение. — Тебе нельзя оставаться дома одной. А поскольку деваться тебе некуда, я предлагаю пожить пока у нас. Ты ведь в отпуске?

Лариса взвешивала услышанное, не решаясь дать окончательный ответ. Но по выражению ее лица Санников понял, что она, пожалуй, решится на все, лишь бы не ночевать сегодня одной дома.

— Хорошо, — ответила она, наконец. — Но ведь ты говоришь, что они, возможно, пытаются попасть в квартиру для того, чтобы что-то найти.

— Это только версия.

— Но если меня здесь не будет, они сюда попадут. И найдут это.

— Ну и пусть. Пусть найдут и оставят тебя в покое. Что у тебя есть такого ценного, за чем они могут так азартно охотиться?

— Ничего. Но не забывай, это квартира моей тети. Может быть, у нее есть что-то ценное?

— Давай посмотрим.

— Я никогда не прикасалась к ее вещам.

— Не время для деликатности, — повторил Костя фразу, услышанную днем от Осетрова.

Уезжая в дом престарелых, Ангелина Павловна заперла все свои вещи в один большой шкаф, велев Ларисе почаще проветривать его. Уже одна эта просьба говорила о том, что в вещах ничего особенного быть не могло. Но Лариса все-таки открыла шкаф, и Костя внимательно его обследовал.

Вещи Тумановой были разложены по полкам в идеальном порядке, выдавая крайний педантизм хозяйки. Санников задумался. Перетряхивать каждый носок не хотелось, поэтому следовало изобрести более эффективный метод. Костя спросил себя: что здесь не так? Чего не хватает? Или, может быть, что-то лишнее?

— Тетя любила порядок?

— Да.

— Как она относилась к старым вещам?

— Тут же выбрасывала. Ты ведь видишь, в доме нет старого хлама, который так мил сердцу стариков. Каждую вещь, вышедшую из употребления, она тут же несла в мусорное ведро.

— А что ты скажешь об этой шубе? Давно она носила ее?

Черная шуба из кролика была порядочно протерта и источала крепкий запах нафталина.

— Я не помню, чтобы она носила ее. По крайней мере с тех пор, как я здесь поселилась...

Костя вытащил шубу из шкафа. Она представляла собой жалкое зрелище. Даже странно, что такая брезгливая особа, как Туманова, держала у себя это подобие драной кошки. Лариса прикоснулась к меху, и в руках у нее остался клоч, а пальцы покрылись мелкими волосками. Она побежала мыть руки, а Костя обследовал содержимое карманов. Внешние не содержали ничего любопытного, а внутренний оказался скреплен булавками, да так, что Костя тут же укололся. Он выронил шубу из рук, и по комнате разлетелись клочья меха.

— Нашел что-нибудь? — спросила Лариса.

— Кажется, да, хотя вряд ли булавки могут служить серьезной защитой...

Лариса осторожно вынула из подкладки дюжину мелких булавок и достала из кармана несколько писем. Все они, судя по штемпелям, были из разных городов, но, несмотря на то что отправитель не указал свои данные, — написаны одной рукой. Лариса вскрыла первое письмо и сразу же прочла подпись: «Твой Андрей».

— Кажется, зря мы затеяли этот обыск, — виновато сказала она. — Это личные письма.

— С чего ты взяла?

Лариса протянула ему письмо, но Костя не ограничился подписью и стал читать с начала. Брови его поползли вверх. Он взглянул на Ларису, спрятав письмо обратно в конверт.

— Ты обязательно прочтешь это. Но — у нас. А теперь — пошли.

На улице уже было совсем темно. Огромная желтая луна угрожающе поднималась над соседним домом. Неожиданно для Ларисы Костя поймал такси и попросил отвезти их к Казанскому собору.

— Зачем к Казанскому? — спросила она шепотом в машине.

— Первое, что пришло в голову. А оттуда до моего дома ходит маршрутка. Так, на

Николай Савельевич встретил известие о том, что Лариса поживет у них несколько дней, сдержанно, пытаясь скрыть свое ликование. Но это ему удалось только отчасти, потому что Лариса уже стояла рядом, мерила давление и качала головой.

— Пульс скачет, да и давление не очень. Вы чем-то взволнованы?

— Да нет, — ответил он ей, — все в порядке. Мне что, уже и радоваться запрещено? Черт с ним, с давлением...

Костя занялся отцом, а Лариса ушла в гостиную читать письма. Она разложила их по датам. Первое письмо было написано пять лет назад, в апреле. Тогда Лариса еще не знала о существовании своей тетушки и жила в детском доме. Дата последнего письма, пришедшего год назад, совпадала с тем злополучным днем, когда тетушка объявила ей о своем отъезде. Это было на Восьмое марта. Лариса купила для Ангелины Павловны тюльпаны и эклеры которые та так любила. Но праздника не получилось...

«Здравствуй, дорогая сестра!»

После первых же строк сердце Ларисы забилось гулко и тяжело. Если бы знать, сколько братьев и сестер было у Ангелины! Ведь вполне возможно, что письмо написано ее отцом...

«Я все-таки нашел ее, несмотря на все меры, которые она предприняла, чтобы замести следы. И самое смешное, что она даже облегчила мне задачу, собрав всех моих детей под своим крылом. Ее ждет жестокая расплата. И не только ее. Расплата ждет всех отступников...»

Письмо жгло как раскаленное железо. Лариса перечитала его несколько раз, стараясь убедить себя в том, что не понимает, о чем идет речь. В конце концов, ей это почти удалось, она сунула листок обратно в конверт и принялась за второе. Но тут ее постигло разочарование. Выходило, что речь шла именно о том, о чем она подумала, — о ней, о ее отце и, как ни фантастично это показалось ей сначала, — о ребятах из детского дома.

«Очень рад, что ты приютила мою дочь. Думаю, еще не время для встречи. Пусть из ее юной головки сначала выветрится дух тех людей, которые ее воспитали. Я появлюсь на сцене, когда того потребуют обстоятельства...»

Следующие два письма были написаны с Алтая, где автор провел следующие несколько лет. Речь в них шла о «неотложных делах», которые мешают возвращению в Санкт-Петербург, но, судя по намекам, автор находился то ли под следствием, то ли в заключении... Часто мелькало упоминание о каком-то Вадиме, ставшем «моей гордостью и самой большой надеждой».

Последнее письмо содержало всего одну строчку: *«Мы возвращаемся. До встречи»*. Стало быть, тетя получила это послание и сбежала, потому что не хотела ни с кем встречаться. Почему? Лариса вспомнила сборы тетушки, запрещение давать кому бы то ни было ее адрес или телефон, да и рассказывать о том, где она находится. Вспомнила ее нервозность перед отъездом, как она первой бежала к телефону, вздрагивала от громких криков на улице... И ответ всплыл сам собой: она боялась. Она не хотела ввязываться во что-то...

Лариса вернулась к одному из писем:

«Эти дети — мои! В их жилах течет моя кровь, и они не могут принадлежать никому другому. Я найду и соберу их под одной крышей. Они продолжат мое дело. Их души — самый ценный сбор, который я когда-либо мог бы сделать. В наше время нельзя ни на кого положиться, если это не плоть от плоти твоей и не кровь от крови твоей...»

Неужели у них у всех общий отец? Или это бред умалишенного? Она схватила первое письмо. *«Я нашел ее, ей удалось замести следы...»* Неужели это о Марте? Лариса взглянула на дату. Двадцать пятое апреля. А шестнадцатого мая в детском доме случился пожар. Не об этой ли расплате речь в письме? Ей нужно вспомнить, обязательно вспомнить что-нибудь из детства... *«Только как? — с отчаянием подумала Лариса и в ту же секунду спохватилась: — Кружилка!»* Ну конечно, Костя ведь что-то говорил ей о гипнозе...

Кто знает, может быть, он и прав. Может быть, Марта действительно была...

Нет, нет. Марта была замечательная! Не может этого быть!

Было около десяти вечера, когда Лариса постучала к Косте в комнату.

— Ну как? — нетерпеливо спросил он. — Что-нибудь прояснилось?

— Скорее запуталось еще больше, — ответила Лариса. — Вот, почитай.

Костя быстро пробежал глазами коротенькие послания. Да, недаром Туманова предупреждала, что родители Ларисы страшные люди. Если автор писем не страдает психическим расстройством, в чем Костя уверен не был, то человек он, похоже, крайне неприятный, если не сказать опасный. Неужели этот человек — отец Ларисы? Если это так, то можно считать великим счастьем, что он не принимал участия в ее воспитании.

— Что скажешь? — спросила Лариса, когда он закончил.

— Попахивает клиникой. Нелепые угрозы в чей-то адрес...

— В адрес Марты. Это она собрала нас под одной крышей. Нас было четверо.

— Неужели ты действительно поверила, что все вы были... э-э-э... братьями и сестрами?

— Возможно.

— Ты просто привыкла так считать...

— Не знаю. Ничего не знаю. Мы были такие разные. Леша... Он страдал каким-то странным заболеванием. Почти ничего не говорил, сидел целыми днями в своей комнате. Когда мы приходили к нему, он немного словно оживал. Глаза загорались. Но — и только. О таких людях принято говорить — неполноценный. Но я, все мы очень любили его. Полина делила со мной комнату. Она была мне и сестрой, и подругой. Такая слабенькая, нескладная, вечно попадала в истории... И еще — Данила. Наша гордость. Задачи по математике щелкал как орехи. В седьмом классе решил все задачи и примеры из десятого, и с ним стали заниматься по вузовской программе. Но случился пожар, и все они погибли. Мы искали их, обращались в горсправку...

— И что тебе отвечали?

— Что о них нет никаких сведений.

— Может быть, запрос был составлен неверно? Как ты...

— Костя, мне тогда было всего семнадцать лет. Я попала в большой город из леса. И мало о чем имела представление. Всем занималась тетя.

— Ты видела официальные бумаги?

— Нет. Она просто сказала мне... Ты думаешь?..

— Это легко проверить. Даже обязательно нужно проверить.

Лариса помолчала, не зная, как выразить свою просьбу.

— Помнишь, — сказала она, наконец, — я видела у тебя такой диск... ну ты еще сказал, что он предназначен для гипноза.

— Да, конечно.

— Я бы хотела... Знаешь, тогда все, что ты говорил, показалось мне до того странным... Но теперь мне так не кажется. Понимаешь?

Костя молча кивнул.

— Может быть, действительно стоит попробовать?

— Ты имеешь в виду гипноз?

— Да. Вдруг я вспомню что-то важное из детства? Я тебе не рассказывала... У меня

бывают странные состояния, когда вдруг всплывает в деталях какая-нибудь картина из прошлого...

— Можно попробовать прямо сейчас.

Костя обернулся к столу, встал, открыл шкаф и тут, сообразив что-то, хлопнул себя по лбу.

— Это была не моя вещь, — сказал он Ларисе. — Я уже сто лет назад должен был вернуть ее. В общем, похоже, когда здесь в последний раз были мои однокурсники...

— Марина забрала ее, да? — спросила Лариса.

Костя посмотрел на нее немного удивленно:

— Как ты догадалась?

Лариса усмехнулась:

— Если бы вещь принадлежала кому-то другому, ты бы запросто сказал: Васина или Мишина. А раз так старательно избегаешь назвать имя, стало быть... Здесь была только одна женщина.

— К сожалению, это так.

— Почему к сожалению? Разве ты не можешь к ней обратиться за помощью?

Выбор был крайне неприятный. С одной стороны — хотелось помочь Ларисе, с другой — совсем не хотелось беспокоить Марину. А с третьей стороны — не было никакого желания объяснять Ларисе, почему он не хочет обращаться к Марине. Пока Костя искал несуществующий выход из ситуации, Лариса подала ему телефонную трубку:

— Пожалуйста, позвони ей.

Марины не оказалось дома. Но ее мама узнала Костю и дала номер ее рабочего телефона. Номер был незнакомым. Еще год назад Марина читала лекции в педагогическом институте и ни словом не обмолвилась, что сменила работу. Правда, он и не интересовался...

Когда позвонил Костя, Марина собиралась домой. Но, узнав, что ему нужно, согласилась задержаться на работе и пригласила его приехать.

— Я не один, — извиняющимся тоном пробормотал Костя.

— А, — догадалась Марина, — с невестой? Ну, что поделаешь... Приезжайте. Жду.

* * *

Адрес, который назвала Марина по телефону, они отыскали довольно быстро. Но Костя засомневался, что они попали туда, куда нужно. Он-то предполагал, что Марина по-прежнему подрабатывает чтением лекций на каких-нибудь вечерних курсах, а офис, в который они попали, весьма напоминал салон черной и белой магии. Но все оказалось верно, и Марина, улыбаясь, встретила их в холле.

— Очень приятно, — она протянула руку Ларисе. — Прощу ко мне. Помогу, чем смогу.

— Что это? — обалдело спросил Костя, усаживаясь в кресло, — Кем ты тут э-э-э... числишься?

— Что-то вроде местной ведьмы, — отмахнулась Марина. — Так чем займемся? Полнолуние, полночь близится, самое время для колдовства. — Она с удовольствием потерла руки.

— Нас интересуется гипноз.

— Так стоило ли ехать в такую даль? Ты ведь и сам кое-что умеешь.

— Понимаешь ли... Мы предполагаем, что Ларису в детстве вводили в транс определенным способом. Вот мы и хотели попробовать сделать это тем же способом. Может быть, это важно — кто знает.

— Если твоя невеста не возражает...

— Я не невеста. — Ларисе искренне хотелось снять напряжение, витавшее в воздухе. — Николай Савельевич не подпускает к себе врачей, поэтому пришлось пойти на обман.

— Любопытно, — протянула Марина, переводя взгляд на Костю. — Значит, не невеста?

— Нет, — ответил он коротко, но выдержать Маринино взгляда не сумел, отвел глаза.

— Хорошо, — хлопнула в ладоши Марина. — Костя, ты бы не мог оставить нас одних?

Мне кажется, ты будешь мешать процедуре...

Костя вышел, а Марина принялась за подготовку. Включила музыку, установила кресло перед столом, передвинула лампу. Лариса наблюдала за ней с интересом.

— А вы действительно ведьма? — спросила она с улыбкой.

Марина замерла, обернулась и ответила совершенно серьезно:

— Все брошенные женщины со временем обязательно становятся ведьмами. Уж поверьте моему опыту. Только не каждая это осознает...

Она закончила приготовления и пригласила Ларису в кресло:

— Устроились? Свет не слишком яркий? Смотрим сюда. Начали.

Комнату наполнила нежная мелодия. Она звучала тихо, едва различимо. Перед Ларисой медленно вращался диск со спиралью. Она смотрела в центр, но ничего не происходило. Последние слова Марины не шли у нее из головы. Как это она сказала о брошенных женщинах? Все они становятся ведьмами? Значит, и Лариса тоже? Так продолжалось минуты две, и Лариса даже подумала, что они зря все это затеяли, зря потревожили Марину в такой поздний час, ведь ее, наверно, ждут дома...

Неожиданно Марина выключила музыку и развернула лампу.

— Что-то не так? — спросила она.

— Не получается, — виновато сказала Лариса.

— Что-то мешает, — прищурилась Марина. — О чем вы сейчас думали?

— О том, что вы сказали, про ведьм...

— Прекрасно, — усмехнулась Марина. — Я все испортила!

— Нет-нет, — горячо возразила Лариса. — Просто мне стало интересно, что вы имеете в виду? И как это получается...

— Хорошо, смотрите в центр. А я вам расскажу.

Марина снова развернула лампу и включила музыку. Спираль начала вращаться, музыка становилась громче, но Марина все молчала, и Ларисе показалось, что она забыла о своем обещании. Но тут она заговорила. Голос у нее стал глухим и низким, слова певуче растягивались:

— Это случается, когда ты остаешься одна и понимаешь, что обратно дороги нет. Сначала — все вокруг боль и обида. Но обида проходит, потому что любовь еще жива. Как же обижаться на того, кого любишь? А к боли постепенно привыкаешь и в конце концов перестаешь ее замечать. И однажды понимаешь, что в душе твоей только пустота, пустота и тени, пришитые булавками памяти. И ты уже не та, что была раньше...

Лариса вслушивалась в то, что говорит Марина. Голос убаюкивал, разливался бальзамом, уже не разобрать было слов, и все плыло перед глазами... «Похоже на обморок», — вспорхнула последняя мысль.

А дальше... Ей показалось, что где-то рядом пробудился вулкан. Нечто огненное заворчалось совсем близко, горячее дыхание окутало ее, и только последние проблески сознания тонкой перегородкой отделяли от неизвестного. Она продержалась всего лишь несколько секунд, наполненных страхом и отчаянием, яростно сопротивляясь ощущению собственной ничтожности. А потом, словно вдруг открыли шлюз, Ларису понесло в водовороте образов и видений. Она кувыркалась в безжизненном черном пространстве до тех пор, пока не поняла, как безумно счастлива... И тут же увидела Марту.

«Береги себя, моя девочка, — говорила та. — Вспомни теперь все, чему мы тебя научили. Ты сильная, ты справишься...» Рядом с Мартой стоял ее учитель и улыбался ей. Лариса поразилась, как она могла позабыть о нем. Ведь он учил ее таким поразительным вещам, столько времени они провели вместе... Как же она могла забыть? Это ведь просто невозможно!

Но Лариса не успела этого понять, пространство, окружающее ее, взорвалось немыслимыми цветами, потом каждое громадное цветное пятно уменьшилось до размеров крошечной точки и стало частью бесконечного белого полотна. Сердце Ларисы забило так часто, словно наступал миг наивысшего ликования, и оно готово выскочить из груди. Она знала это, знала всегда и теперь предчувствовала... Вот оно! На белом фоне проступал знак, переливаясь из черного в фиолетовый и желтый; он взрывался мелкими красочными брызгами и снова собирался воедино...

Прошло уже несколько минут с тех пор, как Лариса вернулась к реальности. На ее губах играла легкая улыбка, она прекрасно слышала встревоженный голос Марины, но открывать глаза не спешила. Хотелось еще ненадолго продлить иллюзию того, что с ней только что происходило.

— Лариса, вы слышите меня? — спрашивала Марина срывающимся голосом.

— Да, — ответила наконец Лариса.

— Все в порядке?

Лариса открыла глаза. Марина стояла совсем близко и заглядывала ей в лицо. За ее спиной показался Костя:

— Ну и напугала ты нас!

— Напугала? — Лариса искренне удивилась.

— Тебя как будто током било, ты...

— Потом, — спокойно прервала его Лариса. — Дома расскажешь.

Она повернулась к Марине:

— Спасибо вам. Даже не представляете, как вы нам помогли. Извините за то, что отняли у вас столько времени. Нам пора, Николай Савельевич, наверно, волнуется...

С этими словами Лариса взяла Костю под руку и потянула к двери.

* * *

На улице она отпустила его и спросила:

— Так чем я тебя напугала?

— Ты сделалась на себя не похожа. Марина позвала меня. Казалось, что тебе больно или страшно. Но мы не могли вывести тебя из этого состояния.

Они долго шли молча, пытаясь поймать машину, прежде чем Костя спросил:

— Как насчет летучих мышей?

— Нет, — отозвалась Лариса. — Об этом — ничего. Но я теперь знаю, что нужно делать.

— Что же?

— Нужно найти их. Полину, Лешку, Данилу. Мы должны собраться вместе.

— Зачем?

— Пока не знаю, но уверена: когда мы соберемся, то разгадаем сразу все загадки.

— Откуда ты это знаешь?

— Мне сказали, — ответила она улыбаясь.

Пока они ехали в машине, Костя украдкой посматривал на Ларису и пытался понять, что же его тревожит? Она изменилась. Говорила иначе и даже двигалась по-другому. Но разве может человек поменяться за десять минут? Что там снизошло на нее, какое откровение явилось? Но больше всего его беспокоила ее последняя выходка. С чего она вдруг схватила его под руку и дала понять Марине, что они не просто случайные знакомые? У самого подъезда он все-таки решил спросить об этом.

— Я вот все хочу спросить... — начал Костя, но посмотрел на Ларису и осекся.

Она беззвучно смеялась.

— А я все думаю, когда же ты об этом спросишь?

— Тогда объясни, зачем...

— Наверно, эта женщина когда-то была в тебя влюблена. Ты, может быть, тоже, но что-то у вас не заладилось. Так?

— Ты угадала.

— Ну так не стоит снова подавать ей надежду в тот момент, когда она уже смирилась. Она не принесет тебе счастья. Она стала ведьмой, а значит, разучилась любить...

— А ты? — вырвалось у Кости.

— А я не разучилась, — ответила Лариса, быстро поцеловала его в щеку и, пока он не опомнился, потянула в подъезд. — Смотри, у Николая Савельевича еще свет горит. Пойдем скорее...

Костя поднимался за Ларисой по лестнице след в след, и ему почему-то казалось, что его шансы за этот вечер необыкновенно возросли...

* * *

У постели Марты Нина Анисимовна провела без сна уже почти целые сутки. Врач

заходил редко, прятал глаза. Молоденькая сестричка смотрела виновато. Все это было похоже на приговор. Наверно, нужно было непрестанно обращаться к Богу или читать молитвы, но у нее не было ни абсолютной веры, ни уверенности, что это поможет...

Она прожила слишком длинную жизнь. В ней были счастливые минуты, когда, даже не поднимая головы, можно было сказать с уверенностью, что в небе парят целые стаи ангелов, ибо что же иное, как не их пение, наполняло жизнь вселенской радостью и великим смыслом. Но были в ее жизни часы, дни и целые недели, когда она близоруко всматривалась в пелену облаков или, напротив, в лубочную голубизну, наполненную искрящимся солнцем, и понимала: небо пусто. Нет никакого высшего смысла во всем, что творилось, одна только бесцеремонная несправедливость заправляла всем. Все призывы были напрасны, и сердце изверилось...

Теперь же от отчаяния ее ограждало лишь собственное сердце, не желавшее мириться ни с очевидным, ни с неизбежным. Сердце, где затаилась призрачная надежда, которая умирает последней. И ей нечего больше было предложить Марте.

Большое кресло она поставила рядом с ее кроватью и вот уже целую вечность держала ее за руку, пытаясь отыскать те единственные слова, которые смогли бы помочь ей вернуться.

И вдруг ей показалось...

* * *

Внизу, в приемном покое, плакала пятилетняя девочка. В детском саду ей сделали прививку, а вечером поднялась температура — тридцать девять и девять. И очень разболелась голова. А на месте укола вздулась огромная красная шишка. Мама растерялась и привезла ее в ближайшую больницу. Но оказалось, что эта больница — только для взрослых, и нужно ехать совсем в другую, очень далеко. Им пообещали машину, но машина слишком долго не приезжала, а девочка плакала все это время, обхватив мамину шею руками и прижавшись своей горячей щекой к ее щеке. Ей не хотелось расставаться с мамой... И очень болела голова...

* * *

Во двор въехала машина скорой помощи. Молодая девушка выпрыгнула из кабины и направилась к входу. Настроение у нее было распрекрасное. Практика заканчивалась, девчонки ждали наверху, и сегодня, наконец, они соберутся всей своей веселой компанией. Шофер всю дорогу сыпал анекдотами, и теперь ей словно смешинка в рот попала — она готова была смеяться по каждому поводу и даже без него. На полдороге к зданию больницы она замедлила шаг. Странный старикан бродил под окнами и что-то бубнил себе под нос. Девушка прислушалась и прикрыла рот руками, чтобы не покатиться со смеху.

«Девочка моя, — шептал старик, — милая моя девочка...»

* * *

Нине Анисимовне показалось, что по палате почти неуловимо пронесся легкий ветерок. Едва заметно качнулись занавески. Лист бумаги на столе чуть вспорхнул. Она тряхнула головой. Неужели последствия бессонной ночи? Огляделась. Форточки закрыты, дверь тоже. Но воздушная волна прошла снова. На этот раз — явственно ощутимая. «Этого не может быть, — сказала себе Нина Анисимовна, — но если бы у меня в руках была свеча, то она несомненно бы погасла... А это значит... Он пришел!»

Неуверенной походкой, пребывая в сильнейшем волнении, она подошла к двери и выглянула в коридор. Там никого не было. Лишь из комнаты медсестер доносился веселый смех практиканток...

— ...а внизу, у самого нашего подъезда, — хохоча, рассказывала девчушка, — ходит дедок и бурчит: «Девочка моя, милая моя...»

— Представляю я себе его девочку, — хихикала в ответ другая. — Милая такая, морщинистая и сварливая!

— А может, это он внучке? — откликнулась третья.

— Ой, мамочка родная, — спохватилась четвертая. — Там ведь девочка внизу с температурой! Я им транспорт пообещала...

* * *

Мама плакала вместе с девочкой. Ей тоже не хотелось расставаться с дочкой. Она представляла ее одну, на больничной кровати, без любимого плюшевого мишки и заливалась слезами. Да и машину все не давали. Забыли они там про них, что ли? Мама даже не заметила, когда дочка перестала плакать.

— Мамочка, пошли домой. — Девочка разжала ручки, слезла с маминых колен и потянула ее за руку.

— Что ты, глупенькая, мы сейчас поедem в больницу.

— Не хочу в больницу, у меня уже все прошло.

«Боится, маленькая моя», — с тоской подумала мама.

— Так быстро пройти не может, — сказала она девочке сквозь слезы, снова усадила ту на колени и обняла.

— А у меня прошло, — не сдавалась девочка и вырывалась. — Пойдем!

Мама пощупала лоб дочки. То ли жар спал, то ли она просто больше его не чувствует...

— И головка не болит? — спросила она девочку.

Та тряхнула кудрявой головой:

— Не болит.

Мама развернула девочку спинкой и задрала свитерок. Под лопаткой, где еще полчаса назад расплывалось большое красное пятно, не было никакого следа.

— Как же это? — радостно шептала мама, уводя девочку из больницы. — Было и прошло.

— Налетел такой хороший ветерок, — объясняла ей дочка, — и вылечил...

* * *

Нина Анисимовна выглянула в окно. Первое, что она увидела, это женщина, которая шла по освещенной дороге. Рядом с ней семенила маленькая девочка. Вдруг они взялись за руки и закружились, как две подружки...

Внизу, под окнами больницы, фонари не горели. И Нина Анисимовна долго вглядывалась в темноту, пока не заметила темный силуэт... Хотела влезть на подоконник, открыть форточку и крикнуть: «Мы здесь». Но потом подумала: «Да он ведь знает, иначе бы не пришел...»

Она подняла руку и помахала тому, кто бродил в темноте...

Через несколько минут она уже спала в кресле, рядом с постелью Марты. И сон ее был удивительно спокоен, впервые за последние дни...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

* * *

«Исповедь» — первая книга трилогии Елены Богатыревой «Ловцы душ»

Читателей ждут новые встречи с любимыми героями во второй книге серии — «Испытание» и третьей — «Искушение»

Книга 1. Ловцы душ. Исповедь

Книга 2. Ловцы душ. Испытание

Книга 3. Ловцы душ. Испытание

И через двадцать пять лет зло будет
преследовать тех,
кто прикоснулся к тайному знанию.
Ловец душ не забудет и не простит,
придет за тем, что некогда ему
принадлежало.

Вокруг Ларисы, воспитанницы детдома,
работающей на «скорой», сплетается
клубок мистических событий:
без объяснений исчезает любимый;
ее преследуют те,
чьим символом стала летучая мышь;
появляется мать, которая вызывает
у девушки странную неприязнь...
Что происходит? Чья исповедь поможет
раскрыть загадки прошлого?..

Эта история началась на Алтае
в шестидесятых, с рисунка
на простом альбомном листке.
Рисунка, дающего власть и силу.
Эта история закончится в Петербурге.
Охота за тайным знаком идет,
и дети отвечают за отцов.

ISBN 978-5-271-45389-2

 АСТРЕЛЬ СПб
www.astrel-spb.ru

